

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ СОВЕТА РЕКТОРОВ ВУЗОВ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

РОССИЯ

КАЗАХСТАН

КИТАЙ

МОНГОЛИЯ

GRAND ALTAI RESEARCH & EDUCATION

НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ БОЛЬШОГО АЛТАЯ

спецвыпуск

К 200-ЛЕТИЮ

**СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АРХИМАНДРИТА ЛЕОНИДА
(КАВЕЛИНА; 1822-1891)**

2022'(16)

<http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/>

ISSN 2410-485X

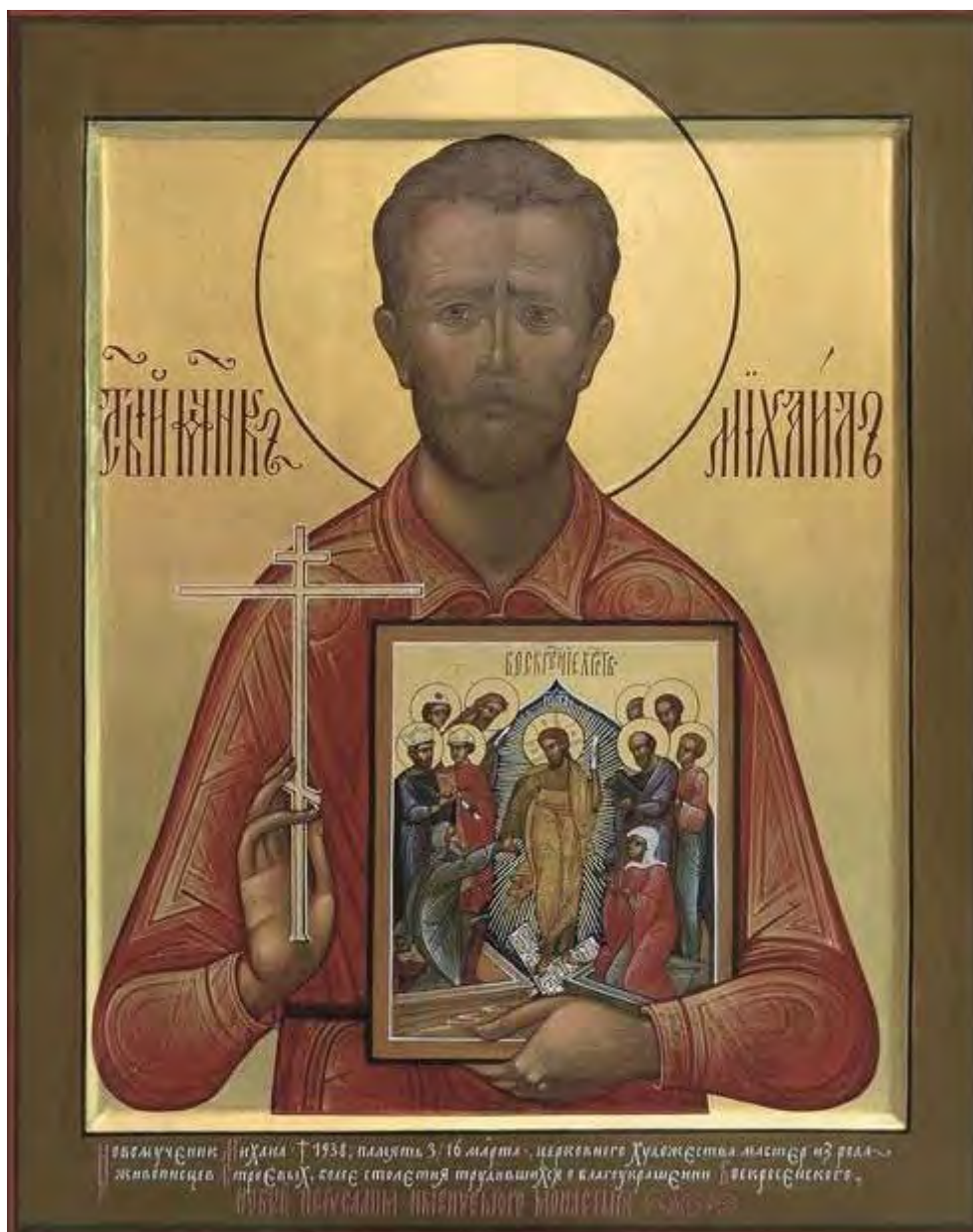
«Поминайте наставников ваших» (Евр. 13:7)

Архимандритъ
Леонидъ (Кавелинъ; 1822–1891)

Поклон наставникъ, кто мне
Открыл единственное средство
Постичь прадедичей наследство:
Любовь к Отцу и старине.

2022 г.

Мученик Михаила (Гуров). Икона 2010 г.

На нижнем поле надпись:

«Новомученик Михаил. † 1938; память 3/16 марта; церковного художества мастер из рода живописцев Гуровых, более столетия трудившихся о благоукрашении Воскресенского, Новый Нервский именованного монастыря»

Молитва

О преславный и докровавый мучениче Христова Михаила, истинный конне святцыа Церкви; сродником твоим земным похвало и украшение! Ты, не убоявся беззаконнаго гонения, верою Православную даже до крове исповедал еси, страдания же твоими образ верным подяга, краткими правды в Царство Небесное вшея еси. Темже молим тия, якоже некогда молитвою твоею ко Господу еси претерпети страдания стяжал еси, тако и ныне молиши, да подаст нам Господь еси заповеди Его животворныя соблюдать, и да избавит нас отъ греха и беззакония, Отечество же наше да сохраниит в Православии до скончания века. Аминь.

Учредитель ФГБОУВО «Алтайский государственный технический университет им.И.И.Ползунова»
(АлтГТУ) Министерства науки и высшего образования Российской Федерации

«Grand Altai Research & Education / Наука и образование Большого Алтая»

спецвыпуск (16), 2022 год

к 200-летию со дня рождения архимандрита Леонида (Кавелина; 1822-1891)

Электронное периодическое издание межрегионального объединения
«Совет ректоров вузов Большого Алтая» (СРВБА)

Периодичность выхода 2 раза в год

ISSN 2410-485X

Журнал издается с IV квартала 2014 года по решению 4-го заседания Совета ректоров вузов Большого Алтая (СРВБА) от 28 мая 2014 года (Университет Шихэцзы, СУАР КНР) в формате сетевого издания (интернет-журнал). Издание ориентировано на научные статьи, отвечающие требованиям, предъявляемыми к рецензируемым научным изданиям, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени. Журнал индексируется в РИНЦ.

© Совет ректоров Большого Алтая. Алтайский государственный технический университет им.И.И.Ползунова. «Наука и образование Большого Алтая / Grand Altai Research & Education» [Электронный ресурс] / Алтайский государственный технический университет им.И.И.Ползунова. Электрон. журн. — Барнаул: АлтГТУ, 2020. Систем. требования: от 386 ; Windows ; Internet-браузер ; Adobe Reader. — Загл. с экрана. — Периодичность выхода: 2 раза в год.

Адрес редакции:

656038, Российская Федерация, Алтайский край, г.Барнаул, пр.Ленина, д.46, АлтГТУ
Секретариат межрегионального объединения «Совет ректоров вузов Большого Алтая»
тел./факс: (3852) 29-87-36 тел.: (3852) 29-08-77
e-mail: grand.altai@gmail.com

О редакции

Главный редактор

Ананьева Елена Сергеевна, начальник научного управления, АлтГТУ, канд. техн. наук, доцент.

Состав редколлегии:

1. Толеген Мухтар Адильбекович, ректор ВКГУ, канд. юрид. наук, доцент.
2. Беушев Александр Анатольевич, проректор по научной и инновационной работе АлтГТУ, канд. хим. наук.
3. Гурьев Алексей Михайлович, д-р техн. наук, профессор АлтГТУ.
4. Недельский Виталий Олегович, и.о. ректора ГАГУ, доцент, канд. полит. наук.
5. Дай Бинь, президент Университета Шихэцзы.
6. В. Сайнбаяр, Ph.D., президент Ховдского государственного университета, доцент.
7. Шишин Михаил Юрьевич, Институт комплексных исследований Большого Алтая (АлтГТУ), директор, д-р филос. наук, профессор.

Выпускающий редактор — О.З.Енгоян.

Оглавление

К читателю.....	3
<i>Пивоваров А.В.</i> Монах трудолюбивый	3
<i>Зеленская Г.М., Севастьянова С.К.</i> «Преданный своему призванию...»	6
I. СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ НИКОН	
Житие и деяния. Ученики, последователи, почитатели.....	10
<i>Морохин А.В.</i> Новые сведения об отце Патриарха Никона	10
<i>Акинин К.В.</i> К вопросу о периодизации строительства Воскресенского собора при Патриархе Никоне	14
<i>Kevin M. Kain</i> Ioann Shusherin on the Realization and Commemoration of Patriarch Nikon's New Jerusalem Monastery	33
<i>Зеленская Г.М.</i> Исторические реалии в гимнографии Воскресенского архимандрита Германа	48
II. АРХИМАНДРИТ ЛЕОНИД (КАВЕЛИН)	
Научное наследие: Святая Земля, Святой Афон, Святая Русь.....	65
<i>Бедина Н.Н.</i> Эсхатологический хронотоп Святой Земли в древнерусских хождениях (на примере «Хожения» Игумена Даниила)	65
<i>Исаченко Т.А.</i> Афонский раздел Лаврской библиотеки архим. Леонида (Кавелина)	73
<i>Крейдун Ю.А. (Протоиерей Георгий Крейдун)</i> Афон и православная миссия на Алтае в XIX – нач. XX в.	83
<i>Зеленская Г.М.</i> Архимандрит Леонид (Кавелин) — настоятель Воскресенского ставропигиального, Новый Иерусалим именуемого, монастыря	93
<i>Сукина Л.Б.</i> Описание монастырей как вид научной публикации в церковной археологии XIX – начала XX в.	108
<i>Каламкарлова Е. (Монахиня Сергия)</i> Вклад архимандрита Леонида (Кавелина) в изучение истории Владимирской епархии	118
<i>Инговатов В.Ю.</i> Образ «Святой Руси» в творческом наследии архимандрита Леонида (Кавелина)	128

Солодухин Д.В.

Архимандрит Иннокентий (Просвирнин) — исследователь творчества
архимандрита Леонида (Кавелина).....134

III. АРХИВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ..... 147

Матонин В.Н.

К истории книжных хранилищ Свято-Андреевского скита на Афоне
и Спасо-Преображенского монастыря на Соловках147
Приложение 1
Опись библиотеки и архива Свято-Андреевского скита 2017 г.153
Приложение 2
Из Описи архива и библиотеки Соловецкого монастыря 1767 г.....164

Севастьянова С.К.

Главная опись Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря 1875 г.
и книги Патриарха Никона167
Приложение (фрагменты Описи 1875 г.)174

Зеленская Г.М.

Письма настоятеля Успенского собора Московского Кремля
протопресвитера Димитрия Новского
к архимандриту Леониду (Кавелину) 1873-1875 гг.....185
Приложение Письма Димитрия Петровича Новского (1799-1879).....189

Матонин В.Н.

Возвращение на Родину: записки и воспоминания Алексея Валериановича
Брагина-Бобринского195
Приложение 1
Из писем и воспоминаний А.В. Брагина-Бобринского199
Приложение 2
Перекоп (из воспоминаний А.В. Брагина-Бобринского о его отце).....206

Список сокращений 212

МОНАХ ТРУДОЛЮБИВЫЙ

К 200-летию со дня рождения архимандрита Леонида (Кавелина)

*Недаром многих
Свидетелем Господь меня поставил.
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдет мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду -
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет, —
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу.
Пушкин А.С. «Борис Годунов»*

«Монах трудолюбивый» — эти слова из монолога летописца Пимена изумительно подходят к великому труженику русской исторической науки — архим. Леониду (Кавелину) (1822-1891), историку, археографу, краеведу, поражавшему современников, по словам архим. Иннокентия (Просвирнина), «глубиной и масштабностью своих научных интересов».

В 1863 г. архим. Леонид был избран членом-корреспондентом Императорской Археографической Комиссии.

В 1867 г. — действительным членом Императорского Общества Истории и Древностей Российских.

В 1869 г. — членом Московского Общества любителей духовного просвещения.

В 1882 г. — членом Императорского Палестинского общества.

В 1884 г. — почетным членом Московской Духовной Академии.

В 1886 г. — членом-корреспондентом Императорской Академии Наук.

Перечень ученых заслуг архимандрита говорит сам за себя. А вот как характеризовал этого трудолюбивого монаха, в бытность того наместником Троице Сергиевой Лавры, редактор «Русской Старины» Михаил Иванович Семевский, посетивший его в 1888 г.: «Это искренний и, как подобает вообще монаху, вполне бескорыстный подвижник в области научного труда... Застали мы отца архимандрита за большим трудом. С обычной своей пытливостью и знанием дела он трудился над составлением весьма важного для науки обзора и описания громадного собрания рукописей незабвенного археолога¹ гр. А.С. Уварова... Составлением, а затем печатанием первых списков этого четырехтомного труда был занят отец Леонид до самой своей кончины».

¹ так именовали в XIX в. археографов. — Прот. Б.П.

О. Леонид (Кавелин) знал многие языки: английский, французский, немецкий, сербский, болгарский, польский, древнегреческий. Осилит он также знание новогреческого, турецкого и арабского языков. Это, несомненно, много помогало ему в научных исследованиях.

Упомянутый архим. Иннокентий (Просвирнин; 1940-1994), член Археографической комиссии СССР (с 1991 г. — Археографическая комиссия РАН), последователь архим. Леонида (Кавелина), в сборнике «Богословские труды» (№9 за 1972 г.) опубликовал библиографию его трудов — 289 наименований. При этом о. Иннокентий отмечал, что «предлагаемая библиография публикаций архимандрита Леонида ни в коей мере не может считаться исчерпывающей».

Под номером 279 отец Иннокентий поместил сведения об одном из самых замечательных трудов архимандрита Леонида (Кавелина): «Святая Русь, или Сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси, до XVIII века, обще и местно чтимых. Справочная книга по русской агиографии» (СПб., 1891).

В 1970-х гг. в одном из московских букинистических магазинов мне посчастливилось приобрести это удивительное издание, давно ставшее библиографической редкостью. На его титульном листе приводится более развернутое наименование книги: «Святая Русь или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще и местно чтимых. Изложены в таблицах, с картою России и планом киевских пещер. Справочная книжка по русской археографии. Составил Архимандрит Леонид. Издание графа С.Л. Шереметьева. Типография М. Стасюлевича: СПб., 1891».

В кратком предисловии составитель написал: «У нас есть печатные Патерики: Печерский (Киевский) и Соловецкий, остаются и рукописные Патерики Иосифова (Волоколамского) монастыря». В подстрочном примечании дополнил: «Сказания и повести о Псково-Печерском монастыре составляют тоже Патерик онаго и засуживают быть напечатанными под сим заглавием. Желательно, чтобы настоящая книжица побудила местных читателей памяти святых составить Патерики по областям и городам: Новгородской, Псковской, Московской, Ярославской, Ростовской и иных; причем особенно желательно, чтобы существующие жития нарочитых святых непременно были напечатаны вполне с самых древних и исправных, дошедших до нас списков первой начальной редакции (если их несколько)».

Недаром архим. Иннокентий (Просвирнин) написал об архим. Леониде: «Последний труд его, «Святая Русь», представляется нам прямым завещанием подвижника науки будущим исследователям, которым многое еще предстоит сделать в научной разработке русской агиографии».

Со времени написания этих строк напечатан целый ряд Патериков и других сборников по русской агиографии. Но завет архим. Леонида (Кавелина) остается в силе, поскольку великое множество рукописных источников только ожидают своих исследователей.

О. Иннокентий (Просвирнин) справедливо отметил, что обобщающие труды историков «невозможны были бы без неустанной работы подчас безвестных иноков-изыскателей, посвятивших жизнь кропотливым исследованиям и описаниям русских монастырей, монастырских ризниц, книгохранилищ, архивов и частных собраний».

Таким трудолюбивым монахом и был архим. Леонид (Кавелин). Чрезвычайно интересен весь его жизненный путь, а научные труды, по выражению о. Иннокентия (Просвирнина), «неотделимы от его жизненного иноческого пути». Трудился же он, «да ведают потомки православных / Земли родной минувшую судьбу».

В «Православной Энциклопедии» (Т. 40, 2015 г., с. 467-473) помещена статья «Леонид (Кавелин Лев Александрович)», которая окажет помощь каждому, кто пожелает кратко познакомиться с описанием жизни этого замечательного русского ученого. А для подробного изучения его деяний бескрайние просторы представляют труды его самого и исследования, посвященные его творчеству.

22 октября 2021 г. (4 ноября по н.ст.) исполняется 130 лет со дня кончины архим. Леонида (Кавелина). А 20 февраля (5 марта по н.ст.) 2022 г. исполнится 200 лет со дня его рождения. В этот день Церковь Православная совершает память прп. Льва, епископа Катанского (VIII в.). В честь этого святого получил свое имя при совершении Таинства Крещения будущий подвижник русской исторической науки — Лев Александрович Кавелин, в монашеском постриге — Леонид. Имя выбиралось по церковному календарю, и Лев Кавелин получил его «в благодарность оптинскому старцу Леониду» (Наголкину; 1768-1841), основателю старчества в Оптиной Пустыне, который от купели Крещения носил имя Лев и с этим именем принял схиму.

Лев Александрович Кавелин по окончании в 1840 г. кадетского корпуса дослужился до чина капитана. Однако в 1852 г. он оставил службу и стал послушником в Оптиной Пустыне. По словам о. Иннокентия, «Оптинская школа и определила весь его последующий творческий путь».

Старчество прп. Льва (Наголкина; 1768-1841) продолжалось двенадцать лет и принесло великую духовную пользу. Благодатные явления по молитвам великого подвижника были бесчисленны: множество обездоленных людей стекались к нему, окружали его, и преподобный помогал всем. Иером. Леонид (Кавелин) записывал то, что простой люд говорил о старце: «Да он для нас, бедных, неразумных, пуще отца родного. Мы без него, почитай, сироты круглые».

Памятные даты — 22 октября/4 ноября 2021 г. и 20 апреля/5 марта 2022 г. — замечательный повод к дальнейшему изучению жизни и научных трудов архимандрита Леонида (Кавелина), славного русского подвижника веры и науки.

*Протоиерей Борис Пивоваров,
доктор богословия*

«ПРЕДАННЫЙ СВОЕМУ ПРИЗВАНИЮ...»

Настоящий выпуск журнала «Grand Altai Research & Education» — специальный. Он посвящен 200-летию со дня рождения замечательного церковного ученого архим. Леонида (Кавелина; 1822-1891), жизнь и деятельность которого связаны со Святой Землей, Константинополем, Святым Афоном и тремя знаменитыми обителями Руси: Введенской Оптиной пустыню, Воскресенским Ново-Иерусалимским монастырем и Свято-Троицкой Сергиевой лаврой. Места послушания архим. Леонида объединяет история восточного христианства, а его многочисленные труды — тема духовного единства Вселенского Православия. Это сближает ученого с Патриархом Никоном, «воистину святейшим», как называл его архим. Леонид. Сказанное объясняет концепцию журнала, чье содержание состоит из трех разделов:

1. Святейший Патриарх Никон. Житие и деяния. Ученики и последователи.
2. Архимандрит Леонид (Кавелин). Научное наследие: Святая Земля, Святой Афон, Святая Русь.
3. Архивные публикации.

Также издание включает «Список сокращений», облегчающий знакомство с темой.

Рубрики следуют традициям «Никоновских чтений», проводившихся в подмосковном Историко-архитектурном и художественном музее «Новый Иерусалим», начиная с 1998-го года. В 2022 г. исполняется 20 лет со времени издания первого из трех выпусков сборника научных статей «Никоновские чтения» (составитель и научный редактор Г.М. Зеленская). Настоящий журнал является, по сути, четвертым. Преемственность прослеживается не только в тематической структуре, но и в направленности исследований, сочетающих новизну с развитием традиций.

Наши авторы вводят в научный оборот новые исторические факты (А.В. Морохин), предлагают новые интерпретации известных письменных источников (К.В. Акинин, Н.П. Бедина, Г.М. Зеленская), разрабатывают новые темы для их системного изучения (Л.Б. Сукина), публикуют новые архивные материалы (Г.М. Зеленская, В.Н. Матонин, С.К. Севастьянова).

Интерес к личности и трудам архим. Леонида объединяет ученых разных специальностей: историков, филологов, искусствоведов, культурологов, в числе которых — лица духовного звания, монашествующие и миряне. Их статьи детализируют и расширяют пространство научного и духовного наследия архимандрита, а также выявляют его новые грани (В.Ю. Инговатов; монахиня Сергия (Каламкарлова)), анализируют состав его личной библиотеки (Т.А. Исаченко), прослеживают жизненный путь современного последователя о. Леонида — архим. Иннокентия (Просвирнина; †1994) (Д.В. Солодухин).

Все работы касаются, так или иначе, темы преемства, «духовной генеалогии», связи идей и времен. Этот аспект отечественной истории ярко отражен в статье об Афоне и Алтае (протоиерей Георгий Крейдун) и в публикации воспоминаний о жизни в эмиграции Брагиных-Бобринских (В.Н. Матонин).

После 1917 г. за рубежами Отчизны оказались многие дворяне, а иконописец из мещан подмосковного г. Воскресенска Михаил Строев оказался на Алтае. Он родился в семье служителей Воскресенского монастыря — потомственных живописцев, трудившихся в обители с XVIII в. Его отец, Степан Иванович Строев, сделал по заказу архим. Леонида в 1870 г. копию образа Божией Матери «Троеручица» — списка чудотворной афонской иконы, привезенного Патриарху Никону со Святой Горы.

Михаил Степанович Строев в 1937 г. был репрессирован и умер в Сиблаге на Алтае (ст. Суслово). После «времен забвения» реабилитирован, в 2002 г. причислен к лику Новомучеников и Исповедников Российских. Специальный выпуск журнала «Grand Altai Research & Education» — дань памяти как архим. Леониду, погребенному в Троице-Сергиевой лавре, так и мученику Михаилу Строеву, похороненному в безымянной могиле на Алтае. Промыслительно, что его «Жизнеописание» и «Следственное дело» впервые опубликованы в сборнике материалов всероссийской научной конференции с международным участием «Русский мир в пространственно-временном контексте», изданном в Барнауле в 2015 г. (составитель и научный редактор С.К. Севастьянова).

Алтай стал преемником традиций «Никоновских чтений», придав конференции новый статус, а публикациям ее материалов — иной формат. Ставшая с 2004 г. ежегодной в Рубцовском индустриальном институте (филиале) Алтайского государственного технического университета им. И.И. Ползунова всероссийская конференция с международным участием «Человек и мир человека» предоставила свою площадку как постоянным, так и новым авторам «Никоновских чтений». Сначала в виде отдельных статей, а в 2008-2015 гг. — самостоятельного раздела в каждом сборнике материалов конференции присутствовали темы о деяниях и творчестве Патриарха Никона, изучались особенности основанных им монастырей, осмыслялось их место в истории и культуре России. Комплексный подход к исследованиям, заложенный научной концепцией «Никоновских чтений», способствовал многогранному изучению архитектурно-богословских, иеротопических и образно-символических проектов Первосвятителя, при осуществлении которых он был, по словам архим. Леонида (Кавелина), «и мудрым зодчим и простым работником».

Публикации о духовной генеалогии Патриарха Никона и его учеников в «Ползуновском альманахе» (2017 г.) и в журнале «Grand Altai Research & Education» (2019 г.) предвосхитили подготовку данного спецвыпуска.

В сборниках научных конференций «Человек и мир человека», как и в «Никоновских чтениях», участвовали исследователи со всех концов России. Большинство их работ, опубликованных в указанных изданиях, доступны на нашем сайте¹. Авторы настоящего издания представляют обширную и тоже неслучайную географию. Об этом свидетельствует перечень городов, откуда поступили статьи. Назовем их в связи с житием Святейшего Никона:

- Нижний Новгород, «Низовская земля» («страна») — место рождения Патриарха, значимое и для его любимого ученика архим. Германа, автора двух эпитафий Первосвятителю и многих церковных гимнов.
- Москва и г. Истра (бывший г. Воскресенск) — «царствующий град» и Подмосковье, где Первосвятитель, будучи Патриархом Московским и всея России, создал свои лучшие творения: Преображенский собор в Новоспасском монастыре, иконостас Успенского собора и Патриаршие палаты в Кремле, образы Святой Земли и Воскресенский собор — преображенное подобие храма Гроба Господня — в Новом Иерусалиме.
- Переславль-Залесский — город с Никитским монастырем, основанным в XII в. и сохранившим святыне мощи и вериги прп. Никиты Столпника (†1186, память 23 мая), Небесного покровителя Святейшего Никона (в миру — Никита Минин). Весной 1652 г. по пути на Соловки Новгородский митр. Никон «сподобился», как он писал царю Алексею Михайловичу, «поклониться и многочисленных честных мощей преподобных отец облобызати», в том числе — «Никиты Столпника, Переславского чудотворца».
- Архангельск — Русский Север, духовная родина Патриарха, где он принял монашеский постриг в Троицком Анзерском скиту. Город входил в Новгородскую епархию, архиерейскую поездку по которой митр. Никон совершил в 1652 г. Впоследствии в Архангельске находилось подворье устроенного Патриархом на Кий-острове Крестного монастыря.
- Александров с Успенским девичьим монастырем, основанным в 1651 г. «Черноризицы» этой обители, «числом не менее дву сот» во главе с игуменьей Макриной «изыде во сретение вне монастыря, со звоном и со славословием, поюще литию» навстречу гробу Патриарха-схимонаха Никона, скончавшегося 17 августа 1681 г. близ Ярославля в струге на реке Которосли по пути из ссылки.

Как видим, география статей отражает все периоды жития Святейшего Никона — от рождения до триумфального возвращения в Новый Иерусалим, символизирующий Иерусалим Небесный.

Знаменательно участие в данном выпуске журнала и автора из США. К.М. Кейн давно и скрупулезно занимается изучением жития Патриарха Никона. Он создал уникальный электронный каталог изображений Первосвятителя и перевел на английский язык упоминавшееся ранее его

¹ <https://patriarch-nikon.ru>

жизнеописание, составленное в 1680-х гг. Иоанном Шушериним. Работа Кевина Кейна, написанная для нашего выпуска журнала, посвящена именно этому ученику Патриарха Никона, который способствовал завершению строительства Воскресенского собора, прерванного на 15 лет осуждением и ссылкой Первосвященника. Деятельность американского исследователя тоже продолжает традиции, восходящие, в частности, к трудам В. Палмера — историка английской церковно-исторической школы XIX в.

В качестве названия нашего обращения к читателям использована цитата из письма к о. Леониду настоятеля афонского Свято-Пантелеимоновского монастыря архим. Макария (Сушкина), где он сетует о том, как «бедно отечество наше деятелями, истинно преданными своему призванию». Святогорец относил к «преданным» самого Кавелина, но к ним можно отнести и наших авторов, каждый из которых вносит свою лепту в освоение и развитие научного и духовного наследия архим. Леонида.

Новый издательский проект не мог воплотиться без столь же преданных своему призванию руководителей и сотрудников журнала «Grand Altai Research & Education». Мы приносим искреннюю благодарность Елене Сергеевне Ананьевой (главному редактору сетевого издания «Grand Altai Research & Education») и Михаилу Юрьевичу Шишину (директору Института комплексных исследований Большого Алтая).

*Составители и научные редакторы
Г.М. Зеленская, С.К. Севастьянова*

I. СВЯТЕЙШИЙ ПАТРИАРХ НИКОН ЖИТИЕ И ДЕЯНИЯ УЧЕНИКИ, ПОСЛЕДОВАТЕЛИ, ПОЧИТАТЕЛИ

Для цитирования: Морохин А.В. Новые сведения об отце Патриарха Никона //

URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2022/s/articles/1_1.pdf

DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2022.00.001

УДК 993. 23/28

НОВЫЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОТЦЕ ПАТРИАРХА НИКОНА

А.В. Морохин¹

1 ФГАОУВО «Национальный исследовательский государственный университет имени Н.И. Лобачевского», г. Нижний Новгород, Россия
E-mail: alexmorohin@yandex.ru

Последние годы характеризуются спорами историков об этническом происхождении Патриарха Никона (1605-1681). Широкое распространение получило утверждение о том, что Никон был по происхождению мордвин, и еще в XIX в. историк П.И. Мельников в изображении Патриарха находил мордовские черты [1, с. 37]. В 2005 г. на родине Патриарха в селе Вельдеманове по инициативе общественности республики Мордовия был установлен Поклонный крест. Однако версия о мордовском происхождении Никона оказалась не единственной. Некоторые современные авторы считают, что по рождению Патриарх был марийцем [2, с. 42-43]. В этой связи представляется актуальным изучение вопроса о том, какие сохранились сведения об отце Никона и его этнической принадлежности.

Единственным источником, повествующим о ранних годах жизни будущего Патриарха, является «Известие» Иоанна Шушерина, написанное в агиографическом жанре. Это сочинение сообщает, что Никон, в миру Никита Минин, родился в мае 1605 г. «в пределах Нижняго Нова града, в веси, нарицаемой Вельдемановой¹ <...> от простых, но благочестивых родителей, отца именем Мина и матери Мариамии» [3, с. 1]. Об отце Никона упоминает в сочинениях и земляк Патриарха — знаменитый «огнепальный» протопоп Аввакум Петров. Так, в «Послании отцу Ионе» он отмечал: «Я Никона знаю: недалеко от моей родины родился, между Мурашкина и Лыскова, в деревне; отец у него черемисин, а мати русалка, Минка да Манька...» [4, стб. 894]. В другом сочинении под названием «Род Антихристов сицев есть» Аввакум вновь обратился к теме происхождения Патриарха: «Я от попа родился, а Никона черемисин Минька добыл в деревнишке» [5, с. 85]. Но насколько можно доверять словам оппонента Никона? Аввакум, как известно, не испытывал к

¹ современный Перевозский район Нижегородской области. — А.М.

своему земляку позитивных эмоций. Больше того, историки еще в XIX ст. сомневались в том, что Аввакум и Никон были вообще знакомы в ранний период своей деятельности, да и разница в возрасте в 15 лет не могла способствовать их личному знакомству. Н.Ф. Каптерев полагал, что Аввакум «вероятно <...> совсем не знал Никона, как хорошо не знал его и тогда, когда тот делался патриархом» [6, с. 312-313]. В.С. Румянцева отмечала, что «в архивных материалах не имеется данных о каком-либо общении патриарха Никона с протопопом Аввакумом» [7, с. 49].

Между тем, прямое указание «Известия» И. Шушерина на имя отца будущего Патриарха давало историкам шанс обнаружить упоминание крестьянина Мина среди жителей села Вельдеманова. Однако ученых, предпринявших поиски, ждало разочарование: в писцовой книге Д. Лодыгина 1621-1623 гг., содержащей описание села, среди его жителей нет ни одного крестьянина с именем Мина [8, с. 584-588]. Это обстоятельство породило несколько предположений историков. Н.Ф. Филатов считал, что отцом будущего Патриарха мог быть житель Вельдеманова Мокейко Перхурьев, «ибо в документах того времени нередко встречаем поименование одного и того же человека то Мокеем, то Миной (? — А.М.)» [9, с. 282]. А.А. Петров выдвинул более интересную гипотезу о том, что у отца Никона было нецерковное имя — Замятня Васильев, под которым он и попал в официальные документы [10, с. 451-452].

Сведения о родственниках Никона, в том числе и о его отце и матери, содержатся в введенных в научный оборот С.В. Сазоновым [11, с. 81-82] синодиках монастырей, основанных патриархом — Воскресенского Ново-Иерусалимского, Иверского Валдайского и Крестного Онежского. Дополняют эти поминальные записи и данные, помещенные в синодике Макарьевского Желтоводского монастыря в разделе «Род новгородского митрополита Никона» [12, л. 72]. Все памяти включают имена родителей Никона, указанные в «Известии» И. Шушерина, — Мина и Мариамия. Кроме того, из синодиков явствует, что у родителей будущего Патриарха было еще три сына — Симеон, Никифор и Григорий. Деда Никиты Минина по матери звали Гавриил, деда по отцу — Василий или Иоанн (один из них мог быть отчимом отца Никона), бабу по матери — Марина, бабу по отцу — инокиня Макрина. В синодике Иверского монастыря прямо указано, что Иоанн — «отца отец», является дедом Никона по мужской линии [11, с. 81-82]. Следовательно, отца будущего Патриарха звали Мина Иванов. Почему же этого имени нет среди жителей Вельдеманова?

Судя по писцовым материалам, в XVI в. Вельдеманово было мордовской деревней, но в следующем, XVII ст., оно стало селом с преобладающим русским крестьянским населением. В дозорной книге письма В.Ф. Борисова и подьячего Т. Аврамова 1587/1588 г. о Вельдеманове говорится, что здесь после окончания 3-й черемисской войны 1581-1585 гг. «церковь сожгли черемиса. Да в селе ж крестянианских дворов на льготе <...> 18 дворов живущих, а людей в них то ж

<...> Да впусете того же села 12 мест дворовых, а дворы пожгла черемиса...» [13, с. 17]. Село серьезно пострадало в годы Смуты, после чего вновь было отстроено. В дозорной книге С.И. Языкова и подьячего Е. Евсевьева дворцовых и оброчных земель Нижегородского уезда 1613/1614 г. зафиксирован процесс его возрождения: «Село Велдеманово Кутнея на Гремячем ручье зжено в Смутное время. А в нем церковь Николы чудотворца поставлен вново, не священ, образы и книги и колокола мирское строенье <...> да семь келей, а в них живут нищие, питаютца от церкви божей <...> Да крестьянских дворов ставят ново...» [8, с. 521]. Возрождение села после черемисских войн и Смуты предполагало движение населения — кто-то из крестьян погиб, кто-то «сшел безвестно», в Вельдеманове могли поселиться и пришлые люди. Так, современный исследователь Н.В. Соколова, опираясь на приходные книги начала XVII в., предположила, что в конце XVI ст. часть бортников из соседнего села Сосновское переселилась в Вельдеманово после его запустения [14, с. 78]. Одним из этих пришлых людей и мог стать отец будущего Патриарха. Кроме того, к селу были приписаны несколько близлежащих деревень, жители которых продолжали именоваться по своему селу. И в одной из этих деревень — Шершово (ныне село в Перевозском районе) — в начале 1620-х гг. проживало два человека с именем Мина: крестьянин Минка Киреев и бобыль Минка Иванов [8, с. 589]. Учитывая тот факт, что по поминальным записям известно имя деда Никона — Иоанн, — Минка Иванов, видимо, и является отцом будущего Патриарха Никона.

Список литературы

1. Мельников П.И. Очерки мордвы // Мельников П.И. Полное собр. соч. М., 1898. Т.12, с. 3-151.
2. Акшиков А. «Отец у него черемисин...» О национальности патриарха Никона // Марийский мир. 2010. №1, с. 42-43.
3. Известие о рождении и о житии Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея Руси, написанное клириком его Иоанном Шущериным. М.: Университетская тип., 1871. 225 с.
4. Памятники истории старообрядчества XVII в. Л.: АН СССР, 1927. Кн.1. Вып.1. 960 стб.
5. Демкова Н.С. Сочинения Аввакума и публицистическая литература раннего старообрядчества: материалы и исследования. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1998. 329 с.
6. Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад: Тип. Свято Троицкой Сергиевой Лавры, 1909. Т.1. 524 с.
7. Румянцева В.С. Патриарх Никон и духовная культура России XVII века. М.: ИРИ РАН, 2010. 254 с.
8. Материалы по истории Нижегородского края конца XVI – первой четверти XVII века. Часть 1. М.: Древнехранилище, 2015. 1036 с.
9. Филатов Н.Ф. Веси Нижегородского края: Очерки историй сел и деревень Поволжья. Нижний Новгород: Тип. ННГУ, 1999. 311 с.
10. Петров А.А. Новые данные об истоках дружбы патриарха Никона с боярином Никитой Алексеевичем Зюзиным // Старообрядчество в истории и культуре России: проблемы изучения (к 400-летию со дня рождения протопопа Аввакума). М.: ИРИ РАН, 2020, с. 438-458.

11. Сазонов С.В. Поминания рода патриарха Никона в синодиках середины XVII века // Историческая генеалогия. 1993. №2, с. 81-82.
12. Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник. Коллекция рукописей. №104.
13. Анпилогов Г.Н. Нижегородские документы XVI века (1588-1600 гг.). М.: Изд-во Московского унив-та, 1977. 462 с.
14. Соколова Н.В. Нижегородская дворцовая деревня XVI–XVII веков. М.: Аспект Пресс, 2021. 336 с.

Для цитирования: Акинин К.В. К вопросу о периодизации строительства Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря при Патриархе Никоне (1658-1666 гг.) //

URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2022/s/articles/1_2.pdf

DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2022.00.002

УДК 726.03+72.033+72.034...6+9.94

К ВОПРОСУ О ПЕРИОДИЗАЦИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ВОСКРЕСЕНСКОГО СОБОРА ПРИ ПАТРИАРХЕ НИКОНЕ

(по данным письменных источников)

К.В. Акинин¹

1 г. Москва, Российская Федерация

E-mail: kirill.akinin@mail.ru

Воскресенский собор — монументальный пространственный комплекс, крупнейший из всех православных храмов, выстроенных на историческом пространстве Древней Руси в средневековье (X–XVII вв.), имеющий среди них наиболее сложную объемно-планировочную структуру. Несмотря на последующие периоды разрушения и восстановления, собор до настоящего времени во многом сохранил свой первоначальный облик, сформировавшийся на начальном этапе строительства (1658-1666 гг.), проходившего под руководством Патриарха Никона.

В обширном труде архим. Леонида (Кавелина), посвященном истории Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря в XVII в. [1], отсутствует фактическая информация о процессе сооружения Воскресенского собора при Святейшем Никоне. Наличие этой лакуны можно объяснить утратой документов в монастырском архиве, а изучение и публикация источников из других архивов, как и исследования самого здания собора, начались позднее. Впрочем, вопрос детализации истории строительства Воскресенского собора данного периода и в дальнейшем оказался на периферии научных интересов — в ряде работ он не был даже поставлен [2-4] или освещен поверхностно и фрагментарно [5-10].

Зодческие проекты Патриарха Никона имели масштабный замысел и не менее монументальное воплощение. Однако Первосвятитель не был сторонником долгосрочных строительных работ. Так, кремлёвский дворец Патриарха был возведен и в значительной части отделан за четыре года (1652-1656 гг.) [11], огромный собор Иверского монастыря выстроен, благоукрашен и освящен всего через два года после начала строительства (1655-1656 гг.) [12, с. 124], а собор Крестного монастыря, строившийся с конца 1650-х гг. [13, с. 280], был завершён в присутствии Патриарха (во всяком случае — вчерне) всего за один сезон 1660 г. [14, с. 37].

Сжатые сроки реализации столь крупных проектов свидетельствуют о том, что в каждом из перечисленных случаев строительство должно было отличаться продуманностью и последовательностью чередования этапов, когда началу собственно процесса возведения здания предшествовала большая организационная и интеллектуальная работа. В противном случае столь впечатляющих результатов было бы невозможно добиться.

Сохранившиеся источники раскрывают общие принципы организации строительства в монастырях, основанных Патриархом Никоном. Вначале Первосвятитель собирал исходную информацию о месте застройки — в том числе, требовал составления ситуационных планов с детальным обозначением основных элементов топографии [7, с. 31, 35]; затем подготавливалось место, налаживались необходимые производства и каналы поставки, запасались материалы, прибывали квалифицированные мастера и рабочие [7, с. 31-32; 12, с. 123; 13, с. 272-273, 275, 280]. Параллельно Патриарх обдумывал замысел монастырского ансамбля, который на завершающей стадии разработки проекта облекался в форму подробного описания и какого-то визуализирующего материала — «образца», вероятно, в виде схем или чертежей — такая практика зафиксирована в наиболее освещенной источниками истории возведения Иверского монастыря на Валдае [7, с. 32; 12, с. 122].

После завершения подготовительного этапа начиналось строительство каменных соборных храмов, которое, благодаря детальному предварительному планированию и заблаговременной консолидации производительных сил и материальных ресурсов, проходило очень быстро. Патриарх с его тонким умом, непреклонной волей и решительным характером предпочитал реализовывать детально обдуманные планы без промедлений и заминок.

На этом фоне история возведения Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря выглядит необъяснимым исключением. Исходя из обозначенной выше динамики возведения других храмов, и даже учитывая гораздо больший, по сравнению с ними, строительный объем Воскресенского собора, можно было бы ожидать, что на возведение вчерне храма на Истре у патриарших мастеров уйдет не более трех-четырех лет. Между тем, несмотря на щедрые царские пожертвования и большие производительные возможности обширных вотчин трех основанных Патриархом монастырей [14, с. 34], Воскресенский собор строился восемь лет (!), и к концу этого периода так и остался незавершенным. Определенно, вокруг строительства Воскресенского собора сложилась уникальная, по сравнению с другими патриаршими проектами, ситуация, что делает еще более востребованным и необходимым детальное исследование истории храма на Истре в патриарший период.

В письменных источниках разного типа и происхождения можно обнаружить разрозненные свидетельства, характеризующие возведение Воскресенского собора при Патриархе Никоне. Их совместное рассмотрение позволяет выявить определенную динамику и наметить периодизацию хода строительных работ в соборе в рассматриваемый период, а также обозначить

причины их большой продолжительности и, в итоге, незавершенности храма до ссылки Патриарха.

Прежде всего, отметим, что в средние века время, пригодное для проведения каменных работ, было ограничено теплой половиной года (в средней полосе России: вторая половина апреля — начало сентября), когда среднесуточная температура имеет постоянные положительные значения — это условие необходимо для затвердевания известкового раствора в каменной кладке. В таком свете маловероятно, чтобы возведение Воскресенского собора началось в самом конце строительного сезона — 1 сентября 1658 г., как полагал архим. Леонид; это должно было произойти гораздо раньше — весной или в начале лета. Например, возведение каменного собора Валдайского Иверского монастыря началось 12 мая 1655 г. [15, стб. 158]. Поэтому более правдоподобной датой начала каменного этапа строительства Воскресенского собора видится день 27 апреля 1658 г., указанный в монастырской летописи архим. Никанора 1680-х гг. и высеченный на белокаменных плитах, установленных возле главного входа в собор: «Начата же бысть сия церковь великая месяц апрель 27...» [16, с. 103; 17, с. 181, 357, рис. 8.1; 9, с. 143]. К этой дате склоняется и Г.М. Зеленская [9, с. 143].

Когда летом Патриарх Никон покинул Москву, строительство храма, должно быть, уже шло полным ходом; судя по замечанию в стихотворной летописи архим. Никанора, стремление лично контролировать строительные работы в соборе было одной из основных причин, побудивших Патриарха оставить столицу: «От царствующаго града семо прииде, ибо зданию сему тщательно прилежа...» [1, с. 95; 16, с. 103; 17, с. 181; ср.: с. 260]. С учетом опыта дистанционного руководства строительством Иверского собора (1655-1656 гг.), когда не все указания Патриарха были на месте точно выполнены мастерами¹ и принимая во внимание гораздо более сложный и значимый характер замысла храма на Истре, такой поворот событий можно считать вполне ожидаемым.

В письме к царю Алексею Михайловичу около 1 сентября 1658 г. Патриарх Никон подводит итог первого года строительства Воскресенского собора: «...начатки твоим, государевым, жалованием — храму святаго Живоноснаго Воскресения изобразишася и все таинствам Господним образы и початки уже немало возвышены: овы пол, овы треть, и инех инако есть, но недостатки камени и кирпича возбраниша [в] нынешнее лето содеятися оной божественной и святой великой вещи; и надеем же на Господа в придущее лето, аще Господь благоволит, совершити. Кирпичу деланаго есть семьсот тысяч, и ныне жжем и будет готов к делу, толко чаять, что извести не будет на совершение. Господа ради, помилуй Великий государь, изволь приказать извести изжечь в Звенигороде с тысячу бочок или з две, дабы оная божественная и велика вещь совершилась во святое царство [твое]. Ей-ей, верую, яко такожде прославит,

¹ именно такое впечатление оставляют данные по устройству хоров внутри собора и его центральной главы [12, с. 133]

напишет Святы́й Бог и твое святое имя в книге животныя, якоже и Великаго Константина, перваго [христианского] царя, создавшаго храм Святаго Воскресения [в Иерусалиме]...» [18, с. 383-384].

Этот фрагмент позволяет сделать ряд ценных наблюдений: 1) большую роль в строительстве имели царские пожертвования; 2) храм изначально возводился как подобие главной святыни христианства, на что указывает сообщение о его насыщенной священной топографии («храму святаго Живоноснаго Воскресения... и все таинствам Господним образы и початки»); 3) строительство разных частей храма происходило одновременно («образы и початки уже немало возвышены»).

Чрезвычайно любопытна оценка разной степени завершенности частей храмового комплекса к концу строительного сезона («овы пол, овых треть, и инех инако есть»). По-видимому, для быстроты строительства в 1658 г. в соборе работало сразу несколько бригад (или артелей) строителей. Вероятно, при одинаковой производительности каждая из них имела свой, строго оговоренный объем работ; можно допустить, что он соответствовал разным объемно-планировочным элементам храмового комплекса: собственно собору (тут могли работать одновременно 2-3 бригады); ротонде; колокольне (строительство Подземной церкви при Патриархе Никоне так и не началось). Таким образом, к концу сезона разные части собора имели степень завершенности сообразно величине строительного объема и, может, отчасти своему значению. Например, наполовину мог быть возведен собственно собор, на третью часть — ротонда, а очень неопределенная характеристика «инако есть» может относиться, например, к колокольне или приделам Подземной церкви.

Замечание «но недостатки камени и кирпича возбраниша [в] нынешнее лето содеятися оной божественной и святой великой вещи» позволяет заключить, что Патриарх Никон (вероятно, вдохновившись успешным опытом возведения Иверского собора всего за два сезона) приступил к строительству Воскресенского собора в 1658 г. с такой решительностью, что планировал завершить все здание в еще более сжатые сроки — за один сезон. Для обеспечения такого темпа в Воскресенском монастыре должно было быть подготовлено исключительное количество строительных материалов и сосредоточено множество мастеров и разнорабочих.

Если обратиться к примеру строительства собора Иверского монастыря, то в отчете, отправленном Патриарху игуменом Дионисием, можно найти такие данные: на строительные работы в мае 1655 г. прибыло две группы (артели?) каменщиков по 21 человеку в каждой, и ожидалось прибытие еще одной; предполагалось нанять 50 разнорабочих и 20 плотников [15, стб. 158-159]. Итого, непосредственно в строительстве собора планировалось задействовать не менее 130 человек. Архид. Павел Алеппский, посетивший Иверский монастырь на второй год строительства собора (1656 г.), приводит цифру в 300 каменщиков (цит. по: [12, с. 123; 147, прим. 50]). С учетом технологических особенностей строительного процесса и данных за 1655 г., в этом сообщении

скорее следует видеть общую численность лиц, тем или иным образом задействованных в работах по возведению храма.

Площадь и строительный объем Воскресенского собора значительно больше собора Иверского монастыря, его объемно-планировочное решение гораздо сложнее и многообразней. Исходя из этих отличий, можно предположить, что в сезон 1658 г. на строительстве храма могло быть задействовано 5-7 артелей одних только каменщиков (100-140 человек).

Для определения численности мастеров в последующие годы С.В. Безсоновым была указана возможность подсчета по косвенному признаку — количеству погодных склеек, упомянутых в казначейской описи 1666 г. ([6, с. 28] — с ошибками), которая опубликована в труде о. Леонида. Там имеются данные за 1661-1665 гг. [1, с. 187-188], когда Патриарх имел меньшие возможности, чем в 1658 г. Первый сезон строительства собора целесообразно рассматривать как самостоятельный эпизод в истории храма, поскольку подготовка к строительству и большая часть работ 1658 г. проходили, когда Патриарх Никон еще находился на патриаршей кафедре в Москве. Заручившись поддержкой царя, располагая огромными ресурсами патриаршего дома, Первосвященитель мог сконцентрировать в обители на Истре исключительную по своим размерам армию строителей, обеспечив их необходимым количеством строительных материалов.

Н. Витсен отметил в своем дневнике, что в сезон 1664 г. на строительстве собора было занято 1500 человек [19, с. 179]. Эта цифра кажется завышенной в 2-3 раза, но она хорошо передает ощущение колоссального масштаба стройки. Отклик на беспрецедентный характер возведения Воскресенского собора можно найти и в сочинениях соотечественников-оппонентов Патриарха (подборку цитат см.: [20, с. 166]).

Далее в тексте патриаршего послания царю привлекает внимание выделение недостатка строительных материалов — кирпича и белого камня. Упоминание кирпича вполне закономерно — это основной строительный материал большинства патриарших построек. Неожиданно выглядит упоминание белого камня: в сохранившихся частях Воскресенского собора, относящихся к патриаршему периоду строительства, он использован предельно ограниченно, для конструктивно наиболее ответственных мест, преимущественно в нижней части здания. На фасадах это — сложно-профилированный цоколь, четыре портала и подоконники больших наличников; в интерьере — многоступенчатый синтрон Горнего места, часовня Гроба Господня, базы колонн, ступени лестниц и местами нижняя часть кладки стен и столпов на высоту в несколько рядов блоков. Эту особенность подметил еще Н. Витсен [19, с. 179].

Но в своем письме Патриарх упоминает камень в контексте сообщения о причинах, не позволивших ему завершить храм, следовательно, белый камень должен был использоваться и в верхней части здания. При этом в письме нет упоминаний об изразцах.

Данные обстоятельства позволяют предположить, что в начальный период строительства собора белый камень играл более важную роль, нежели в последующие годы, — вероятно, он предназначался и для декора. В этой связи вспоминается одна из патриарших грамот в Иверский монастырь периода подготовки строительства там соборного храма (между 7-16 октября 1653 г.), где Никон указывает архим. Иакову: «Да буде мочно, белого камени сыскать на резь, и тебе бы про то нам вестно учинить, да и на помост плит добрых крепких; а буде не сыщется, и тебе бы тож отписать про все вскоре, не измешкав, и мы бы по тому промышляли zde...» [15, стб. 44].

В дальнейшем эта задумка не получила развития: как показали натурные исследования, в существующем храме из белого камня выполнен один лишь цоколь, а резных белокаменных украшений нет вовсе [12, с. 122]. Возможно, нереализованный замысел создания резной белокаменной декорации Иверского собора нашел свое воплощение в замысле Воскресенского собора в первые два года его возведения.

В послании царю Патриарх демонстрирует решительный и оптимистичный настрой относительно перспектив строительных работ: «и надеем же на Господа в придущее лето, аще Господь благоволит, совершити». Это подтверждает его заинтересованность в скорейшем завершении строительства, высокий темп работ и наличие достаточного количества ресурсов для их быстрого и успешного окончания. С учетом корректировки сроков, возведение Воскресенского собора, по мысли Патриарха, должно было уложиться в два сезона, как в случае с собором Иверского монастыря.

Для обеспечения бесперебойного хода стройки на следующий год в монастыре полным ходом шло производство кирпича: «Кирпичу деланаго есть семьсот тысяч, и ныне жжем и будет готов к делу, толко чаять, что извести не будет на совершение. Господа ради, помилуй Великий государь, изволь приказать извести изжечь в Звенигороде с тысячу бочок или з две, дабы оная божественная и велика вещь совершилась во святое царство [твое]...»

Цифра в 700.000 шт. кирпича — поистине колоссальная — еще одно подтверждение исключительных масштабов патриаршего строительства. Для сравнения: при архим. Амвросии (Зертис-Каменском), когда под патронажем императрицы Елизаветы Петровны шло восстановление Ново-Иерусалимской обители, монастырские заводы производили только 300.000 шт. кирпича в год [21, с. 125]. Анализ строительной расходной книги 1756 г. [21, с. 203-211] показывает, что за один сезон строительства стены ротонды, где работала одна артель, ушло около 200.000 шт. кирпича.

Проецируя эти данные на ситуацию XVII в., можно заключить, что произведенного в конце 1658 г. кирпича хватило бы на сезон работы трех-четырех артелей каменщиков. Однако, исходя из объема конструкций собора и учитывая выполненные в 1658 г. работы, для завершения строительства в сезон 1659 г. Патриарху потребовалось бы количество кирпича, по-видимому, в два-три раза больше заявленного (всего на храм, по нашим оценкам: 3-3,5 млн шт.).

К началу строительного сезона 1659 г. ситуация изменилась. В отчете видного московского чиновника — дьяка Д. Башмакова, приехавшего к Патриарху Никону 17 мая 1659 г., отмечено: «...да патриарх же из трапезы выходил к деревянной церкви на паперть и позвал меня к себе, и, смотря на завод новые каменные церкви, сказывал про таинства, каких ради Христовых страстей, где что в стенах делать заведено; а все-де заведено против того, какова церковь во Иеросалиме, а достроить-де её некем: каменщиков нет, да и денег нет же, что-де пожаловал великий государь на церковное строение денег, и то-де поизошло, а с монастырских-де вотчин денег в приходе бывает мало больше ста рублей, крестьяне-де на монастырь пашут хлеб и делают всякие изделия, да и хлебом-де ныне не сподобится, потому что хлеб растет плох, и он-де, патриарх, поустроя в монастыре монастырского строения нынешнем летом, и к осени хочет бить челом великому государю о поезде в Крестный монастырь» [22, с. 171].

Это свидетельство органично дополняет сообщение 1658 г. За прошлый год строительство продвинулось настолько, что появилась возможность предметного обозрения недостроенного здания с комментарием что и в какой части будет располагаться, и Патриарх увлеченно показывает высокопоставленному гостю из Москвы состояние работ.

Вместе с тем изменившиеся обстоятельства (отсутствие средств и постигший крестьян неурожай) заставили Патриарха пересмотреть свои планы; пропали решительность и оптимизм: в разговоре с дьяком Никон даже не вспоминает о своем прошлогоднем намерении завершить храм вчерне к концу текущего строительного сезона. Единственное, что действительно интересует Патриарха, — по завершении строительного сезона отправиться в свою самую дальнюю обитель — Крестный монастырь на Белом море. Вероятно, он решил завершить начатые работы на Кий-острове, чтобы затем сконцентрировать свое внимание и материальные ресурсы на строительстве в Новом Иерусалиме.

Отметим, что вопрос финансирования строительных работ в Воскресенском соборе был для Патриарха Никона наиболее сложным на протяжении всего периода кон. 1658-1666 гг. Покинув летом 1658 г. Москву, он лишился доступа к патриаршей казне и огромным доходам патриаршего дома. Оставшиеся под управлением Патриарха вотчины трех основанных им монастырей, кроме обеспечения благосостояния обителей, к которым были приписаны, стали источником рабочей силы и материальных ресурсов для строительства огромного Воскресенского собора, но обеспечивать еще и финансирование работ они не могли.

Об этом наглядно свидетельствует то обстоятельство, что после возведения соборных храмов в Иверском и Крестном монастырях каменное строительство в этих обителях замерло и возродилось лишь в 1670-1680-е гг. [12, с. 131, 147, прим. 52; 13, с. 270, 286-289], когда по решению Большого Московского собора 1667 г. три бывших патриарших монастыря стали полностью независимыми друг от друга хозяйственно-правовыми субъектами.

Подарки царя Алексея отличались чрезвычайной щедростью, но пожертвования от случая к случаю не могли быть надежной опорой строительству. Неопределенный статус Патриарха Никона во время его жизни в Ново-Иерусалимском монастыре не давал возможности широко привлекать и вкладчиков с их средствами.

В таких условиях единственным источником регулярного поступления необходимого объема финансовых средств для возведения Воскресенского собора могли быть только доходы от стабильных, высокоприбыльных видов деятельности — промышленности или торговли. Таким источником стал ежегодный доход от сбыта продукции двух соляных варниц в объеме 20 тыс. пудов соли в год, пожалованный в качестве вклада еще в 1655 г. Иверскому монастырю вдовами двух внуков московского гостя Г. Никитникова. Эти варницы находились на р. Зырянке в Усольском уезде (текст вкладной — [1, с. 668-670]) и, как видно из сообщений и документов последующих лет, ежегодный денежный эквивалент стоимости их продукции составлял огромную по тем временам сумму в 2 тыс. рублей [1, с. 509, 524; 14, с. 34]. Но в начале 1659 г. произошли события, на время лишившие строительство собора этого важного источника финансирования.

Несмотря на то, что прошло уже несколько лет, как умерли от чумы оба сына Г. Никитникова (1654 г.), царское правительство неожиданно озаботилось судьбой его наследства, и государевым указом от 9 января 1659 г. все бывшие варницы гостя как выморочное имущество были изъяты у вдов его сыновей в казну [23, с. 107]. 17 апреля 1659 г. датирована царская грамота управляющему варницами, гостю С. Задорину со товарищи, о необходимости передачи не только доходов, но и самих двух варниц Патриарху Никону (изд.: [1, с. 615]). Как видно из более позднего документа, ни в 1659, ни даже в 1660 г. Воскресенский монастырь не вступал в права собственности этими варницами и, следовательно, не получал доходов с них: «...и во 169 (1661) году, мая в 27 день, в Приказе Большие Нашея Казны, соляного промыслу промышленник гость Семен Задорин сказал, что той [грамоты]... об отдаче тех двух варниц к Семену не бывало, и тех варниц... патриарху Никону он не отдавал, и по указу... Великого государя... за те Григорьевские две варницы Никитникова... патриарху Никону... давано Государское жалование деньгами, и хлебом и солью...» [1, с. 632].

Таким образом, отсутствие средств, о котором бегло упомянул Патриарх Никон в разговоре с дьяком Д. Башмаковым в мае 1659 г., было проблемой, способной существенно влиять на темпы строительства Воскресенского собора. Как видно из послания Патриарха царю Алексею в ноябре 1663 г., выплата из казны ежегодной компенсации за продукцию двух варниц в размере 2 тыс. рублей рассчитывалась с 7168 г. [24, с. 648; 18, с. 424] — т.е. с 1 сентября 1659 г. Сами выплаты начали поступать в монастырь, судя по приведенной выше цитате, не ранее конца мая 1661 г., если не позже.

Возвращаясь к отчету Д. Башмакова, заметим, что ситуация на строительной площадке в 1659 г., может быть, была не так фатальна, как характеризовал её Патриарх в разговоре с дьяком. Никон отметил, что планирует отправиться в Крестный монастырь лишь в конце лета, т.е. по завершении строительного сезона, «поустроя в монастыре монастырского строения нынешнем летом». По-видимому, существовали материально-финансовые возможности, позволявшие, кроме обустройства монастырского быта, о котором говорит Патриарх, продолжать и возведение Воскресенского собора, хотя не с таким размахом, как годом ранее. Основного строительного материала в монастыре было, вероятно, достаточно, — вспомним об огромном количестве кирпича, производство которого так активно велось в начале осени 1658 г.

Рассмотренные письменные свидетельства позволяют заключить, что в первые два года строительство Воскресенского собора шло достаточно интенсивно. В конце 1658 г. готовность основного корпуса храма могла составлять в среднем около 30-40% от запланированного объема здания, а к концу 1659 г., если строительные работы все же проводились, степень завершенности каменных конструкций собора могла приблизиться к показателю в 50-60%.

По завершении строительного сезона 1659 г., в сентябре, Патриарх Никон отправляется в поездку в Крестный монастырь, посетив не только Валдайский [14, с. 37], но и Троицкую Галилейскую пустынь на озере Велиё [25, с. 185].

Почти весь следующий год Патриарх пробыл в Крестном монастыре, где под его руководством сооружался каменный Крестовоздвиженский собор [1, с. 37; 25, с. 185-191] и продолжалось обустройство обители. Можно заключить, что ввиду недостатка средств, отсутствия руководителя и, наверное, части мастеров, в Воскресенском соборе в сезон 1660 г. строительные работы не проводились.

Работы следующего, 1661 г., кратко отражены в одном осеннем послании Патриарха Никона царю Алексею: «Мы ныне, смиренный твой богомolec, оскудали всем, [вложившись] в ваше государево богомолье — в создание церкви Христова Воскресения и святых Голгофы и Святаго Живоноснаго Христова Гроба. И сего ради молим твою кротость, иже в создание храма Воскресения Христова и прочих святых мест, и нам бедным на пропитание [подай милостыню]... А яже о создании святых мест, изволь, великий государь, спросать своего, государева, окольниковца Ивана Михайловича [Милославского]...» [18, с. 395].

Говоря о больших расходах на строительство Воскресенского собора в сезон 1661 г., Патриарх умалчивает о перспективах его завершения. Исходя из динамики 1658-1659 гг., речь должна была бы идти о возведении верхних частей храма, перекрытий его основных внутренних пространств и сооружении над ними венчающих элементов — большой главы над собственно собором и шатра над ротондой, а также колокольни. Вместо этого Никон акцентирует

внимание адресата на небольших структурных элементах нижнего яруса, которые должны были быть завершены еще в 1658 или 1659 г. («святыя Голгофы и Святаго Живоноснаго Христова Гроба»).

Вне зависимости от того, чем продиктовано упоминание этих приделов — высокой патетикой или стремлением обозначить реальные места проведения строительных работ в 1661 г., — внимание на этих акцентах с учётом сообщений предыдущих лет создает ощущение утраты поступательного темпа строительства собора. Патриарх, словно предвидя недоумение царя, вероятно, хорошо знакомого с предыдущим ходом строительства, аккуратно отсылает его за подробностями происходящего к посланному придворному лицу: «А яже о создании святых мест, изволь, великий государь, спросать своего, государева, окольниковца Ивана Михайловича...» Возможно, в конце сезона Патриарх совершил еще одну поездку в Крестный монастырь для освящения в нем храмов, но этот вопрос требует уточнения.

По-видимому, сезон 1661 г. выдался весьма насыщенным, и у Патриарха были большие планы на будущий год, так что, когда 1 ноября царский посланец стольник Г.Н. Собакин привез в монастырь милостыню в размере 3000 руб., этот великолепный подарок был принят Никоном с воодушевлением и оптимизмом: «И мы за Вашу, Государеву премногую милость о Вашем, Государеве, душевном спасении и телесном здравии со всею братию со слезами Господу Богу молимся и Ваше, Государево жалование, в Ваше, Государево, богомолие вложим — в церковь Святаго Живоноснаго Воскресения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа...» [18, с. 397].

Нам не известно, как прошел строительный сезон 1662 г., но заслуживающими внимание видятся события его конца. В разных частях первого яруса недостроенного собора Патриарх Никон освящает нескольких приделов: Успения Пресвятой Богородицы (предположительно — 14 августа), Усекновения главы св. Иоанна Предтечи (предположительно — 29 августа), Воздвижения Животворящего Креста Господня на Голгофе (15 сентября) [1, с. 154-155, 327; 26, с. 4-5, 10].

Можно думать, что освящение важнейшего знакового элемента западной половины основного корпуса собора (ротонды) — часовни Гроба Господня — могло произойти в это же время, поскольку еще в 1661 г. Патриарх сообщал царю о работах по его устройству.

Освящение приделов в 1662 г. — единственное событие такого рода за всю историю строительства Воскресенского собора, поэтому оно вызывает множество вопросов. Во-первых, необычно то, что была нарушена общепринятая практика: не дождавшись завершения строительства всего храма и освящения главного алтаря, Патриарх освящает ряд боковых приделов. Во-вторых, настораживает некоторая запоздалость этого события, учитывая сравнительно небольшие размеры приделов и их расположение на самом нижнем уровне здания: будь такая необходимость, они могли быть освящены

гораздо раньше — еще в 1658-1659 гг. или в течение 1661 г. О причинах этих странностей и промедлений в источниках нет указаний.

К вопросу необходимости освящения приделов в 1662 г. мы вернемся позже. Тут отметим, что с точки зрения последующего хода строительных работ в Воскресенском соборе, это событие имело переломный характер: после 1662 г., насколько позволяют судить источники, процесс возведения храма вошел в стабильное, поступательное русло.

Так, в самом начале 1665 г. голландец Н. Витсен видел полностью завершённую колокольню и отметил, что корпусу храма не хватает только одного «этажа» [19, с. 179], под которым, вероятно, надо понимать третий ярус собора, состоящий из светового барабана ротонды и крестообразного главного нефа собственно собора. Учитывая, что Н. Витсен был в монастыре в самом начале мая 1665 г., когда строительный сезон только начинался, увиденное им состояние Воскресенского собора следует считать результатом работ предыдущих лет: если первый ярус собора был выстроен в 1662 г., то строительство второго яруса и колокольни следует датировать 1663-1664 гг.

Косвенным подтверждением завершения колокольни к концу 1664 г. можно считать начало периода литья колоколов: самый ранний из них (несохранившийся Всехсвятский) имел дату 3 ноября 1664 г. [1, с. 92, 204], три сохранившихся малых датируются 1666 г. [27, с. 153-154]. Как показывают источники [1, с. 688-690; 18, с. 429-430; 24, с. 265-266, 850-854], только после 1 сентября 1665 г. мог быть вылит и самый большой — Воскресенский колокол, замысел которого Патриарх вынашивал еще в 1658 г. и на котором стояла только одна дата — «1658 году, сентября в 1 день, начала святые вещи сей бытия» [1, с. 90, 202].

Возвращаясь к обзору строительства Воскресенского собора, отметим, что по данным стихотворной летописи архим. Никанора, к концу 1666 г. стены храма поднялись на высоту 15 сажень [1, с. 96; 16, с. 104; 17, с. 181], как минимум, до уровня венчающего карниза основного корпуса. В итоге ко времени ссылки Патриарха всему зданию недоставало только двух венчающих частей: большой главы (над собором) и шатра (над ротондой), а также, по-видимому, сводчатых перекрытий главного нефа. Вероятно, в середине 1665-1666 гг. к востоку от алтарей был выкопан котлован для строительства последней, недостающей части соборного комплекса — системы из двух подземных приделов-крипт. В целом, темп сооружения собора в 1662-1666 гг. можно назвать быстрым: в среднем за сезон строители успевали возвести конструкции, объемом равные почти целому ярусу огромного храма.

Итак, общая динамика работ в Воскресенском соборе при Патриархе Никоне не отличалась стремительностью и однородностью, характерными для других его строительных проектов. Особенно неровными выглядят 1658-1662 гг. В первый год Патриарх начал работы с присущей ему энергией, на следующий год их темп падает, в третий год Никон находится на севере, и строительство, очевидно, не ведется вовсе.

Необъяснимой выглядит ситуация 1661-1662 гг. — четвертого и пятого годов строительства после возвращения Патриарха из Крестного монастыря. Судя по сообщениям предыдущих лет, возведение собора должно было вступить в финальную стадию, но вместо этого из источников следует, будто Никон целых два года (!) занимался обустройством приделов первого яруса, которые имеют небольшой строительный объем и могли быть устроены еще в 1658 или в 1659 г.

Сооружение Воскресенского собора сопровождали события, существенно затормозившие ход работ, но не отраженные в рассмотренных источниках. Поэтому чрезвычайно любопытно свидетельство анонимного автора, входящее в состав «Новгородского хронографа» («Новгородской Забелинской летописи») рубежа 1670-1680-х гг. Это единственное известное в настоящее время сообщение современника, которое носит обзорный характер; пускай лишенное дат и в предельно обобщенной форме, но оно представляет всю историю возведения Воскресенского собора при Патриархе Никоне и его характерные особенности: «И множество строяще, и донныне стоит тое церковь в несовершении, потому что божиим промыслом тое церкви не совершится того ради, что с тое церкви Иерусалимские к патриарху привезен чертеж, и против чертежу, рассмотря в том деле, что не исправлено, и не по одно время, повелит сломати. Аще делают год того каменного дела, и в мале времени повелит сломати, и тое церковь и донныне тако недостроена суть...» [28, с. 297].

Это известие впервые было опубликовано С.А. Белокуровым [29, с. 428, прим. 14] и затем неоднократно цитировалось [6, 7, 9, 30-32]. Первичное изучение рукописи, из которой был извлечен этот пассаж, привело акад. М.Н. Тихомирова к выводу, что её автор был чрезвычайно хорошо осведомлен о делах Патриарха Никона [28, с. 297]. Предпринятый впоследствии А.В. Лаврентьевым детальный анализ показал, что блок свидетельств о Патриархе происходит из особого источника, вероятно, представлявшего собой подобие патриаршего келейного летописца, автор которого происходил из круга ближайших помощников и сподвижников Патриарха Никона [33; 34, с. 42]. Размещенные в разных местах рукописи эти сообщения формируют комплекс уникальных свидетельств о деятельности Святителя.

Повествование об основании Ново-Иерусалимского монастыря и строительстве Воскресенского собора в нем, выдержку из которого мы привели выше, представляет собой такой же сложный узел, как и разобранный А.В. Лаврентьевым свидетельство об Иверском монастыре, но со своей спецификой.

Его содержание не столь прямолинейно и однозначно, как пытались представить предыдущие комментаторы. «Чертеж» и перестройки собора, скорее всего, существовали, но между ними не было той взаимосвязи, которую приписывает им аноним. Противоречивым выглядит сам характер ситуации, поскольку автор говорит не об одной, корректирующей перестройке, спровоцированной появлением «чертежа», а о целой череде разных по

продолжительности переделок. Если воспринимать это сообщение буквально, мы должны допустить, что несоответствия устранялись стихийно, по мере их обнаружения, — однако, такой сценарий полностью бы парализовал строительство как таковое.

Основания появления искусственных причинно-следственных связей (равно как и откровенно гипертрофированных оценок характера структуры собора, которые остались за пределами приведенной цитаты) проясняются в конце рассматриваемого пассажа: при всем своем положительном отношении к Патриарху анонимный автор явно не одобрял предпринятого им строительства Воскресенского собора. Используя всевозможные приемы, он стремится убедить читателя, что замысел собора со всем его гигантизмом и многосложностью, с буквальной ориентацией на величайшую святыню Христианского мира, — слишком горд и дерзновенен, по сути, обречен на неудачу и никогда не может быть завершен. Вместе с тем, аноним, как очевидец беспрецедентного события, история которого разворачивалась у него на глазах и инициатором которого, к тому же, был Патриарх Никон — объект его постоянного благоговейного внимания, — при личном отрицательном отношении к данному эпизоду все же отразил в своем рассказе ряд уникальных подробностей, достоверность которых не вызывает никаких сомнений. Таким образом, сообщение анонима — сложный, насыщенный информацией, внутренне логичный источник, требующий отдельного обстоятельного рассмотрения.

Наиболее ценное в процитированном фрагменте сообщения очевидца — фиксация самого факта перестроек Воскресенского собора, проводившихся по указаниям Патриарха Никона в ходе строительных работ.

Как показывает история мировой цивилизации, вероятность корректирующих переделок в процессе реализации крупнейших инженерно-строительных проектов всегда присутствует, а иногда она практически неизбежна. Можно вспомнить, например, историю строительства собора св. Петра в Риме, когда в ходе многолетних работ каждый последующий руководитель строительства увеличивал прикладками сечение подкупольных пилонов для увеличения их несущей способности, а после назначения руководителем строительства Микеланджело по его настоянию были разобраны части здания (трансепт), перед этим возведенные по проекту Антонио да Сангалло [35, с. 179, 180; 36, с. 223]; тогда же был разобран и огромный хор, заложенный при папе Николае V и завершенный Д. Браманте при Юлии II [37, с. 252]. На материале истории сооружения Патриархом Никоном собора Иверского монастыря также можно заметить изменения замысла [12, с. 123].

Если воспринимать сообщение анонима буквально, создается впечатление, будто переделки в процессе строительства Воскресенского собора носили непрекращающийся характер и сопровождали возведение храма чуть ли не с

самого начала в 1658 г. и вплоть до остановки, вызванной осуждением и ссылкой Никона в конце 1666 г. Рассмотрим этот сюжет детально.

Неизвестный очевидец не привязывает описываемые события к конкретным датам. Однако обращает на себя внимание характеристика, по-видимому, связанная с наиболее крупной переделкой, запомнившейся анониму: когда слому подверглись части здания, на возведение которых ушло более одного строительного сезона: «Аще делают год того каменного дела, и в мале времени повелит сломати». Любопытна сама характеристика временного отрезка, не кратная строительному сезону — это не «лето» или «два лета», а именно отвлеченный календарный интервал — «год».

Данная лексическая особенность буквально перекликается со свидетельством, содержащимся в грамоте 1662 г. Патриарха Никона Газскому митрополиту Паисию, где Патриарх аналогично характеризует первый период (июль 1658 – начало сентября 1659 г.) своей жизни в Воскресенском монастыре: «быхом zde год и два месяца. И оскудехом потребами, яже суть к жизни нашей, и изыдохом во второй монастырь и в третий, яже суть на мори» [18, с. 597].

Вряд ли такое совпадение случайно. Вероятно, сообщение очевидца в летописном своде несколько упрощенно («год», вместо «год и два месяца») воспроизводит характеристику именно периода, о котором автор, учитывая его близость к архипастырю, был хорошо осведомлен. Он мог почерпнуть её как из переписки Патриарха Никона, так и из его устной речи.

С учетом этого наблюдения можно заключить, что в сообщении анонима повествуется о разборке частей Воскресенского собора, возведенных в 1658-1659 гг. Принимая во внимание остановку строительства в 1660 г. и данные осеннего послания царю 1661 г., когда Патриарх упоминает проведение работ в первом ярусе храма, можно предположить, что крупнейшая разборка собора произошла в период между двумя этими датами — после возвращения Патриарха из поездки в Крестный монастырь и не позднее начала-середины следующего строительного сезона. Отмеченная анонимом серия кратковременных строек и разборок, проводившихся «не по одно время», с учетом положительной динамики в первые годы строительства, надо полагать, последовала только за этой первой масштабной разборкой.

Черета кратковременных строек и переделок не могла постоянно сопровождать строительство собора — ведь к концу 1666 г., как мы уже видели, храм был почти полностью завершен. Можно допустить, что первая и самая крупная разборка собора произошла по причине существенного изменения архитектурной концепции здания. Серия последовавших за ней кратковременных строек и разборок может указывать на процесс поиска новой архитектурной концепции. Учитывая сложность задачи и неординарность ситуации, Никону, по-видимому, удалось найти нужное решение не сразу, а лишь перебрав, может быть, один-два варианта: по каким-то причинам в глазах Патриарха они быстро теряли свою актуальность, и поэтому только

начинавшиеся возводиться части собора опять разбирались, и процесс начинался заново.

Пойдя на радикальный пересмотр концепции и разборку собора в конце 1660 – начале 1661 гг., Патриарх ступил на рискованный путь. Эмоциональная тяжесть принятых решений, большая и трудная интеллектуальная работа по формированию новой концепции осложнялись, должно быть, давлением внешних обстоятельств. Намеренный, без каких-либо очевидных причин слом еще незавершенного храма наверняка выглядел в глазах современников Никона поступком на грани кощунства — как в духовном плане, так и в свете усилий множества мастеров и работников, занятых в строительстве, а также огромных средств, ушедших на его возведение.

Поворотным этапом, благополучно завершившим этот период концептуальной неустойчивости, нам видится строительный сезон 1662 г., итогом которого стало обустройство и освящение в уровне первого яруса собора сразу нескольких приделов. Сам факт освящения церкви, придела или часовни предполагает, что на объекте завершен основной цикл строительных и отделочных работ, он укомплектован всем необходимым и готов к постоянной эксплуатации, которая, очевидно, не предусматривает в скором времени новых переделок и изменений.

Таким образом, освящение приделов строящегося собора в конце 1662 г. представляет собой важнейшую веху внутри всего патриаршего периода строительства Воскресенского собора. Это освящение — прокламативная акция Патриарха Никона, предельно однозначная и понятная по своему внутреннему содержанию любому из его современников. Обустроив и освятив ряд приделов собора, Никон тем самым наглядно и недвусмысленно возвестил своим ближайшим помощникам, членам монастырской братии, мастерам, простым работникам и всему внешнему миру, что тяжелый период концептуального поиска, сопровождавшийся перестройками, завершился, и начинается период последовательной реализации некой новой, окончательной концепции храма. Ряд дополнительных факторов, на наш взгляд, подтверждает такую трактовку событий 1662 г.

Так, анализ опубликованных обмерных данных здания и строительной хронологии [38, с. 28-29; 39, табл. I.2; 40, с. 108-109] показывает, что в уровне первого яруса основного корпуса Воскресенского собора в процессе строительства в 1650-1660-х гг., кроме главного алтаря, были оформлены места для устройства 12 приделов, причем, почти в половине из них в патриарший период строительства были сооружены изразцовые иконостасы. Патриарх же в 1662 г. освятил из всего этого количества только три придела.

Трактовать это событие как проявление, например, «очередности строительства», также нет оснований, поскольку освященные в 1662 г. приделы не сгруппированы вместе, не приурочены к какой-либо одной структурно-планировочной части комплекса собора, а размещены в противоположных местах здания: придел Успения Пресвятой Богородицы — в северо-восточном

углу; св. Иоанна Предтечи и Воздвижения св. Животворящего Креста на Голгофе находятся друг над другом в двухэтажном блоке, встроенном в юго-восточную часть бокового нефа собственно собора.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что посвящения освященных в 1662 г. приделов связаны исключительно с важнейшими личностями Нового Завета — Пресвятой Девой Марией и св. Иоанном Крестителем, а также с главным символом христианства — св. Животворящим Крестом. В этом отношении часовня Гроба Господня, связанная непосредственно с именем Спасителя, своим посвящением органично вписывается в этот ряд, придавая ему полноту и законченность не только в умозрительном плане, но и топографически — образуя в строящемся здании третью точку вознесения молитв, которая одновременно является единственной действующей в западной половине основного корпуса собора (ротонде). Все эти обстоятельства делают весьма вероятным освящение часовни Гроба Господня в том же 1662 г. или чуть позже.

Рассмотренные особенности вкупе позволяют заключить, что освящение приделов в 1662 г. — не случайность, не технический или бытовой момент, а глубоко осмысленный шаг. Кроме символа завершения концептуального поиска и стабилизации строительного процесса, это событие выглядит и как прокламация нового освящения строительной площадки храма: сооружение Воскресенского собора не только технически, но и духовно началось словно заново. Не исключено, что действующие, семантически главные приделы внутри строящегося храма своим функционированием должны были освящать и сам дальнейший ход строительства собора.

Рассмотренные нами выше данные о динамике строительства в последующие годы не дают оснований сомневаться, что Патриарх, в целом, придерживался замысла, сформировавшегося около 1662 г., вплоть до самого конца 1666 г. В период 1662-1666 гг. возможность корректирующих переделок в соборе окончательно исключать нельзя, но сам высокий поступательный темп работ в это время не оставляет места для продолжительных замедлений, характерных для масштабных перестроек, тем более что архитектурное решение сохранившихся до настоящего времени частей собора патриаршего периода, в первую очередь, их объемный строй, производит целостное и гармоничное впечатление. Так что для этапа строительства 1662-1666 гг. мы можем предполагать, скорее, мелкие локальные корректировки. Впрочем, подтвердить или опровергнуть наши предположения можно будет лишь в случае появления новых письменных, изобразительных и натуральных свидетельств.

Подведем итоги. Письменные источники позволяют выявить в истории возведения Воскресенского собора при Патриархе Никоне весьма сложную динамику. Строительство собора можно разделить на два крупных самостоятельных периода: начальный — 1658-1659 гг. и основной — 1662-

1666 г. Между ними — год отсутствия строительства (1660 г.), когда Патриарх Никон занимался завершением собора Крестного монастыря, и следующий за ним строительный этап, который можно назвать промежуточным (его продолжительность, за неимением детализирующих источников, можно датировать с самого конца 1660 по начало 1662 г.).

Исследованные нами источники не раскрывают особенностей архитектурной концепции раннего Воскресенского собора 1658-1659 гг., как и причин, побудивших Патриарха Никона неожиданно в середине строительных работ отказаться от её реализации и прийти к новому варианту замысла храма. Для всестороннего и основательного решения этой задачи требуется рассмотрение и анализ источников совсем другого типа — памятников патриаршего зодчества, синхронных строительству Воскресенского собора.

В их ряду особое значение принадлежит скиту («отходной пустыни»), выстроенному для Патриарха Никона вблизи Ново-Иерусалимского монастыря. Как показали исследования, это небольшое здание было сооружено в течение двух строительных периодов: в 1658 г. возведен нижний двухэтажный объем, который летом 1662 г. надстроен двумя верхними ярусами [8, с. 28-30]. В таком виде, без существенных изменений и утрат, скит сохранил свой облик до настоящего времени [8, с. 23, 26].

Основные этапы строительной истории скита полностью синхронны основным этапам строительной истории Воскресенского собора при Патриархе Никоне, которые выделены нами на основании анализа письменных источников. Но поздний этап в скиту, в отличие от собора, не замещает собой ранний, — они оба одновременно присутствуют в облике здания. Благодаря этому архитектура скита является важнейшим источником, исключительно наглядно и подробно иллюстрирующим всю глубину различия строительных периодов 1658-1659 и 1662-1666 гг. в Воскресенском соборе. Эти различия можно заметить уже в системе наружного декора — важнейшей составляющей облика любого здания. Если фасады части скита 1658 г. оформлены простыми наличниками из тесанного кирпича, то более поздняя верхняя часть 1662 г. имеет пышное многоцветное изразцовое оформление на основе репертуара декоративных сюжетов классического ордера с элементами маньеризма. Существенные отличия можно заметить также в композиции фасадов и в планировке скита. Анализ этих особенностей ранней части скита позволяет в общих чертах представить облик Воскресенского собора 1658-59 гг. Более детальное и всестороннее рассмотрение вопроса реконструкции архитектурного замысла Воскресенского собора на двух этапах его строительства при Патриархе Никоне требует отдельного исследования.

Список литературы

1. Леонид (Кавелин), архим. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1876.
2. Малхасов Б.Л. Исследования ансамбля Ново-Иерусалимского монастыря // Материалы творческого отчета треста «Мособлстройреставрация». М., 1974, с. 6-9.

3. Бугаева Т.В., Гришин В.П., Тепфер Л.Э., Чернышев М.Б. Новые исследования строительной истории Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря // Материалы творческого отчета треста «Мособлстройреставрация». М., 1984, с. 28-34.
4. Монастырь Воскресенский Новоиерусалимский // Выголов В.П., Подъяпольская Е.Н., Разумовская А.А. и др. Памятники архитектуры Московской области: иллюстрированный научный каталог / под общ. ред. Е.Н. Подъяпольской. М., 1999. Вып.2, с. 180-187.
5. Тепфер Л.Э. Реконструкция Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря на конец XVII века // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М., 2002, с. 119-132.
6. Безсонов С.В. Монастырь «Новый Иерусалим» (Исторический очерк) // Щусев А.В. Проект восстановления города Истры. М., 1946, с. 27-32.
7. Алферова Г.В. К вопросу о строительной деятельности патриарха Никона // АН. М., 1969. Вып.18, с. 30-44.
8. Горячева М.Ю. Отходная пустынь патриарха Никона: Материалы исследований // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». М., 2002, с. 23-36.
9. Зеленская Г.М. Патриарх Никон — зодчий Святой Руси. М., 2011.
10. Баранова С.И., Беляев Л.А., Бусева-Давыдова И.Л. и др. Воскресенский собор Ново-Иерусалимского монастыря: путь к возрождению. Реставрация 2009-2015 годов. М., 2016.
11. Романенко А.И. Один из этапов строительства патриарших палат (по письменным источникам) // Государственные музеи Московского Кремля: Материалы и исследования. М., 1976. Вып. II, с. 109-115.
12. Вдовиченко М.В. Архитектура больших соборов XVII века. М., 2009.
13. Кольцова Т.М. Новые данные о строительной истории Крестного (Онежского) монастыря в XVII–XIX вв. (по письменным источникам) // Памятники архитектуры Русского Севера. Сборник статей / Составитель и отв. ред. Л.Д. Попова. Архангельск, 1998, с. 266-297.
14. Шушерин И.К. Известие о рождении и воспитании и о житии Святейшего Никона патриарха Московского и Всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериным (с печатного издания 1817 года, сличенного с тремя древнейшими списками) : издание Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря. М., 1871.
15. Леонид (Кавелин), архим. Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582-1706). СПб., 1878.
16. Зеленская Г.М. Святыни Нового Иерусалима М., 2002.
17. Авдеев А.Г. Старорусская эпиграфика и книжность: Ново-Иерусалимская школа эпиграфической поэзии. М., 2006.
18. Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследование и тексты. М., 2007.
19. Витсен Н. Путешествие в Московию, 1664-1665: Дневник / Пер. со староголл. В.Г. Трисман. СПб., 1996.
20. Каптерев Н.Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев-Посад, 1912. Т.2.
21. Виноградова И.К., Губаревич О.К. Материалы проф. В.И. Троицкого «К истории зодчества на Истре». Машинопись. М., ЦНRM Академии строительства и архитектуры СССР, 1957-1958 // Бугаева Т.В. Ново-Иерусалимский монастырь. Историко-архивные исследования. Машинопись. М., трест «Мособлстройреставрация», 1978. Т.5.
22. Историческое исследование дела патриарха Никона. Составил по официальным документам Н. Гиббенет. СПб., 1882. Ч.1.
23. Устюгов Н.В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке: К вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957.
24. Историческое исследование дела патриарха Никона. Составил по официальным документам Н. Гиббенет. СПб., 1884. Ч.2.
25. Севастьянова С.К. Материалы к «Летописи жизни и литературной деятельности патриарха Никона». СПб., 2003.

26. Леонид (Кавелин). Месяцеслов Воскресенского, именуемого Новый Иерусалим, монастыря для посетителей и богомольцев сей св. обители / сост. А.Л. 3-е изд. М., 1880.
27. Зеленская Г.М. Новый Иерусалим. Путеводитель. М., 2003.
28. Тихомиров М.Н. Новгородский хронограф XVII в. // Русское летописание [сборник трудов М.Н. Тихомирова]. М., 1979, с. 273-323.
29. Белокуров С.А. Арсений Суханов: исследование Сергея Белокурова: часть первая: биография Арсения Суханова (с 3-мя фототипич. снимками). М., 1891.
30. Брунов Н.И. Модель Иерусалимского храма, привезенная в XVII в. в Россию // Сообщения Российского Палестинского общества. М., 1926. Т. XXIX, с. 139-148.
31. Тиц А.А. Загадки древнерусского чертежа. М., 1978.
32. Баталов А.Л., Вятчанина Т.Н. Об идейном значении и интерпретации иерусалимского образца в русской архитектуре XVI–XVII веков // Архитектурное наследство. М., 1988. Вып.36, с.22-42.
33. Лаврентьев А.В. Об одном из источников Новгородской Забелинской летописи // Летописи и хроники. Сб. статей 1984 г. М., 1984, с. 121-130.
34. Богданов А.П. Летописец и историк конца XVII века: очерки исторической мысли «переходного времени». Изд. 2-е, испр. и доп. М. – Берлин, 2019.
35. Маркузон В.Ф. Архитектура Рима первой четверти XVI в. // Всеобщая история архитектуры. М., 1967. Т.5: Архитектура Западной Европы: XV–XVI века, с. 162-203.
36. Маркузон В.Ф. Архитектура Рима 1520-1580 гг. // Всеобщая история архитектуры. М., 1967. Т.5: Архитектура Западной Европы: XV–XVI века, с. 204-238.
37. Brandenburg H., Ballardini A., Thoenes Chr. Der Petersdom in Rom. Die Baugeschichte von der Antike bis heute. Petersberg, 2015.
38. Бугаева Т.В., Гришин В.П., Тепфер Л.Э., Чернышев М.Б. Работы И.Ф. Мичурина по восстановлению Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря // Архитектурное наследство. М., 1988. Вып.35, с. 28-33.
39. Стахин В.Г. Графические материалы по истории строительства, ремонта и реставрации Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря // Реставрация и исследования памятников культуры. М. – СПб., 2013. Вып.6, с. 15-28.
40. Акинин К.В. Копия с плана первого яруса Воскресенского собора Ново-Иерусалимского монастыря архитектора И.Ф. Мичурина. Часть 1 // Ползуновский альманах. 2017. №4. Т.1. Ч.2, с. 105-128.

For citation: Kevin M. Kain. Ioann Shusherin and the Realization of Patriarch Nikon's New Jerusalem Monastery //

URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2022/s/articles/1_3.pdf

DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2022.02.003

UDK 821.161

IOANN SHUSHERIN ON THE REALIZATION AND COMMEMORATION OF PATRIARCH NIKON'S NEW JERUSALEM MONASTERY

Kevin M. Kain

University of Wisconsin-Green Bay, Green Bay, WI USA

Email: kaink@uwgb.edu

*I raised and brought up this Ioann
Patriarch Nikon*

Writing about himself in the conclusion to his *Account of Birth, Life, and Upbringing of His Holiness Nikon, Patriarch of Moscow and All Russia* Written by His Cleric Ioann Shusherin (late 1680s) [1], Ivan Kornel'evich Shusherin (d. 1690) explained: «This pious man had great faith in God, our Lord, and in the Resurrection Monastery. He took great care to complete the roof of the great church and petitioned to the noble *tsarevna* and grand princess Tatiana Mikhailovna to grant all that was necessary to complete and consecrate the church <...> He cared tirelessly about all the monastery's needs because he has the intention of being buried near his mentor [Patriarch Nikon], in the holy Resurrection Monastery after his life would end» [1, p. 106].

Shusherin is indisputably one Patriarch Nikon's most well-known and important of disciples¹. He not only contributed to the construction of the Church of the Resurrection, which the patriarch built in the image of the Church of Holy Sepulcher at his Resurrection "New Jerusalem" Monastery, but he also developed and promoted Nikon's conception of the monastery within the larger idea of Russia as New Israel/New Jerusalem and in connection with the Romanov family's patronage. Shusherin presents the monastery as Nikon's greatest achievement. The story of its realization is the central theme of his *Account*. Again, referring to himself, Shusherin explained the content of his narrative: «This pious man wrote this tale about the birth, upbringing, and entire life of his holiness patriarch Nikon, about the founding of the Resurrection Monastery and its great church, how they were founded and completed, and about the demise and burial of his holiness the patriarch [at the monastery]. He described all the events from the very beginning and in great detail, witnessing some of what he has written and hearing some from his holiness» [1, p. 106].

¹ On Shusherin's relationship with Patriarch Nikon see [1, p. 4-5]. On Shusherin's life and activities see [4, p. 118-116 & p. 72-74; 5, p. 70].

In this process he documents the Romanov family's acceptance and perpetuation of Nikon's ideas and creative actions leading to the completion and consecration of the Church of the Resurrection and its endowment. In this sense the Romanovs also appear as extremely devoted admirers and followers of Nikon.

Shusherin's *Account* is crucial to the history of the Resurrection New Jerusalem Monastery¹. His work appeared in hundreds of manuscript copies in the late seventeenth and eighteenth centuries, making the *Account* "the most circulated work in the repertoire of the late Russian handwritten book culture" [6, p. 70]. It is therefore, not surprising that the *Account* served as the foundation for scholarly studies of Nikon and the monastery since the eighteenth century. While Shusherin's version of Nikon's active creation of New Jerusalem (1656-1666) continues to inform studies of the monastery, other aspects of his work, especially details concerning the realization and celebration of its Church of the Resurrection remain underappreciated.

Shusherin's *Account* deserves more specific attention in connection with recent investigations which analyze and interpret Resurrection Monastery's place in broader conceptions of Muscovy/Russia as New Israel/New Jerusalem. Extending the rich tradition of describing the monastery², he latest scholarship explores the potential liturgical and "theoretical" thinking behind Nikon's representation of the Holy Land evident in the patriarch's "Replies" to the polemics of Boyar Streshnev and Paisius Ligarides (1665) [19]. As a result of these new studies the idea that Nikon conceived the monastery as an "image" or "icon" of the historical Jerusalem and/or the heavenly New Jerusalem is widely accepted [9, p. 140-144; 11, p. 5-10; 12, p. 23-25, 34; 15, p. 257-258; 16, p. 622-626; 17, p. *passim*; 20, p. 609-612]. Lev Lebedev's seminal analysis connects Nikon's "Replies" with new interpretations of the Eucharist introduced in the *Skrizhal'* (1656), and parallel representations of New Jerusalem in *Revelation* [9, p. 63-88, 136-155, 287-332]³. Aleksei Lidov's influential work considers the monastery a "spatial icon" and locates it within the larger Christian tradition of replicating the Holy Sepulcher [11, p. 8-10; See also 13, p. 745; 15, p. 257; 16, p. 621-657]. The following investigation reevaluates Shusherin's *Account* in this context.

Shusherin's work, which focuses on the tangible and material rather than the ethereal, advances powerful, but unrecognized articulations of Nikon's conception of the prototype-image relationship that further qualify the idea the patriarch and his supporters in the royal family conceived Church of the Resurrection at New Jerusalem Monastery as an "icon," or in Shusherin's terms "likeness" of the Church of the Holy Sepulcher. The significance of this thinking is manifest in the fact that Shusherin

¹ See also [7, p. 22-23].

² The most important description is Arkhimandrit Leonid's (Kavelin) indispensable *Istoricheskoe opisanie stavropigial'nago Voskresenskago, Novyil'erusalim imenuemago, monastyria* [8]. The recent scholarship includes [9, p. 287-332; 10; 11, p. 5-10; 12, p. 8-54; 13, p. 745-773; 14, p. 143-273; 15, p. 256-276; 16, p. 621-657; 17, p. 17-54; 18, p. 207-220].

³ Lebedev is followed by Lepakhin [17, p. 18-21] and Shmidt [16, p. 621-624].

recognizes the Church of the Resurrection as a “likeness” (*подобие*) of the prototypical Jerusalem church eight times [1, p. 45, 83, 89, 90, 98, 104]. Following Patriarch Nikon’s efforts to promote notions of the Russian tsars’ inheritance of the Byzantine legacy, Shusherin presents the creation of the Church of the Resurrection at New Jerusalem Monastery not only as the replication of prototypical church in the Holy Land, but also as the Romanovs’ reenactment of the original construction of the historical Church of the Holy Sepulcher during St. Emperor Constantine’s reign in the fourth century. Thus, his *Account* not only explains Nikon’s vision of Russia as a new Holy Land, but documents the Romanov’s acceptance, support and perpetuation of it.

Patriarch Nikon’s Iverskii, Krestnyi and Resurrection New Jerusalem Monasteries were parts of a larger program designed to (re)establish Russia’s claimed inheritance of the Byzantine legacy and fulfill its potential as New Jerusalem and enhance the patriarch’s and the tsar’s images as well as legitimacy in the Muscovite state and the world beyond [21, p. 178-182, 218-226, 230-231; 22, p. 375-386; 23, p. 139-145]. Drawing upon the traditions formulated by his predecessors, Nikon refocused the contemporary “international” political-religious discourse which recognized Aleksei Mikhailovich as the “New Constantine” in the hope that he would “liberate” the Orthodox East, by turning the tsar’s attention inwards, toward the creation of new “holy” spaces at Iverskii, Krestnyi and New Jerusalem [21, p. 179-182; 22, p. 375-380]. By connecting Aleksei’s image as “New Constantine” with the founding and endowment of new Russian monasteries and churches modeled on ones allegedly established by the first Christian emperor, Nikon introduced a powerful new component to the Muscovite dynastic mythology.

Muscovy’s Metropolitan Makarii canonized the Byzantine-New Jerusalem model in the Muscovite tradition in the mid-sixteenth century by including texts celebrating the September 14 feast day devoted to the “Elevation of the Cross” in his *Great Menology* [24, p. 684-773]. The prescribed readings explain that St. Emperor Constantine’s legendary vision of the Cross in the sky and his resulting military victory over Emperor Maxentius [24, p. 701-702, 724, 730, 749, 771]. Began a string of heavenly-dictated events, including St. Helen’s discovery of the True Cross at Golgotha [24, p. 704-705, 724-726, 730, 750-755], leading to the construction of the Church of the Holy Sepulcher [24, p. 705-706, 727-729], which he deemed “New Jerusalem” [24, p. 706]. In other words, Constantine’s revelation precipitated the creation of the Christian New Jerusalem that revived the sanctuary of the Old Testament Jerusalem. It, unlike St. John’s *Revelation*, offered specific, divinely ordained, prototypes which Constantine’s presumed heirs actually could (and did) copy.

Shusherin’s promotion of this thinking echoes Nikon’s and is evident in his multiple(eight) references to Aleksei Mikhailovich’s deeming the monastery “New Jerusalem” making unmistakable the connections between the Russian tsar’s naming Nikon’s foundation and Emperor Constantine’s naming the original Church of the Holy Sepulcher celebrated in the *Great Menology* [1, p. 45, 83, 89, 90, 98, 104, 106;

See also 25, p. 87-98]. The repeated statement of Aleksei's deed is a central theme of the narrative, connecting Aleksei's heirs to his example and his Byzantine model.

Highlighting the second period of the monastery's Resurrection Church's construction (1678-1685), Shusherin's presentations of the royal family's support refute the attacks raised against Patriarch Nikon in the 1660s for calling the monastery "New Jerusalem" and his related condemnation at his trial in December 1666 which declared that Nikon was "building new monasteries and giving them unbecoming titles and the vain names 'New Jerusalem,' 'Golgotha'... making jest of divine things and dealing irreverently with holy things" [26, p. 352, 1061, 1072, 1093-1097, 1087]. His work likewise disproves recent assertions that the New Jerusalem idea was discredited in 1666 [18, p. 210-213; 28, p. 18; 29, p. 56-57]. The *Account* effectively rehabilitated the patriarch and the idea of a Russian New Jerusalem condemned in 1666. Shusherin states recurrently that Tsar Fedor Alekseevich released Nikon from imprisonment in 1681 so that he could complete the construction of the Church of the Resurrection. The Romanovs' commitment to the project is demonstrated by the fact that the *Account* concluded not with the patriarch's funeral, but with the Romanov's realization of the Church of the Resurrection.

Shusherin captures the celebratory atmosphere following the consecration of the Church of the Resurrection on January 18, 1685. His presentations of the new church as a "likeness" of the Jerusalem prototype clearly reflect the Romanovs' efforts to compare it with the original. In November 1686, Tsarevna Tatiana Mikhailovna ordered a study of the monastery ritual practices and cloistral rule, which Nikon formulated in 1660 according to the Jerusalem paradigms recorded in Sukhanov's "Proskinitarii", devoting special attention the modes of "Greek" "singing and reading" [31, L. 54 ob.]. Shusherin conducted the project, in order to insure that the practices in the new church created in the image Jerusalem Church replicated the rituals conducted in the prototype [31, L. 54 ob.].

Shusherin's commemoration of New Jerusalem's creation adopted Patriarch Nikon's conception of the monastery as an icon of the Palestinian original [22, pp. 375-377, 388-390]. Nikon's writing concerning the development and defense of New Jerusalem Monastery, including his "Replies" are rooted in the authority of the Decree of the Seventh Ecumenical Council (Nicaea 787), which restored icons after first phase of the iconoclast controversy (726-787) and its annual commemoration through the *Synodicon* on the first Sunday of Lent [19, p. 75-77; 34, p. 151-167]¹. The *Synodicon* pronounces eternal remembrance for "those who believe and substantiate their words with writings and their deeds with representations" as well as those "knowing and teaching that in like manner also by the venerable icons the eyes of them that behold them are sanctified, and that the mind is by them lifted up to the

¹ Petukhov [32, p. 61], explained that the *Synodicon* was first printed in Nikon's tenure in 1656 in *Postnaia Triod* (Moscow, 1656). The texts is Petukhov [32, p. 76-77]. See also [33, p. 17-29]. Modern scholars recognized the *kontakion* and *Synodicon* as premier source of understanding the meaning and content of icons. See especially [34, p. 151-167].

knowledge of God; as also by the divine temples and by sacred vessels and by other things... in representations while it is to Him, God and the Lord, that they give adoration and worship” [32, p. 19-20; 33, p. 18]. *Synodicon* not only equated representations in church architecture with painted icons, but also recognized those who created churches in the image of prototypes, i.e., Church of the Holy Sepulcher, as worthy of “everlasting remembrance”.

Shusherin embraced the same teaching to immortalize the sacred nature Nikon’s creation of the monastery church in the “likeness” of the Jerusalem original. His *Account* fulfills the *Synodicon*’s promise for the creators of images of holy prototypes: «All this he has written to glorify and honor the holy name of God and for the pleasure of readers and listeners so that the future brothers of the Resurrection Monastery, also called New Jerusalem, and the entire Christian fold would learn about these events and so that the name of his holiness Nikon, patriarch of Moscow and all Russia, and the founder of the monastery, would be remembered to the end of the world» [1, p. 106].

Shusherin extended the same *Synodicon*-prescribed everlasting tribute to the Romanovs who followed the patriarch and completed the image/icon: «With faith in our Lord and Savior and with love for the holy monastery, by the diligence of their majesties, they completed the building of the great stone church which patriarch Nikon founded in honor and glory of Christ our God and in praise of the Russian state. There is no other church like it in size, appearance, beauty, and likeness to the church in Jerusalem» [1, p. 104].

Finally, given his repeated identification the monastery’s Church of the Resurrection as a “likeness” of the original and his recurring self-attribution as “pious”, Shusherin’s description of his own efforts to realize the replica alongside Nikon and the Romanovs, suggests that he too deserved perpetual praise in accordance with the *Synodicon*. At the very least, his contributions to the realization of New Jerusalem and written celebration of the it and his co-creators allowed him to follow Nikon in death hearing him eternal rest alongside Patriarch Nikon in the heart monastery’s replica of the Church of the Holy Sepulcher.

Shusherin’s *Account* of Patriarch Nikon’s Creation of New Jerusalem

The following section presents Shusherin’s writings concerning the creation of New Jerusalem Monastery. It supplies extensive quotations of the *Account*, many of which are rarely if ever directly cited in the literature about the monastery. It highlights segments of the narrative which explain not only what happened during project, but why as well. In passages devoted to Patriarch Nikon’s active participation in the project from its inception in 1656 through the his exile in 1666, Shusherin explains why Nikon founded the monastery, why it was named “New Jerusalem,” how he obtained a “likeness” (model) of the Church of the Holy Sepulcher, why he decided replicate it at his monastery and what actions he performed to effectuate his plan as well as why they gained the support of Tsar Aleksei Mikhailovich. Extracts of the *Account* concerning the Romanovs’ completion of the monastery’s Church of the

Resurrection founded by Nikon explicate why Aleksei's heirs, Fedor Alekseevich, Peter Alekseevich and Ioann Alekseevich and his sister Tsarevna Tatiana Mikhailovna finalized the replication of the Church of the Holy Sepulcher, why their actions were connected with Nikon's recall from exile and commemoration and why they advanced the conception of Muscovy as a new Holy Land.

According to Shusherin, Nikon's reasons for building the new monastery were practical and supported by Tsar Aleksei Mikhailovich from the very start.

«At this time [on June 3, 1656] his holiness patriarch Nikon bought the village of Voskresenskoe for the Iverskii Monastery from one Roman Bobarykin... He started to go there frequently on account of the monastery's needs. It soon occurred to his holiness the patriarch to build a monastery in the village so that he could live there, not in the village during his visits. And so, with the permission of the great sovereign, his holiness the patriarch started to cut wood to build the church and cells of the Resurrection Monastery» [1, p. 45].

Next, he explains that the monastery's sobriquet "New Jerusalem" was inspired by its landscape, coined the tsar and sanctified by Nikon: «When it was time to consecrate the church, his holiness the patriarch invited the great sovereign to the occasion. After visiting Resurrection Monastery, the pious *tsar* took a liking to the place and soon after his trip wrote to his holiness the patriarch in his own hand that: "From the very beginning it was God's will to prepare this place for the founding a monastery; it is beautiful and looks like Jerusalem." Happy to receive this letter, his holiness Patriarch Nikon put the epistle into a silver-wrought ark which stood underneath the holy throne and ordered to call the Resurrection Monastery "New Jerusalem," according to the tsar's words» [1, p. 45].

This initial qualification of the monastery's appellation follow's Nikon's own explanation and presents the tsar as imitating the example of Emperor Constantine's naming of the Jerusalem prototype glorified in *Great Menology's* celebration of the "Elevation of the Cross"¹. Shusherin reinforces this idea explaining how Nikon obtained a likeness/model Church of the Holy Sepulcher. In doing so he recognized St. Constantine and St. Helen's creation of the prototype for the first time: «After this, his holiness sent the cellarer (*kelar'*) of the Monastery of the Trinity and St. Sergius, elder Arsenii Sukhanov, to the holy city of Jerusalem in Palestine to bring a likeness of Jerusalem's great Church of the Holy Resurrection, which was originally built by pious and Christ-loving tsarina Elena, mother of St. Tsar Constantine. The cellarer went to Jerusalem at once and carried out the order» [1, p. 45]².

¹ Patriarch Nikon, [19, p. 63-64], clarified "I cast no reproach on the old New Jerusalem if I call the Voskresenskii Monastery New Jerusalem," because that the title began with the tsar and it pleased him the Great Lord, to call it by the name of "New Jerusalem".

² Shusherin's explanation is contradicted by Patriarch Nikon [18, p. 81], who explained that Patriarch Paisius if Jerusalem gave him the model in 1649. Never the less, Shusherin's explanation was the unquestioned authority until the late twentieth century when Lebedev [19, p. 308], privileged Nikon's statement. See also [35, p. 32-34].

Finally, Shusherin elucidates Nikon's reasons for replicating of the Jerusalem prototype: «His holiness patriarch Nikon ordered to build at the Resurrection Monastery a large and spacious church in the likeness of the holy church of Jerusalem which would have no equal either in Russia or any other land because the Jerusalem church itself was destroyed by Turkish assaults and damaged by non-Orthodox Christians who followed their own customs. And so blessed Nikon built this church» [1, p. 45].

Having established Nikon's thinking behind the monastery, Shusherin explains how the realization of the idea progressed under the Patriarch's direction. Between his departure from Moscow in 1658 and trial in 1666, Patriarch Nikon, involved himself in all aspects of the project [1, p. 47, 48, 53, 59]. For example: «His holiness patriarch Nikon started to wear metal chains, committed himself to prayer, fasting, and moderation, and personally looked after the building of the great church. He carried bricks with his own hands and on his own shoulders and the brethren of the Resurrection Monastery labored together with him carrying bricks every day of the week» [1, p. 47].

«Together with the brethren, he cut down trees and extended the arable land. They dug out ditches near the swamps, making them into meadows on which to mow grass and rake hay. His holiness Nikon partook in every labor, setting a good example in everything. He came to work first and left work last. And so he lived increasing the fruits of his labors» [1, p. 47-48].

Impressed by Nikon's efforts Tsar Aleksei Mikhailovich favored the monastery he deemed "New Jerusalem" making extensive grants of money, food, properties, rights and exemptions to support the project: «The pious tsar, hearing about the labors and patience of his holiness the patriarch, frequently sent generous donations of a thousand or two thousand rubles as well as food for the nourishment of the brethren. The great sovereign also showed his holiness Nikon royal favor by giving him the three great monasteries that he built: the Iverskii, Cross, and Resurrection, so that [his holiness the patriarch] could rule all of them, live on the profits from peasants and lands belonging to these monasteries, and continue building God's great church» [1, p. 48].

«Every year the pious *tsar* also sent his holiness the patriarch two thousand rubles from the salt works in the Kama lands. Using the silver donated by the grace of the tsar and the profits from the newly built monasteries, his holiness the patriarch continued to build God's church, always setting a good example with his labors» [1, p. 48].

The significance of Nikon's unique project gained international recognition and visited by: «Greeks, Poles, Ukrainians, Byelorussians, newly converted Germans and Jews, both black and white clergy, who came from different countries to see his holiness the patriarch and the construction of the great church» [1, p. 53].

This renown demonstrates that Nikon realized goal to build "church in the likeness of the holy church of Jerusalem which would have no equal either in Russia or any other land" even before it was complete [1, p. 45].

While Shusherin recounts the various accusations leveled against Nikon during the construction of the Church of the Resurrection, he never mentions those concerning its name “New Jerusalem” or the central place they held in the patriarch’s trial and condemnation [26, p. 1061, 1072, 1087]. He did however, record the result explaining that after being sentenced it was “announced to blessed Nikon that he could no longer be called patriarch and that he was not to live in the Resurrection Monastery that he built” [1, p. 75]. Despite his exile, the former patriarch strove to complete his passion; “During all the days of his life, his holiness Nikon cared incessantly about the Resurrection Monastery and the Holy Church that he founded... He tirelessly prayed to God to allow him to live in the Resurrection Monastery again and to finish the great stone church...” [1, p. 88]. As seen below, Shusherin ascribed the exact same desires to Tsar Fedor Alekseevich and his aunt Tsarevna Tatiana Mikhailovna.

The Romanovs Completion of the Church of the Resurrection and Patriarch Nikon’s Funeral

Shusherin presents Tsarevna Tatiana Mikhailovna as the instrument through which God fulfilled Nikon’s prayers. Tsar Fedor Alekseevich took special interest in New Jerusalem when Tatiana: «...told him about the construction of Resurrection Monastery and about the founding of the masonry church which the blessed [Nikon] established in the likeness of the Church of the Resurrection of Christ our God in the holy city of Jerusalem, inside which were the Savior’s sepulcher, Holy Golgotha and other signs of the saving Passions of our Lord. The church that [the patriarch] started was not completed and stood in desolation... [The tsarevna] asked the tsar to finish building the great church and to release blessed Nikon from his imprisonment» [1, p. 89]¹.

The *Account* details how and why Feodor heeded his aunt’s request in regards to the monastery: «Having heard from many about blessed Nikon, the construction of the Resurrection Monastery, and about the beautiful holy church which was incomplete and stood in desolation, the pious tsar Fedor Alekseevich started to think about it and divine inspiration from the Holy Spirit shone in his heart; his eyes opened up to mercy and generosity. First, the pious tsar showed his favor to the holy Resurrection Monastery by wishing to see it; although there were many obstacles to this, the pious tsar was firm in his good intention to see the monastery with his own eyes» [1, p. 89].

Fedor recognized and accepted the scenario that Nikon created for his father Aleksei Mikhailovich in regard to the founding of the monastery and its place in the larger conception of Russia as a New Holy Land: «Shortly thereafter, on the first of December of the same year 1718 to fulfill his good intentions, the great sovereign Fedor Alekseevich, tsar and grand prince of all Russia, deigned to travel to the holy Resurrection Monastery or New Jerusalem, so called by the blessed, shining with

¹ Explaining his own release, Shusherin [1, p. 92] wrote; “at the same time, the tsar, upon the request of her highness Tatiana Mikhailovna, pious tsarevna and grand princess, returned cleric Ioann Kornil’ev [Shusherin] from exile in Novgorod the Great”.

piety, ever-memorable, and pious sovereign Aleksei Mikhailovich, tsar and grand prince of all Russia, when he visited the monastery during the consecration of the first wooden church of Christ's Resurrection. And the pious *tsar* deigned to write to his holiness patriarch about this with his own hand» [1, p. 89].

Thus, reconfirming Aleskei Mikhailovich's naming "New Jerusalem" (for the second time), Shusherin reconnects the tsar's imitation of Constantine's deed according to the *Great Menology* and sets the stage for Fedor's own emulations of the first Christian tsar. These begin when Fedor witnesses the monastery's landscape which lead his father to compare it with Jerusalem. Recognizing the natural and built environment of the Resurrection Church as a spatial icon of the Holy Land Fedor Alekseevich resolves to follow the examples of Constantine and his byzantine heirs: «Staying at the Resurrection Monastery, the most pious *tsar* Fedor Alekseevich saw with his own eyes the buildings of the holy monastery, the incomplete great stone church, and the beauty of the monastery's location, and took a liking to it. The pious tsar was in wonder that such a beautiful building was left in great desolation. Sighing with his whole heart, he burned with fervor for God, following the examples of the ancient pious Greek *tsars* Constantine the Great, Justinian, and Theodosius. In his heart and mind, he decided to complete the great stone church» [1, p. 90].

The heavenly blessings resulting from Fedor Alekseevich's development of the monastery's replica of the Church of the Holy Sepulcher in the image of his Byzantine predecessors are equated with the original creation and sanctification of the prototype in Palestine: «So God, our Lord, graced the holy monastery with divine mercy as he did in ancient Jerusalem, and the construction of the deserted building began... And so by the will of the great Savior, our God, who builds everything through his omnipotent word, and by the pious *tsar's* diligence, in both words and deeds, the construction of the great church neared completion» [1, p. 89-90].

Having fulfilled Tatiana Mikhailonva's plea to "finish building the great church" at New Jerusalem, Fedor turned to her request "to release blessed Nikon from his imprisonment": «Once [on December 2, 1680], at a time when the most pious *tsar* was in the holy Resurrection Monastery... the Sun of Truth, Christ our God, shone over him and put a good thought in his heart [and he told the brethren]: "If you want patriarch Nikon who started this monastery and founded the great church to live here, write a petition to me and merciful God will help arrange this matter» [1, p. 90].

Shusherin copied the monks' entire response into his *Account* immortalizing their role in identifying New Jerusalem with ancient paradigms.

The document made ultimate success of the tsar's replication of Jerusalem and the identification of his reign with Biblical precedents dependent on his continued imitation of Byzantine paradigms leading to Nikon's release. It explained that the tsar's construction of the church at the monastery in the "likeness of the original church built on the site of Christ's passions, and his life-giving joyful Resurrection" gave the monks cause to "celebrate this with great festivities as the Israelites who, led by Moses... found the Promised Land" and to "rejoice as those who rejoiced about Christ's Resurrection in Jerusalem" [1, p. 91]. Yet, in order to "be truly like the

ancient Israelites... or the new residents of Constantinople” and “to inherit the Promised Land”, the tsar must “release [Nikon] ... and bring him to the Resurrection Monastery which is growing like a fertile tree being nourished and propagated by your generous gifts and is glorified by all” [1, p. 91].

Shusherin confirmed that the monks’ appeal produced the desired effect on the Fedor Alekseevich: «Having accepted the petition with the brethren’s pleas and having spent sufficient time at the monastery, the pious *tsar* returned to the ruling city of Moscow. Arriving at his court, the most pious tsar revealed his thoughts about patriarch Nikon to his holiness Ioakim, patriarch of Moscow and all Russia, intending to release patriarch Nikon from imprisonment and to bring him to the Resurrection Monastery, to complete the construction of God’s church that [the patriarch] already started» [1, p. 91].

Fedor Alskeevich explained his plan in a letter written Nikon: «Blessed Nikon received the tsar’s letter in which he happily read that the *tsar*’s majesty cared for him greatly and wished to release him from imprisonment and to transfer him to the Resurrection Monastery, where the blessed was to complete the task that he started and to build the great church of Christ’s Resurrection» [1, p. 92].

«The blessed tsar shone with great love for the holy monastery and wished to complete the construction of the great church and to free blessed Nikon from imprisonment. And so the pious tsar, acting on his good intention, and with faith in God, began to build the roof of the great church, donating an abundant amount of money from his treasury» [1, p. 92].

While the tsar’s will prevailed and Nikon was released, the patriarch died in route to New Jerusalem [1, p. 96].

Shusherin’s eyewitness record of Nikon’s funeral at the Resurrection Monastery on August 25, 1681 offers a detailed tour of the monastery’s sacred spaces, connecting them with each other and comparing them with holy sites in Jerusalem. These are introduced with another commemoration of Aleksei Mikhailovich’s role in the creation and identification of the foundation in the image of Emperor Constantine. The account begins explaining that when Nikon’s body arrived:

«The coffin was laid across from the monastery near the holy cross erected by the will of pious tsar Aleksei Mikhailovich and with the blessing of his holiness patriarch Nikon, as a symbol of their mutual love and concord during the founding of the new monastery and its being named New Jerusalem. A Slavonic inscription engraved on the stone cross testifies to this» [1, p. 98].

The progression of the ritual reveals the central place of the replica of the site of Christ’s crucifixion at the time of the funeral; «When the time had come to go to the coffin of the blessed, everyone assembled in the great masonry church at Holy Golgotha where the cross stood; the great church was still not completed and not consecrated» [1, p. 98].

Next, the ceremony moved to another site of the Lord’s Passion: «And so the coffin with the body of the blessed was carried into the monastery and all the bells knelled. And it was brought to the great stone church, and once inside, to the Church

of the Holiest Mother of God, also called the Dungeon [*Temnitsa*], and there the coffin was laid down» [1, p. 99].

In other words, the deceased patriarch was brought to replication of the space where Christ was imprisoned before His execution. The burial proper occurred in the space located directly under the crucifixion.

Shusherin's commentary on Nikon's entombment represents the *Account's* most complex comparison of New Jerusalem and the prototype, identifying not only the likeness of the site Christ's crucifixion, but also the vertical geological layers of sacred space which lay below and their Old and New Testament significance, as proof of their "likeness": «After the burial service, the priests again took the coffin with the body of blessed Nikon and carried it to the southern side of the great stone church to the Church of John the Baptist beneath Golgotha itself. In Jerusalem, this church is carved in the rock which split in half during the Crucifixion of our Lord Jesus Christ and the Lord's saving blood flowed from his rib into this ravine onto Adam's head, and the crypt of Melchisedek, the first hierarch of Jerusalem, is located there and can be seen there even now» [1, p. 99]¹.

«And as the heartfelt faith of the pious tsar in the monastery and his love for blessed Nikon grew, the sovereign wished to complete the construction of the great church as soon as possible and ordered the builders to work on its roof without delay» [1, p. 102].

«He generously ordered to give treasures from his coffers for church needs: gold, silver, money, church utensils, liturgical vestments... But the strongest desire of his heart was to complete the construction of the great church about which he cared incessantly during all the days of his life» [1, p. 102].

Shusherin's presentation of the tsar's commitment to New Jerusalem directly follows what he wrote about the patriarch: "Nikon cared incessantly about the Resurrection Monastery and the Holy Church that he founded... [and wished] to finish the great stone church". Moreover, Fedor followed Nikon to the grave without realizing his goal: "The pious tsar did not receive that which his heart and soul desired so strongly, to see the great church completed and consecrated" [1, p. 102].

The remainder of the *Account* focuses exclusively on the Romanovs' efforts to complete and consecrate the monastery's Church of the Resurrection. Shusherin began by explaining: «Our merciful God, Creator of the World, on the prayers of our father the great hierarch, his holiness patriarch Nikon, put good thoughts about the completion of the great church [at the Resurrection Monastery] into the hearts of the great sovereigns Ioann Alekseevich and Piotr Alekseevich... and their highnesses Tatiana Mikhailovna, Sofiia Alekseevna... as he did previously for the great sovereign Fedor Alekseevich... With faith in our Lord and Savior and with love for the holy monastery, by the diligence of their majesties, they completed the building of the great stone church which patriarch Nikon founded in honor and glory of Christ

¹ Here Shusherin closely follows the description of the Church of the Holy Sepulcher in *Proskinitarii Arseniia Sukhahova* [29, p. 152-153, 160-161].

our God and in praise of the Russian state. There is no other church like it in size, appearance, beauty, and likeness to the church in Jerusalem» [1, p. 104].

Thus, Shusherin presents the Romanovs' fulfilment of what he introduced as Nikon's original goal for creating New Jerusalem; "His holiness patriarch Nikon ordered to build at the Resurrection Monastery a large and spacious church in the likeness of the holy church of Jerusalem which would have no equal either in Russia or any other land" [1, p. 45]. Given his earlier explanation that Tatiana "asked the tsar [Fedor] to finish building the great church" this statement suggests that the tsarvena motivated Ivan and Peter as well [1, p. 89 and above]. It follows that, like Fedor they followed "the examples of the ancient pious Greek tsars Constantine the Great, Justinian, and Theodosius" [1, p. 90].

While New Jerusalem was a family project affair, Tatiana was the dominate force: «Tatiana Mikhailovna prepared everything that was necessary for the consecration [of the church] from her possessions. She donated gold and silver vessels, decorated a precious Holy Gospel, embroidered priceless paten and chalice veils (*vozdukhi*) for the Eucharistic offerings with her own hands and arranged for the large carved iconostasis of exquisite workmanship, all gilded and covered with lacquer. On her orders, icons of local saints and altar stand (*analoi*) icons adorned with gold, pearls, and precious stones were made for the iconostasis... And she also donated money from her coffers to complete God's church» [1, p. 104].

«Almighty God, Creator and Source of everything, arranged everything according to the wish and good intentions of pious *tsarevna* and grand princess Tatiana Mikhailovna, whose holy soul aspired incessantly to see the holy church completed» [1, p. 104].

In this case, as he did earlier with Fedor Alekseevich, Shusherin presentations the tsarevna's commitment to New Jerusalem as directly following what he wrote about the patriarch: "Nikon cared incessantly about the Resurrection Monastery and the Holy Church that he founded... [and wished] to finish the great stone church" [1, p. 88].

Shusherin concludes his *Account* by reiterating the central themes of his history of Resurrection Monastery — the complementary notions, conceived by Patriarch Nikon, that the monastery main sanctuary was an icon of the Church of the Holy Sepulcher and that the Romanov tsars' role in its creation replicated St. Emperor Constantine's creation of the prototype.

«The consecration of the holy and great church, which was built in the likeness of the Jerusalem Church in the Resurrection Monastery called New Jerusalem founded by his holiness Nikon, patriarch of Moscow and all Russia, was on the eighteenth day of January 7193 (1687 sic!) from the creation of the world» [1, p. 104-105].

«And so since the time when God, our Lord, looked down on the holy monastery in His mercy and opened the heart and mind of Fedor Alekseevich, the pious *tsar* of Russia shining in piety, and who, after his departure from earthly life, opened the eyes of his brothers, the pious sovereigns Ioann Alekseevich and Piotr Alekseevich, tsars and grand princes of all Great, White, and Little Russias, and pious tsarinas and noble

tsarevnas and grand princesses Tatiana Mikhailovna and Sofiia Alekseevna, the monastery continues to grow. Upon their good intent and faith in God, our Lord, and thanks to their majesties' generosity, the monastery is not lacking for anything and the sovereigns frequently grace it with their visits» [1, p. 105].

References

1. Kain Kevin and Levintova Katia (trans and eds). From Peasant to Patriarch. Account of the Birth Upbringing, and Life of His Holiness Nikon, Patriarch of Moscow and All Russia Written by His Cleric Ioann Shusherin, New York, Lexington Books, 2007.
2. Kozodavlev O.P. Zhitie sviateishago patriarkha Nikona, pisannoe nekotorym byvshim pri nem klirikom [Life of His Holiness Patriarch Nikon, written by a certain cleric who was with him]. Saint-Petersburg, 1784.
3. Leonid (Kavelin). Izvestie o rozhdenniivospitaniii o zhitii sviateishago Nikona patriarkha moskovskago i vseia Rossii, napisannoe klirikom ego Ioannom Shusherinym [Account of the Birth Upbringing, and Life of His Holiness Nikon, Patriarch of Moscow and All Russia Written by His Cleric Ioann Shusherin]. Moscow, 1871
4. Zelenskaia Galina. Novoe v biografii Ioanna Shusherina [Something New in the Biography of Ioann Shusherin] in Zelenskaia Galina (ed). Nikonovskii chteniia [Nikonian Readings], Moscow, Leto, 2011, P. 118-126. (in Russian)
5. Avdeev A.G. Knizhniki i knizhnost novo-Ierusalenskogo monastyria v poslednikh desiatletiiakh XVII – nachale XVIII veka [The Bookman and Book Culture in the Last Decade of the 17th-Early 18th Centuries] in Zelenskaia Galina (ed), Nikonovskii chteniia [Nikonian Readings], Moscow, Leto, 2011, P. 70-84. (in Russian)
6. Bubnov N.Iu. and Lavrent'ev A.V. Ioann Kornil'ev Shusherin-Ripatov, in Bulanin D.M. and Turilov A.A. (eds.) Slovar' knizhnikov i knizhnosti drevnei Rusi (XVII vek) [Dictionary of Bookmen and Book Culture in Ancient Rus (17th Century)], Issue 3, Pt. 2 St. Petersburg, 1993, P. 70. (in Russian)
7. Kain Kevin M. Account of Birth, Life, and Upbringing of His Holiness Nikon, Patriarch of Moscow and All Russia: An Annotated Translation *Modern Greek Studies Yearbook* 2012 №22-23, p. 212-227.
8. Leonid (Kavelin). Istoricheskoe opisanie stavropigial'nago Voskresenskago, Novyi Ierusalim imenuemago, monastyria [Historical Description of the Stavropegial Resurrection Monastery, Called New Jerusalem], Moscow, 1876. (in Russian)
9. Lebedev Lev. Moskva Patriarshaia [The Moscow Patriarchate], Moscow: Veche, 1995), 287-332; (in Russian)
10. Lidov Aleksei (ed). Novye Ierusalimy. Ierotopiia i ikonografiia sakral'nykh prostranstv [New Jerusalem's Hierotopy and Iconography of Sacred Spaces] Moscow, Indrik, 2009. P. Passim. (in Russian)
11. Lidov Aleksei. Novye Ierusalimy. Perenesenie Sviatoi zemli kak prozhdaiuschaiia matritsa khristianskoi Kultury [New Jerusalem's. Transferring of the Holy Land as Generative Matrix of Christian Culture] in Lidov Aleksei (ed). Novye Ierusalimy. Ierotopiia i ikonografiia sakral'nykh prostranstv [New Jerusalem's Hierotopy and Iconography of Sacred Spaces] Moscow, Indrik, 2009, p. 5-10 (in Russian)
12. Zelenskaia Galina. Sviatyni Novogo Ierusalima [Holy New Jerusalem], Moscow, Severnyi palomnik, 2003, p. 8-54. (in Russian)
13. Zelenskaia Galina. Novyi Ierusalim pod Moskvoi. Aspekty zamysla i novye otkrytiia [New Jerusalem near Moscow. Aspects of design and new discoveries] in Lidov Aleksei (ed). Novye Ierusalimy. Ierotopiia i ikonografiia sakral'nykh prostranstv [New Jerusalem's Hierotopy and Iconography of Sacred Spaces] Moscow, Indrik, 2009, p. 745-773. (in Russian)

14. Zelenskaia Galina. Patriarkh Nikon zadochii sviatoi Rusi [Patriarch Nikon Tasks for Holy Russia], Moscow, Palomnik, 2011, p. 143-273. (in Russian)
15. Keshman Anastasia. An Emblem of Sacred Space: The Representation of Jerusalem in the form of the Holy Sepulcher in Lidov Aleksei (ed). *Novye Ierusalimy. Ierotopiia i ikonografiia sakral'nykh prostranstv* [New Jerusalem's Hierotopy and Iconography of Sacred Spaces], Moscow, Indrik, 2009, p. 256-276.
16. Shmidt V.V. Patriarkh Nikon. Trudy [Patriarch Nikon. Proceedings]. Moscow, Publishing house of Moscow University, 2004, p. 621-823.
17. Lepakhin V.V. Ikonichnoe zodchestvo patriarkha Nikona [Patriarch Nikon's Iconic Architecture], in Avdeev A.G. (ed). *Nikonovskii sbornik* [Nikonian Collection], Moscow, Publishing house of PSTGU, 2006, p. 17-54. (in Russian)
18. Buseva-Davydova Irina. On the Conception of Patriarch Nikon's New Jerusalem Monastery in Batalov Andrei and Lidov Alexei (eds). *Jerusalem in Russian Culture*, New York, Aristide D. Cacatzas, Publisher, 2005. p. 207-220.
19. Palmer, William (ed). *The Patriarch and the Tsar*, 6 vols. London, Trubner, 1871–1876, 1. The Replies of the Humble Nikon, by the Mercy of God Patriarch, against the Questions of the Boyar Simeon Streshneff and the Metropolitan of Gaza Paisius Ligarides.
20. Rowland Daniel. Moscow — The Third Rome or New Israel? *The Russian Review*, 1996, №455, p. 591-614.
21. Kain Kevin M. Before New Jerusalem: Patriarch Nikon's Iverskii and Krestnyi Monasteries, *Russian History*, 2012, №1-2(3), p. 173-231.
22. Kain Kevin "New Jerusalem" in Seventeenth Century Russia: The Image of a New Orthodox Holy Land, *Caheirs du Monde Russee*, 2017, №(58), 371-394.
23. Kain Kevin M. New Jerusalem and the Politics of Byzantine Renewal in Russia: The Resurrection of the Resurrection 'New Jerusalem Monastery' in the Reign of Tsar Fedor Alekseevich (1676-1682) *Canadian-American Slavic Studies*, 2020, №1-3(54), p. 134-169.
24. Velikiia Minei Chetii sobrannia Vserossiiskim mitropolitom Makariem Sentiabrdni 1-14 [Great Menology Readings collected by the All-Russian Metropolitan Macarius September Days 1-14], Saint-Petersburg, Publishing house of the Russian Academy of Science, 1869. Col. 684-773. (in Russian)
25. Avdeev A.G. Kto i kogda nazval Voskresenskii monastyr' Novym Ierusalimom [Who Named Resurrection Monastery New Jerusalem and When] in Avdeev A. G. (ed). *Nikonovskii Sbornik* [Nikonian Collection], Moscow, Pravoslavnyi Sviato-Tikhonovskii gumanitarnyi universitet, 2006, p. 87-98. (in Russian)
26. Gibbenet N.I. Istoricheskoe issledovanie dela patriarkha Nikona, 2 pts. Saint-Petersburg, Publishing house of the Ministry of Interior Affairs, 1882-1884, 2. (in Russian)
27. Perrie Maureen. Moscow in 1666: New Jerusalem, Third Rome, Third Apostasy *Quaestio Rossica* 2014, №3, p. 75-85.
28. Chumicheva O.V. Solovetskoe vosstanie 1667-1676 godov [The Solovetsky Uprising of 1667-1676], Moscow, OGI, 2009. (in Russian)
29. Proskinitarii Arseniia Sukhahova [Arsenii Sukhanov's Proskinitarii], Ivanovski N.I. (ed). *Pravoslavnyi palestinskii Sbornik* [Orthodox Palestinian Collection], vol. 7, pt. 3 (St. Petersburg: Tipographiia V. Kirsbauma, 1889. (in Russian)
30. Kocheliaeva Nina. A. "Proskinitariia" Arseniia Sukhanova v kontekste stroitel'noi deiatel'nosti patriarkha Nikona" in Zelenskaia Galina M. (ed). *Nikonovskie chetenii v muzee Novyi Ierusalim Sbornikstatei* [Nikonian readings in the museum New Jerusalem. A Collection of Essays], Moscow, Leto, 2005, p. 55-88. (in Russian)
31. Rossiiskaia Gosudarstvennaia Biblioteka, Otdel Rukupisei (RGB OR), fond 579, delo 10, Chin i ustav tserkovnyi Novago Ierusalima Voskresenskago monastyria kako predal sviateishii Nikon Patriarkh, listy 51-54 ob. (in Russian)

32. Petukhov E.V. Ocherk iz Literaturnoi storii Sinodika [Essays from the Literary History of the Synodikon], Saint-Petersburg, Publishing house of the Russian Imperial Academy of Science, 1895. (in Russian)
33. Dergachev V.V. Vselenskii sinodik v drevnei srednevkovoi Rossi [The Ecumenical Synodikon in Ancient and Medieval Russia] Drevniaia Rus' [Ancient Rus] no 3 (2001), 17-29. (in Russian)
34. Uspensky Leonid Theology of the Icon Gythiel Anthony and Meyendorff Elizabeth (trans). 2 vols. Crestwood, NY, St. Vladimir's Seminary Press 1992, 1: 151-167.
35. Zelenskaia G.M. Model khrama Groba Gospodniia v Ierusalime [Model of the Church of the Holy Sepulcher in Jerusalem], in Egorov V.L. and Iukhimenko (eds). Patriarch Nikon. Oblacheniia, lichnyieveshchi, avtografy, vklady, portrety [Patriarch Nikon. Vestments, personal belongings, autographs, contributions, portraits], Moscow, GIM, 2002, p. 32-34. (in Russian)
36. Sobranie gosudarstvennykh gramot i dogovorov, khраниashchikhsia v Gosudarstvennoi kollegii inostrannykh del [Collection of State Decrees and Treaties Kept in the State Collegium of Foreign Affairs], 5 vols. Moscow, Publishing house of N. S. Vsevolozhskii, 1813–1894, 3: p. 471-472. (in Russian)

Для цитирования: Зеленская Г.М. Исторические реалии в гимнографии Воскресенского архимандрита Германа //

URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2022/s/articles/1_4.pdf

DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2022.00.004

УДК 821.161.1; 244

ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ В ГИМНОГРАФИИ ВОСКРЕСЕНСКОГО АРХИМАНДРИТА ГЕРМАНА

Г.М. Зеленская¹

1 ГБУК МО Музей «Новый Иерусалим», г. Истра Московской области, Российская Федерация

E-mail: gali.zelenskaia@yandex.ru

*Архимандриту Макарию (Веретенникову)
с благодарностью за исполнение в 2000-х гг.
на Никоновских чтениях в музее «Новый Иерусалим»
учащимися Регентской школы МДА, им тогда возглавляемой,
духовных песнопений архимандрита Германа I.*

Архимандрит Герман I (нач. 1640-х? – 1682), настоятель Воскресенского монастыря Нового Иерусалима в 1681-1682 гг., вошел в историю русской литературы как автор виршевой поэзии, мастер акростиха. Его творческое наследие, введенное в научный оборот в конце 1950-х гг. А.В. Позднеевым, продолжает издаваться и изучаться [1, с. 239-241].

Особо значима публикация А.Г. Авдеевым Духовного завещания архимандрита [2, с. 82-84], позволившая конкретизировать принадлежавшие поэту книги и предметы келейного обихода, а также выявить круг его наследников — братья Воскресенского монастыря и лиц, тесно связанных с обителью [3, с. 85-117, 379-384]. Была плодотворной возникшая на этой почве научная полемика, в результате которой признано ошибочным мнение о роде архим. Германа I, сложившееся на основе Синодика с записью о роде архим. Германа II [4, с. 76-80; 5, с. 352-353].

Для контекста творчества архим. Германа важны исследования маргиналий нотированных сборников вт. пол. XVII в. И.Ф. Безугловой [6, с. 51-57] и А.Н. Кручининой [7, с. 284-294]. Изучение владельческих записей певческих рукописей выявило имена двух братьев о. Германа, постриженников Патриарха Никона и клирошан Воскресенского монастыря. Это головщик иерод. Григорий (Жернов) и «доместих» иерод. Тарах Воскресенец [7, с. 293]. Первый после низложения и ссылки Первосвятителя уехал на родину, где поступил в Кирилло-Белозерскую обитель, второй ушел в Троице-Сергиев монастырь. К сведениям о последнем добавим, что он вернулся в родную

обитель, так как в 1685 г. числился в списке братии: «На лѣвом крылосѣ головщиков <...> Тарах» [8, л. 228]¹.

Собирание в Новом Иерусалиме его насельников, рассеянных подобно овцам стада, когда поражен пастырь (Мф. 26:29), происходило в первой пол. 1680-х гг. Оно было обусловлено назначением по указу царя Феодора Алексеевича настоятелем монастыря о. Германа и завершением строительства храма Воскресения Христова.

Изучение открытого С.К. Севастьяновой анонимного сочинения о Патриархе Никоне выявило еще одного собрата архим. Германа — иерод. Тимофея (Рвовского-Каменевича), проповедника и уставщика Троицкого Афанасьевского монастыря на реке Мологе в Угличском уезде, писателя и редактора-составителя летописных сводов [9, с. 57-82].

Новые биографические сведения о гимнотворце пока не обнаружены. Мы по-прежнему ничего не знаем о его происхождении. Предположение о том, что он был выходцем из Западной или Юго-западной Руси, основано на его творчестве, синтезировавшем традиции, характерные для кантов «мастеропевцев Нового Иерусалима». По словам Е.Ю. Шевчук, им «присущ самобытный духовно-песенный стиль, в котором соединились особенности укр. кантовой и партесной, а также польск. псалмовой мелодики с интонациями рус. духовных стихов, знаменного распева (как монодии, так и аккордовых гармонизаций XVII в.), рус. устной песенности и словесности» [10, с. 497]. В связи с указанными оттенками в музыкальной палитре о. Германа интересна запись в его Завещании: «Книгу печать полская Александра Гваннина в десять отдать на Москвѣ собора Архангелского диакону Аврамию Васильеву» [2, с. 84].

Московский наследник поэта получил, по-видимому, сочинение Александра Гваньини (1538-1614) «Описание Европейской Сарматии» («Sarmatiae Europaeae description»), составленное на латинском языке и впервые опубликованное в Кракове (1578). В Западной Руси книга получила широкое распространение в польском переводе под названием «Kronika Sarmacyeu Europskiey» (Краков, 1611). Надеемся, в будущем историография архим. Германа пополнится сведениями о диаконе Авраамии Васильеве, сейчас же сошлемся на документ с комментарием издателя в виде вопроса: «В 1688 г. 5 окт. даны были подводы до малороссийских городов и обратно архангельского собора свящ. Ермолаю Иванову и диак. Авраамию Васильеву. Не на родину ли они ездили?» [11, с. 314].

Архим. Герман, несомненно, поддерживал связи с Малой Россией. В его келейную библиотеку входила «книжка каменная», идентифицированная нами как «LIΘOS abo kamien z procy prawdy cerkwie swietey prawoslawney Ruskiey, na skruszenie falecznociemnie Perspektywy albo raczey paszkwilu od Kassiana Sakowicza...» («Лифос или камень с пращи правды Церкви святой православной

¹ Здесь и далее цитаты из рукописных и печатных источников воспроизводятся в орфографии и синтаксисе оригинала.

Русской на сокрушение лживотемной Перспективы... от Кассиана Саковича») [3, с. 101]. «LIΘOS» вышел на латинском языке в Киево-Печерской типографии (1644), где печатались на латинице и стихотворные сочинения архиеп. Лазаря (Барановича) из собрания архим. Германа: «Żywoty świętych ten Apollo pieie iak ci działali niech tak kozdy dzieie» (1670), «Lutnia Apollinowa koźdey sprawie gotowa» (1671).

Среди гипотез о жизни архим. Германа I существует основанное на ошибочном отождествлении его рода с родом выходца из Казани архим. Германа II (†1699) предположение о том, что поэт получил монашеское имя в честь свт. Германа I, митр. Казанского (†1567). Представляется более вероятным наречение Святейшим Никоном своего литературно и музыкально одаренного келейника в честь духовного писателя и песнотворца свт. Германа, Патриарха Константинопольского (VII-VIII вв.). Церковные гимны, стихирьы и каноны этого Святителя входят в состав многих праздничных богослужений [12, с. 79-90], а его проповеди включены в рукописные сборники Воскресенской библиотеки [13, №76, с. 260; №155, с. 281].

Послушания о. Германа известны из его акростихов и подтверждаются источниками не только письменными, но и, что редкость, изобразительными. Юным иподиаконом «старчик» представлен на парсуне нач. 1660-х гг. «Патриарх Никон с братией Воскресенского монастыря». Позже он был уставщиком и «еклесиархом», в 1673 г. упоминается как соборный старец, в 1674-1676 гг. — как строитель. В эти годы по указам Патриарха Иоакима из Нового Иерусалима в Москву вывозились св. мощи, книги, богослужебные облачения. Строитель Герман, ответственный за имущество обители, пытался, вероятно, этому противиться, вследствие чего в октябре 1675 г. было велено: «сыскать братьею, и служки, и служебники, строителя старца Германа съ товарищи въ бою и о срыве казенной печати и о ключахъ» [14, с. 553].

В мае 1676 г. в обитель пришла грамота с повелением: «Ипацкаго монастыря бывшаго архимандрита Феодосия заковать въ кандалы и посадить въ земляную тюрьму, а строителя Германа на соборе при всей братии бить шелепами за ихъ безчинство» [14, с. 554]¹.

Думается, именно эти события отражены о. Германом в одном из акростихов его покаянного песнопения «Память предложити смерти»: «Маия месяца болезнен» [19, с. 863].

¹ Архим. Феодосий († после 1676), согласно П.М. Строеву, — настоятель Ипатиева Троицкого монастыря (1670-1674), переведенный в Новый Иерусалим [15, Стб. 853]. Архим. Леонид отождествлял его с Воскресенским экономом иером. Феодосием и полагал, что он был в 1669-1671 гг. настоятелем Ипатиева монастыря (1669-1671), а затем жил на покое в Новом Иерусалиме, где и умер в схиме [14, с. 127]. Эту версию повторяет прот. Д. Сазонов [16, с. 303], не упоминая об экономе Феодосии, который умер строителем Троицкого Астраханского монастыря и был погребен в г. Туле, у Благовещенской церкви, сооруженной им на собственные средств в 1692 г. [17, с. 199-203; 18, с. 204-205].

Боль была не только физической. Грамота о наказании датирована 12 мая, днем памяти свт. Германа Константинопольского. Происшествие повлекло за собой смену настоятеля, строителя и ризничего Воскресенского монастыря. Это нашло отражение в акrostихе написанного поэтом в 1678 г. песнопении «Феодор, славный воевода» [19, с. 863-864], посвященном вмч. Феодору Стратилату, тезоименитому святому царя Феодора Алексеевича: «Феодора восхваляю, / да защитит, умоляю, / царя тезоименного / Феодора усердного; убоги чернец Герман; лета семь тысяч сто осмдесят шестаго во осмы день иуны» [19, с. 864].

Государь, воспитанник иером. Симеона Полоцкого, оценил мастерство чернеца Германа. В феврале 1680 г., одновременно с подготовкой работ по завершению строительства Воскресенского собора, в Новый Иерусалим на должность настоятеля переводится из Успенского Тихвина монастыря архим. Варсонофий. По его челобитной Афанасьевская Угличская обитель снова, как при Патриархе Никоне, становится приписной к Воскресенскому монастырю, и ее строителем назначается иером. Герман. Этот факт свидетельствует о знакомстве поэта с проповедником Афанасьевского монастыря иерод. Тимофеем (Рвовским) и объясняет соседство в одном из рукописных сборников Духовного завещания архим. Германа и произведений о. Тимофея [20, с. 238-239].

25 октября 1680 г. скончался архим. Варсонофий. 1 декабря 1681 г. строитель Герман по просьбе царя подает ему «Доклад» о назначении нового архимандрита. Этот документ заслуживает специального текстологического анализа для выявления уставных, агиографических, святоотеческих и других источников, на основании которых иером. Герман излагает принципы управления общежительным монастырем. Что касается исторических реалий, то они присутствуют в «Докладе» в виде суждений, основанных на опыте иноческой жизни автора и присущем ему дару духовного рассуждения. За формулировками текста, часто апофатическими, возникает идеальный образ, который восходит к Патриарху Никону и архимандритам, управлявшим Воскресенским монастырем по его благословению: «Нам <...> чтоб свою отеческую любовь показовал, яко отец чадом, и совѣт по заповѣди Владыки всѣх, яко первый брат ко единственным братьям. И учение и завѣщание в любви, яко присным другом, а не яко князь рабом, или богачь нищим <...>. И потаеных бы подговоров слушать не изволил, а обличал бы насреду пред всѣх. Чтоб от такового диявольского и лукавых человек злохитрѣства потаенаго ему мнѣния в сердцах или и явныя к нам злобы, а нам размышления и от благосовѣтия удаления и ненависти друг на друга не восставали.

Пищу и питье в трапезѣ чтоб имѣл от братьи немного излишнее и в кѣлье, кромѣ нарочитых гостей или немощи <...> чтоб особно от братии не трапезовал, дабы от того образ безчинства иным не происходил.

Сродичам своим по плоти или и другом чтобы монастырским ничѣм не здѣлася, и всѣх сущих в монастырѣ от того возбранял, чтоб за любов плотскую

родителей и друзей отвержения заповѣди Божия не было и монастырю зазора, а подручным соблазна <...>.

А мы не точию о всяких монастырских великих дѣлах, яко о строении болшом и малом, или о иных народных вещех, но и о малых особно приличных дѣланием разсудити могущему возвѣщати, и совѣт и благословение приимати должны есми» [2, с. 78-79].

Прочитав «Доклад», царь Феодор назначил настоятелем самого Германа, чье возведение в сан архимандрита совершилось в феврале 1681 г. Месяцем ранее государю была подана челобитная о возвращении из ссылки Патриарха Никона, подписанная насельниками обители во главе со строителем Германом. Документ, строго соответствуя жанру, представляет собой вместе с тем авторское произведение. О. Герман и в прозе — поэт. Его отличает ассоциативно-образное и аналитическое мышление, искусное использование сравнений с нанизыванием смысловых уподоблений из Св. Писания и церковной истории. Это ярко выражено в характеристике Патриарха Никона — «отцѣ нашем, избаввшем нас от глада неслышания словес Божиих и удоволившаго нас насыщением тучнаго телца и Агнца, иже питающиися вовѣки не умирают. Тѣм нынѣ молим тебе, благочестивѣйшаго нашего Государя Царя <...>: помилуй нас, нищих своих богомолцев, подаждь церкви исполнение, приведи кормчия кораблю, послѣ пастыря стаду, пристав главу тѣлу, хриstopодражательнаго нашего наставника, святѣйшаго Никона, преведшаго нас море мира сего, яко Моѣсей, повели, да и землю обѣтования, юже наслѣдуем твоим прещедрым богатодаровитым подаянием обилно, такожде наслѣдствит и нам, разделит, яко Иисус и Елеазар, вѣдый всѣх, по разсмотрителному комуждо достойному приличеству...» [2, с. 80].

Автор предостерегает: «не уподобихомся древним израилтяном, пренесшим кости от глада их избавлшаго Иосифа от Егѣпта, и в новых чад Константинополяном, умолившим благочестивѣйшаго царя Феодосия о возвращении Иоанна Златоустаго от Коман», — и живописует картину благоприятного завершения «дела Никона»: «Изведи из темницы душу его, яко и блаженнаго нѣкогда Игнатия патриарха Царскаго града из заключения, повели свободити ис Кирилова монастыря в монастырь Живоноснаго Воскресения Христова, растуши днесъ в высоту повсюднаго прославления, яко древо плодовито при исходящих твоего благодаровитаго и щедролубезнаго излияния, насажденный и оупояваемый, да и с нами купно твоих пребогатых щедрот насладится и в старости своей возвеселится» [2, с. 80].

Характерная для мироощущения о. Германа духовная восторженность соседствует в данном тексте с трезвым опытом земных реалий. Посредством уподоблений он излагает два варианта освобождения Патриарха Никона. Первый — на примерах истории прав. Иосифа и Жития свт. Иоанна Златоуста. Упомянув проданного братьями в египетское рабство и умершего там Иосифа, чьи кости были по его завещанию (Быт. 50:25) перенесены Моисеем в землю обетованную (Исх. 13:19), о. Герман говорит и о перенесении в

Константинополь (438) мощей свт. Иоанна Златоуста из Коман — места его ссылки и кончины (†407). Сопоставление по принципу семантической симметрии основано на текстах службы Перенесения мощей свт. Иоанна, где он назван новым Иосифом: «Міра пшеницомъбритель, вѣрній, ѡже сладоцію небѣсною Духа сердца напитая всѣхъ, не изъ Египта приходить: Іосифъ же новѣй проявляся, въ честнѣхъ мощѣхъ въ Команѣ приходить...» (Стихиры на стиховне).

Архим. Герман связывает оба церковно-исторических образа с Патриархом Никоном. Как Иосиф спасал народ от телесного голода накопленной пшеницей, а свт. Иоанн Златоуст питал сердца паствы сладостью «ученій медоточныхъ», — так и Святейший Никон избавлял своих духовных чад «от глада неслышания словес Божиих». Напомним, что и Патриарх Никон видел в свт. Иоанне Златоусте один из своих первообразов: «их же реестръ се есть: Иоанъ Златоуст, Афанасей Великий, Василей Великий и здѣшни Филип митрополит» [21, с. 145].

Поэтические творения архим. Германа разнообразнее и сложнее документальных текстов, они виртуозны по ритмике, образному строю, богатству синонимов, мастерству акростиха. Его вторую эпитафию Патриарху Никону («Аще кто любит милость Бога к земным знати...») отличает плотность уподоблений, объединяющая пласты и оттенки символической семантики строфы, где звучат, сливаясь и расходясь, три темы — Христа, мч. Евстафия Плакиды и прав. Иова. В первой эпитафии («Господень образ здѣ есть и Плакидов...») поэт осмысляет события жизни Патриарха в контексте Св. Писания. Упомянув царя Феодора, он использует библейскую нумерологию и притчу о заблудшей овце, искусно связав ее с притчей о сеятеле. Краткая и пространная эпитафии на белокаменных плитах у гробницы Первосвятителя воспринимались как смысловое и стилевое целое [22, с. 322-331].

Показателен пример разного прочтения исследователями одного слова во второй эпитафии, где говорится о сооружении Патриархом Никоном храма Воскресения Христова: «абіе зиждет во образ іерусалимскій / воскресшаго велиї храм яко палестински[й] / мѣсто всѣх с[траст]ей Спаса и гроба святаго / у тѣх же наиденіе и креста честнаго / яко давида присно тая поминаеть / сыновство имже прияхомъ да не забывае[тъ]» [4, с. 127].

На плите высечено слово «давида», но А.Г. Авдеев в текстологических комментариях приводит и другой вариант написания — «да видя» [4, с. 135], в том числе, в публикациях архим. Апполоса (Байбакова) и Г.М. Зеленской [23, с. 99; 24, с. 319]. В первом случае, вероятно, имеется в виду пророк-псалмопевец, отец царя Соломона, которому поэт «тайнозримо» уподобляет Патриарха Никона. Представляется, однако, более точным второе прочтение, означающее, что сам святитель-зодчий и все, кто видит в храме Нового Иерусалима святые места Страстей Христовых, «присно поминают» Крестную жертву Спасителя, которой Он искупил «подзаконных, дабы нам получить усыновление» (Гал. 4:5). Это толкование совпадает со словами Патриарха

Никона о том, что он «создахъ по образу того великаго Иерусалима святое ограждение на видѣние и воспоминание приснопамятнаго святаго Иерусалима, въ немъ же спасительныя страсти нашего ради спасения содѣяшася» [25, с. 157].

Архим. Герман, таким образом, цитирует самого Первосвятителя. Случайна ли возможность смысловых интерпретаций двух версий прочтения слова? Ответ мог бы дать автограф, но он пока не выявлен.

Исторические реалии отражены и в гимне архим. Германа «Да восприимут ныне горы радость». Песнопение, посвященное Преображению Господню, упоминает соименный празднику храм, а в заключительной строфе — «нашего пастыря, отца в бозе Филарета», с возгласом: «и ликующе пойте “Многая лета!”». Как увидим далее, конкретности текста тоже могут интерпретироваться по-разному.

1
Да восприимут ныне горы радость,
Видяще ясно великую благодать
преблагаго,
всесилнаго
Бога святаго
Преображшася Владыку на святей
Горе велицей именем Фаворстей.

2
Единородна Сына преблагаго,
Естества Отца тогожде святаго
неразделна,
неразлучна,
единосущна,
Равна же Отцу и со Святым Духом,
Его же от пророцы предслышахом слухом.

3
На горе же ныне чювственне ужасне,
Лучи Божества показавше ясне
освященным,
озаренным
горам разумным,
Апостолам тем, их избра лучших,
Ранне от пророк представль первых сущих.

4
Перва законе Моисея суща
И в благодсти перва преимуща
ревностию,
первостию
и теплостию
Закона паки зиждитвенника,
Мудра Илию небошественника,

5
Равне сущаго днесь во благодати,

Ясную зарю изволиша прияти,
пречестнаго,
несквернаго,
прелюбезнаго.
Девства над ины детели превышша
Ангеловидна Иоанна бывша,

6
Апостола же еще изряднаго,
Таиннику всех сродника сущаго,
сопридведе,
и возведе,
благодсть подаде
Небесна зрети Иакову везде,
Нарочитейшу сущу яко и zde.

7
Земли повеле Моисея дати,
От рая же днесь Илию послати,
показуя,
извествуя,
разум дарствуя
Умно внимати, яко есть Содетель
Людей живых же и мертвых Владетель.

8
Да познают zde пророцы тако,
Равне сущи от апостол всяко,
яко волным
самохотным
изволением
Явно изволил страсть и смерть понести
И во тме сущих в свет райский извести.

9
Нам же, первее люте омраченных,
Жаждею благих велми согнетенных,
присетити,

озарити
и просветити
Празником днешним Преображения,
Крайняго всем подав озарения.

10

Единаго всех того Бога знати,
Его, Творца всех, верно прославляти,
просиявша,
показавша,
и всем подавша
Истинны веры нам просвещение,
От ада люта свет изведение.

11

Сего ради днешь люди честнии,
Святителем всех Бога стяжании,
услышавше,
и внушавше,
умно приемше,
«Сей возлюбленный Сын мой!» глас Отца,
В облаце Духа свидетелство Творца.

12

Троицы святыя явление ясно
Торжествующе пойте велегласно,
миротворца,
всем нам Отца,
премудра борца,
Ангелы купно земным примиривша,
Адамский весь род от скверны измывша

13

Овою от ребер с Кровию драгою
И всех бо яко днешь чашею святою
независтно
и довольно,
преизобилно

Шума мирскаго бегших напоят,
Шатание злоб вергших насыщает

14

Агнец безгрешный, за мирский грех жремый,
Архиерея от рук подаемый
в день празднества,
и ликовства,
днешня торжества
Его святаго Преображения
Единовидна неба видения.

15

Всяк убо верный того ради везде
Оного должен пети, болше же zde
прославляти,
воспевати,
торжествовати,
Соимените храму великому,
Красному сущу тезоименитому.

16

Радостнейшаго Богозарения,
Его святаго Преображения
велегласно,
и согласно,
вси доброгласно
Славословящаго красно Бога,
Его же милость правым ввек премнога.

17

Нашего паса пастыря во пастве,
Содержащаго разумно в изрядстве
в сей ограде,
в Новом граде,
в Нижне преграде,
Крайняго отца в Бозе Филарета,
И ликующе пойте «Многая лета!».

Акrostих: «Ден празднества, / Велия торжества / Празднуя, писаша / Герман, ликоваше, Воскресенски» [19, с. 867-869]¹.

¹ Комментарий Е.Е. Васильевой: «В гимне сопрягаются смысловые планы праздника Преображения <...>. Последние строфы (содержащие в акrostихе подпись) обычно в такой композиции добавляют нечто частное к теме. Здесь это указание на Преображенский собор, расположенный *в сей ограде, в новом граде, в нижней преграде*, и имя *крайнего отца в Бозе Филарета*. Может оказаться уместным напоминание о Кирилловском монастыре, в нижней части которого, расположенной ниже первой территории монастыря, была церковь Преображения, ближайшая по расположению к палатам, в которых пребывал Святейший Патриарх в последние годы ссылки. <...> Сопоставляя это обстоятельство с необычной, единственной в своем роде формой

Произведение делится по содержанию на две части. Первая (строфы 1-12) раскрывает догматический смысл праздника, подавшего «истинны веры нам просвещение». Вторая часть (строфы 13-17) посвящена Божественной литургии, которая, прославляя «днешня торжества», совершается в храме тезоименитом празднику. Завершают песнопение начальные слова многолетия архиерею, возглавляющему богослужение.

Сравнение первой части гимна с литургическими, проложными и святоотеческими текстами на тему Преображения Господня убеждает в том, что архим. Герман не повторяет евангельское изложение события или одно из творений Отцов Церкви. Он мыслит каноническими образами, но мыслит творчески, сопоставляя их традиционно или неожиданно, явно или умозрительно, развернуто или кратко, но всегда зависимо от ритмики стиха и последовательно в движении от общего к частному. Подобно иконописному изображению, семантико-символическое пространство строф соединяет горнее и дольнее, ближнее и дальнее, иногда — по принципу взаимного отражения, когда прообразы и образы просвечивают друг сквозь друга.

Начинается песнопение с картины одушевленных гор, со всех сторон света «видящих ясно» вершину той горы, где совершается Богоявление: «Да восприимут ныне горы радость, / Видяще ясно великую благодсть <...> / Преображшася Владыку на святей / Горе велицей именем Фаворстей» [19, с. 867].

Подобную панораму описал прп. Афанасий Синаит: «...я ныне радостно и любопразднственно стою на сей Божественной высоте и вершине и, простирая руку с этой горы, созываю все горы для поклонения Богу и вопию: горы Араратские, горы Гелвуйские, горы Синайские, горы Фаранские, горы северные, горы западные, горы Ливанские, горы южные, горы островов, все горы – преклоните главы и поклонитесь на горе Фаворской Христу Богу нашему. И когда множество гор совзыграют, призовём: горы Иорданские, горы Ермонские, горы Элладские, горы Олимпийские, горы Гевальские, горы Арнонские, горы Эпирские, гора Галаадская, гора Сионова, гора Голгофская, гора Елеонская — совоспойте и возвеселитесь, единым гласом восхваляя Христа на Фаворской горе...» [26].

Архим. Герман в начале гимна тоже стоит посреди «горного клироса» в Галилее и видит на ближнем плане «разумные горы» — пророков и апостолов, озаренных и просвещенных лучами Триипостасного Божества. Его песнопение начинается и завершается (строфы 1-2, 11-12) догматически главным мотивом — явлением Пресвятой Троицы.

Теофания — сквозная тема для богослужения праздника и Поучений о нем, толкующих семантические значения пророков и апостолов — свидетелей Преображения Господня. Соответственно Св. Писанию и творениям Отцов

надписи, торжественной и официальной, можно предположить, что Преображенский гимн написан как послание и в память о Святейшем Патриархе...» [19, с. 869, сн. 438].

Церкви, о. Герман характеризует Моисея как «закона зиждитвенника», Илию — как «мудра небошественника» (строфа 4). По словам прп. Ефрема Сирина, Христос, призвав их на Фавор, «показывает» апостолам, что «Он есть Господь живых и мертвых: ибо повелел небу, и оно низвело Илию, — дал мановение земле, и она возвратила Моисея» [27, с. 362].

Стихи песнотворца (строфа 7) близки этой цитате: «Земли повеле Моисея дати, / От рая же днесь Илию послати, / показуя, / извествуя, / разум дарствуя / Умно внимати, яко есть Содетель / Людей живых же и мертвых Владетель» [19, с. 868].

Строки перекликаются с текстом Пролога, где Господь «извѣствует» Своим Преображением «воскресеніе, сего ради Моисеа от мертвыхъ представи, Илію же от живыхъ: являя яко той есть судія живымъ и мертвымъ, и яко вся воскресить» [28, л. 360].

Начало апостольской темы в песнопении созвучно толкованию прп. Ефрема Сирина: «И взирали друг на друга пророки на апостолов, апостолы на пророков. Увидели там друг друга началовожди Завета Ветхого началовождей Завета Нового <...>. Ветхозаветный девственник — Илия видел Новозаветного девственника — Иоанна» [27, с. 364].

Архим. Герман после пророка Илии называет и сопоставляет с ним именно этого апостола: «пречестнаго / несквернаго / прелюбезнаго. / Девства над ины детели превышша / Ангеловидна Иоанна бывша» (строфа 5) [19, с. 868].

Строфа 6, посвященная брату ап. Иоанна — ап. Иакову Зеведееву, сообщает, что Господь: «благость подаде / Небесна зрети Иакову везде, / Нарочитейшу сущу яко и zde» [19, с. 868].

Строки содержат аллюзию на видение ветхозаветным патриархом Иаковом лестницы на небо — образ, тоже присутствующий в Слове о Преображении прп. Анастасия Синаита: «Как страшно место сие» (Быт. 28:17), — воскликну и я, изумляясь с патриархом Иаковом, по случаю праздника на сей горе. Ибо вижу, как и он, лестницу, будто бы от земли до неба доходящую, и Самого Бога в храме, стоящего на самом верху лестницы на горе» [26].

Невероятно, но в гимне не упоминается ап. Петр, которому гомилии о Преображении уделяют особое внимание, обусловленное евангельским текстом и его интерпретациями. Логично предположить дефект изданного списка, — видимо, в авторской версии ап. Петру была посвящена отдельная строфа с завершенным текстом. В любом случае это — вопрос для дальнейших исследований произведения.

Строфа 11 — единственная, где о. Герман использует парафраз из Св. Писания:

Евангелие от Матфея	Герман, архим. «Да воспримут ныне горы радость»
«Глас из облака глаголющий: “Сей есть Сынъ Мой возлюбленный”» (Мф. 17:5).	«“Сей возлюбленный Сын мой!” глас Отца, В облаце Духа свидетельство Творца» [19, с. 868].

Строфа 12, переходная от темы теофании к теме искупления и литургическим мотивам праздника, прославляет Господа: «Троицы святыя

явление ясно / Торжествуяще пойте велегласно, / миротворца, / всем нам Отца, / премудра борца, / Ангелы купно земным примирившя, Адамский весь род от скверны измывша» [19, с. 868].

Определение Бога как Борца снова «возводит ум» к ветхозаветному патриарху Иакову, — его борьбе с Богом (Быт. 32:24-30) и дарованию ему и его потомству имени «Израиль» (Быт. 32:28), что этимологически означает «Богоборец», а семантически толкуется как «видящий Бога» [29, с. 629].

Умение одним словом выразить комплекс событий, понятий и интерпретаций — особенность поэтического дара о. Германа, воплощенная в синтезе тонкого духовного слуха и гибкого ассоциативного мышления с чрезвычайной начитанностью и разнообразием практических навыков. Последнее важно для характеристики адресатов гимна, — произведение предназначено для исполнителей и слушателей, свободно понимающих язык богословской полисемантической символики.

С 8-й строфы в песнопении звучит тема добровольной жертвы Спасителя, ключевая для праздника Преображения: «Да познают zde пророцы тако, / Равне сущи от апостол всяко, / яко волным, / самохотным / изволением / Явно изволил страсть и смерть понести / И во тме сущих в свет райский извести» [19, с. 868].

Эти строки близки Беседе на Преображение Господне прп. Ефрема Сирина: «От возвел их на гору и показал им царство Свое прежде Своих страданий <...>, дабы тогда, как Он будет взят и распят Иудеями, они знали, что Он распят не по немощи, но по благоизволению Своему добровольно во спасение миру» [27, с. 363].

Образ нетварного сияния создают в гимне однокоренные синонимы, которыми насыщено большинство строф. Фаворский свет — это «лучи Божества», «единовидна неба видения», «свет райский», «ясная заря», «озарение», «Богозарение». Это также метафорическое «веры просвещение», избавляющее от духовного ада «во тме сущих» и «люте омраченных». Определения света, как и контрастное сопоставление их с кромешной тьмой, созвучны тексту 34-й гомилии свт. Григория Паламы: «Будем веровать так, как научили нас те самые, которые просвещены от Самого Христа <...>. Мы же, разумея тайну Преображения Господня <...>, будем и сами стремиться к озарению оным светом <...>, очищая духовныя очи от земных помыслов <...>, ввергающих в огонь геенский и тьму кромешную, от которых да освободимся озарением и познанием невещественнаго и присносущнаго света преобразившагося на Фаворе Спаса нашего» [27, с. 434].

Композиционная кульминация гимна посвящена литургической теме — Таинству Святого Причащения, когда Спаситель «от ребер с Кровию драгою / И всех бо яко днесъ чашею святою <...> / Шума мирскаго бегших напоят, Шатание злоб вергших насыщает» (строфа 13) [19, с. 868].

Далее следует богослужбная и календарная конкретизация: «Агнец безгрешный, за мирский грех жремый, / Архиерея от рук подаемый / в день

празднества / и ликовства, днешня торжества / Его святого Преображения / Единовидна неба видения» (строфа 14) [20, с. 868].

Поэт создает визуальный образ архипастырского служения, во время которого клир и богомольцы, подобно апостолам на Тайной вечере, приемлют Святое Причастие «Архиерея от рук».

В строфах 15-16 духовный взор песнотворца переходит от церковного ликования «везде» к Преображению Господню «зде»: великий праздник тезоименит «храму великому», где особо должно его «прославляти, воспевати, торжествовати». В конце гимна поэт использует «адресный» план, показывая пастыря, пасомого Господом «в сей ограде, / в Новом граде, в Нижне преграде» (строфа 17) [19, с. 869].

Назвав имя пастыря (Филарет), автор характеризует его как «крайнего отца в Бозе» и призывает «ликующе петь ему “Многая лета!”»

Слово «крайний» имеет в данном случае иерархический смысл и означает «первый». В этом значении, как увидим далее, употреблял его Патриарх Никон. Здесь отражены, несомненно, исторические реалии. Согласно комментариям Е.Е. Васильевой, они могли быть связаны с Кирилло-Белозерским монастырем, где Святейший Никон провел последние 5 лет своей ссылки. Концепция исследователя опирается на факт существования в обители храма Преображения Господня. Эта небольшая церковь, возведенная в 1595 г., находится над проезжими Водяными воротами, которые входили в систему монастырской ограды Старого города, обращенной к Сиверскому озеру. Вопреки утверждению Е.Е. Васильевой, к Новому городу, огражденному крепостной стеной в 1653-1682 гг., церковь отношения не имеет. Участок древней ограды с Водяными воротами, примыкая к новой стене, исторически и территориально относится к Старому городу [30, с. 140, 156-160, 200-202].

В гимне праздник Преображения Господня соименит «храму великому», и Е.Е. Васильева права, комментируя эти слова как «указание на Преображенский собор». Однако ни определение поэта, ни толкование исследователя не соответствуют масштабу и месту надвратной церкви в ансамбле Кириллова монастыря. Еще менее соответствует положению ссыльного монаха Никона образ пастыря, Богом пасомого «во пастве» и содержащегося «разумно в изрядстве». Речь явно о другом храме и о другом пастыре. Е.Е. Васильева не называет имя «крайнего отца в Бозе», но, возможно, понимает его (из комментария это не следует) в значении греческого слова «филарет», т.е. «любящий добродетель» (в публикации, однако, — с прописной буквы). Если, по мнению исследователя, «гимн написан как послание» (кому? — Г.З.) и «в память о Святейшем Никоне» (уже усопшем? — Г.З.), то почему его завершает многолетие?

Думается, песнопение создано по конкретному случаю — престольному празднику кафедрального Спасо-Преображенского собора, и называет оно конкретного архипастыря — первого архиерея учрежденной в 1672 г. Нижегородской епархии митр. Филарета (†1694).

Нижегородская земля («страна») называлась тогда Низовской, отсюда двойное указание поэта на расположение Преображенского собора. Настольная грамота митр. Филарета определяет место его назначения так: «Низовская земля» с «Нижним Новым градом», где архипастырю надлежит «в начальнойшем храме боголепного Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа вся архиерейская служения управляти» [31]. Биография митр. Филарета позволяет видеть в нем заказчика гимна «Да восприимут ныне горы радость».

Владыка принял монашеский постриг в Желтоводской Макариевой обители, затем подвизался в Вологодском Спасо-Прилуцком монастыре, куда после архиерейской хиротонии жертвовал дорогие вклады [32, с. 40-41]. В 1658 г. о. Филарет в сане архимандрита — настоятель Нижегородского Печерского Вознесенского монастыря; в 1659 г. переведен на такую же должность в патриарший монастырь Рождества Богородицы во Владимире. 24 марта 1672 г. рукоположен в митрополита Нижегородского и Алатарского [15, стб. 611, 613]; в 1686 г. оставил кафедру по болезни и удалился на покой в Желтоводский монастырь, где принял схиму с именем Феодосий.

В связи с Новым Иерусалимом будущий архиерей упоминается в документах с 19 декабря 1715 (1666) г., когда из Оружейной палаты был послан указ Рождественскому архим. Филарету и дьяку приказа Большого дворца Денису Саблукову с повелением: «в Воскресенском монастыре людей иноземцев золотарей и серебряников и резцов и иных всяких дел мастеров, которые были и ныне есть <...> переписать и выслать их с женами и с детьми и со всем их животы, дав им подводы, и мастеровым людям имяную роспись прислать в Оружейную полату» [33, с. 79].

Этим указом началось разорение детища Патриарха Никона. Мастера Нового Иерусалима были отправлены на строительство царского дворца в Коломенском и другие работы. В их число входил и постриженник Святейшего Никона, замечательный резчик по дереву старец Ипполит, несший послушание келейника Первосвятителя вместе с о. Германом в нач. 1660-х гг.

В январе 1667 г. из Воскресенского монастыря были вывезены все «столярныя и кузнечныя снасти»; по указу царя нашли и запечатали «в казне» за печатью архим. Филарета, а затем отправили в Москву «две книги мастерские к резному делу в лицах» из келейной библиотеки «бывшаго патриарха» [34, с. 379].

Архим. Филарет участвовал в «деле Никона» на всех его этапах, начиная с Московского собора 1660 г. В конце октября 1666 г. в подмосковном с. Рогожем он встречал Восточных Патриархов и произносил им приветственное слово от имени царя; в ноябре присутствовал на Московском соборе «об исправлении книжном и о разных обрядах церковных» и получил повеление вручить Святейшему Никону грамоту о прибытии из Воскресенского монастыря в Москву [35, №27, с. 110; №48, с. 268-270; №49, с. 270-271; №61, с. 289-290].

Архимандрит встретился с Патриархом близ села с. Чернева¹ и огласил ему обвинение в том, что он «обезчестил» первых посланных за ним и в Москву не едет. Первосвященитель ответил: «азъ ихъ не безчестилъ, точію вы мя безчестите, яко не по правиломъ святыхъ Отець по Архіерея крайняго суца, Архимандриты пріезжаете».

Последовал диалог: «Архимандритъ же Филаретъ отвѣща ему: мы слушаем повеленія царскаго и Вселенскихъ Святѣйшихъ Патріарховъ, и всего освященнаго Собора, ты же что противишися?»

Святѣйшій же Патіархъ глагола ему: нѣсть кому на васъ жаловатися, токмо Богу» [36, с. 56].

12 декабря 1666 г., согласно Деянию 14-го Московского собора, архим. Филарет присутствовал на заседании, принявшем «Извещеніе или объявленіе совершенное низложенія Никонова и изверженія» [35, №.123, с. 441, 446-451]. Вскоре после этого Восточные Патриархи с соизволения царя и по совету Патриарха Иоасафа предоставили Рождественскому настоятелю «право носить на мантии скрижали и употреблять въ служеніи посохъ архіерейскій, на что дали и грамоту; съ этого времени архимандритъ Филаретъ сталъ называться *преподобнѣйшимъ*» [37, с. 8].

Будучи первым Нижегородским архиереем, митр. Филарет перестроил кафедральный собор Преображения Господня, первоначально возведенный в 1225 г., а затем возобновлявшийся в 1352 и 1652 гг. Третий храм, сооруженный за счет государевой казны по образцу Московского Успенского собора, имел в длину 17, в ширину 12½ сажень. У его южной стены была устроена усыпальница Нижегородских Великих Князей и Княгинь, у северной стены находилось захоронение Козмы Минина (†1617); здесь же, начиная с митр. Филарета, погребали нижегородских архиереев [38, с. 5-6, 22-65].

В соборе особо почитались Иверская икона Божией Матери, написанная изографом Симоном Ушаковым [39, с. 694], и образ свт. Филиппа, митрополита Московского. Обе святыни исторически связаны с деяниями Патриарха Никона.

Время создания Преображенского гимна можно датировать годом кончины о. Германа. 25 июня 1682 г. он участвовал в чине венчания на царство Иоанна и Петра, где вместе с настоятелем московского Златоустова монастыря нес на золотом блюде «венеч царя Петра Алексеевича». Чин совершал Патриарх Иоаким, в сонме архиереев был митр. Филарет [40, с. 415-416, 418-419, 427]. Возможно, именно тогда архим. Герман получил заказ и благословение написать песнопение в честь престольного праздника Преображенского собора в Нижнем Новгороде, на Низовой земле, — родине своего духовного отца и наставника.

К тому времени уже была получена от Восточных Патриархов разрешительная грамота Святейшему Никону, что способствовало его церковному почитанию. Пример являла царская семья, «целя вред, иже подъял

¹ Ныне г. Красногорск Московской обл.

отец», как сказано в первой эпитафии Первосвятителю. При архим. Германе записывались посмертные чудеса Патриарха [41, с. 103], возобновилось строительство «великой церкви». Зодческие замыслы Святейшего Никона осмыслились и завершались; дело, начатое царем Феодором, продолжила правительница София, им споспешествовали ученики Патриарха. Старец Ипполит участвовал в создании пространственных образов Нового Иерусалима в теремном Дворце [42, с. 499-514] и получил заказ на изготовление проекта иконостаса для соборного храма Спасо-Преображенского монастыря в Арзамасе [38, с. 454-457; 43, с. 256-257]. Подрядная запись на эту работу относится, по-видимому, ко времени настоятельства игум. Ионы II (1665-1676). В таком случае выбор резчика благословлял, а возможно, и определял митр. Филарет.

Без молитвенного участия митр. Филарета не могло осуществиться в конце 1680-х гг. «часовенное каменное строение» напротив Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря, повторявшее Елеонскую часовню Нового Иерусалима, первообразом которой с добавлением шатрового завершения была часовня Вознесения на горе Елеон к востоку от Иерусалима. Святыня нижегородской часовни — Крест в меру Креста Господня с живописным изображением Распятия — воспроизводила резной кипарисный Крест, воздвигнутый в начале 1660-х гг. на Голгофе в соборном храме Воскресенского монастыря [44, с. 247-249]. Печерская часовня строилась при Нижегородском митр. Павле (1686-1696), бывшем казначее Архиерейского дома, преемнике митр. Филарета; Ново-Иерусалимская возводилась при Воскресенском архим. Никаноре (1686-1698), авторе стихотворной эпитафии архим. Герману, где он назвал себя «овчато обще», имея в виду о. Германа и Патриарха Никона [4, с. 194]. Обе часовни, будучи образами Святой Земли, развивали символику и семантику иеротопических идей Первосвятителя.

Митр. Павел и архим. Никанор причастны, по-видимому, и к созданию стихотворной эпитафии митр. Филарету, образцом для которой послужила вторая эпитафия Патриарху Никону [45, с. 45-46, 56-57]. Все эти факты органично вписывают Преображенский гимн в контекст церковной истории последней четверти XVII в.

«Да восприимут ныне горы радость» — одно из лучших произведений архим. Германа. Гимн исполнен ликованием сердца, причастного благодати Божией, и являет тот сокровенный образ Царствия Небесного, который неустанно созидал в своих творениях Патриарх Никон и который богодухновенно воплотил в своих песнопениях его любимый ученик и последователь.

Список литературы

1. Зеленская Г.М. Герман // ПЭ. Т.11. М., 2006, с. 239-241.
2. Авдеев А.Г. Книжники и книжность Ново-Иерусалимского монастыря в последних десятилетиях XVII – начале XVIII века // НЧ. 2011, с. 70-84, 378-379.

3. Зеленская Г.М. Наследство и наследники архимандрита Германа // НЧ. 2011, с. 85-117, 379-384.
4. Авдеев А.Г. Старорусская эпиграфика и книжность. Ново-Иерусалимская школа эпиграфической поэзии. М., 2008.
5. Зеленская Г.М. Настоятели и братия Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря в XVII – начале XXI веков // Пространственно-временные перекрестки культуры. Сборник материалов Всероссийской конференции «Человек и мир человека». 30 октября 2008 года. Рубцовск–Барнаул, 2009, с. 347-392.
6. Безуглова И.Ф. Маргиналии в рукописных книгах Кирилло-Белозерского монастыря как источник по истории русской музыкальной культуры // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописных и редких книг. Л., 1988, с. 51-57.
7. Кручинина А.Н. Головщик иеродьякон Григорий Жернов: история его книг и деяний // Социальные конфликты в России XVII–XVIII веков. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Саранск, 20-22 мая 2004). Саранск, 2005, с. 284-294.
8. Опись Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря 1685 г. составлена дьяком Сысского приказа Борисом Ивановичем Остолоповым // РГАДА. Ф.1209. Оп.4. Д.5092.
9. Зеленская Г.М. К вопросу об авторе новооткрытого анонимного сочинения о Патриархе Никоне // Вестник ЕДС. Екатеринбург, 2020. №1(29), с. 57-82.
10. Шевчук Е.Ю. Кант // ПЭ. Т.30. М., 2012, с. 484-502.
11. Харлампович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914.
12. Монахиня Игнатия. Церковные песнотворцы. М., 2005.
13. Строев П.М. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввино-Сторожевского и Пафнутиева-Боровского. Сообщил архимандрит Леонид. СПб., 1891.
14. Леонид (Кавелин), архим. Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1876.
15. Строев П.М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви. СПб., 1877.
16. Сазонов Д., прот. История и историософия костромского Ипатьевского мужского монастыря. Кострома, 2012.
17. Авдеев А.Г. Строительная надпись конца XVII века из Тулы // НЧ. 2005, с. 199-203.
18. Зеленская Г.М. Иеромонах Феодосий — эконоом Воскресенского монастыря во второй половине 1660-х годов // НЧ. 2005, с. 204-207.
19. Васильева Е.Е. Псалмы архимандрита Германа // Патриарх Никон. Труды. М., 2004, с. 830-831, 858-873.
20. Титов А.А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.А. Вахрамееву. Вып.2. М., 1892.
21. Севастьянова С.К. Письма Патриарха Никона к боярину Н.А. Зюзину (исследование и публикация текстов) // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. М., 2020. Вып.96, с. 133-159.
22. Зеленская Г.М. Нумерология в жизни и творениях патриарха Никона // Каптеревские чтения — 18. Сб. статей. М., 2020, с. 284-347.
23. Апполос (Байбаков), архим. Начертание жития и деяний Никона, патриарха Московского и всея России. М., 1859.
24. Зеленская Г.М. Святыни Нового Иерусалима. М., 2002.
25. Возражение, или разорение, смиренного Никона, Божию милостию Патриарха, противу вопросов боярина Симеона Стрешнева, еже написа Газскому митрополиту Паисию Лигариду, и на ответы Паисиовы // Patriarch Nikon on Church and State. Nikon's «Refutation» / Ed. With introduction and notes by V. Tumins and G. Vernadsky. Berlin et al., 1982.

26. Анастасий Синаит, прп. Слово на святое Преображение Христа Бога нашего, произнесенное на Святой Горе в день праздника. Перевод М.В. Никифорова // Альфа и Омега. №3(53). М., 2008. — URL : <https://www.pravmir.ru/slovo-na-svyatoye-preobrazhenie-hrista-boga-nashego-proiznesyonnoe-na-svyatoy-gore-v-den-prazdnika/> (дата обращения 12.09.2021).
27. Церковная проповедь на двенадцатые праздники. Слова, беседы и поучения святых отцев и учителей Церкви и известнейших писателей церковных. Ч.1. Киев, 1904.
28. Пролог. Июнь-Август. М., Печатный двор, 1662.
29. Творения отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского. Т.4. Книга первая. Беседы на книгу Бытия. СПб., 1898.
30. Бочаров Г.Н., Выголов В.П. Вологда. Кириллов. Ферапонтов. Белозерск. М., 1966.
31. Настольная грамота митрополита Нижегородского и Алатырского Филарета I // ГКУ ЦАНО. Ф. 2013. Оп. 1, ед.хр. 12а.
32. Савваитов П.И. Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. Вологда, 1902.
33. Соболев Н.Н. Русская народная резьба по дереву. М.–Л., 1934.
34. Николаева М.В. Материалы к словарю резчиков, токарей и столяров Оружейной палаты и Приказа Большого двorca // Белорусы Москвы. XVII век. Минск, 2013, с. 364-396.
35. Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897.
36. Известие о рождении и воспитании и о жизни Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея России, написанное клириком его Иоанном Шушериным. М., 1871.
37. Тихонравов К. Владимирский Рождествен монастырь XII века. Владимир, 1869.
38. Макарий (Миролюбов). Памятники церковных древностей. Нижегородская губерния. СПб., 1857.
39. Словарь русских иконописцев XI–XVII веков. М., 2003, с. 694.
40. Полное Собрание Законов Российской Империи. [Собрание 1-е: С 1649 по 12 декабря 1625 г.]. СПб., 1830. Т.2: 1676-1688.
41. Дела Святейшего Патриарха Никона, паче же рещи — чудеса врачебная // ЧОИДР. 1887. Кн.1. Смесь, с. 83-114.
42. Соколова И.М. Новый Иерусалим в Кремле. Незавершенный замысел царя Феодора Алексеевича / Макарьевские чтения. Вып. VIII. М., 2001, с. 499-514.
43. Бусева-Давыдова И.Л. Белорусская резь в украшении церковей Московского Кремля // Белорусы Москвы. XVII век. Минск, 2013, с. 252-257.
44. Тихон (Затёкин), иг. Крестовоздвиженская часовня-крест Нижегородского Вознесенского Печерского монастыря // НЧ 2005, с. 247-251.
45. Авдеев А.Г. Идеальная стихотворная эпитафия для идеального архипастыря: из века XVII в век XVIII // Вестник ПСТГУ. Серия II: История. История Русской Православной Церкви. 2017. Вып. 74, с. 41-62.

II. АРХИМАНДРИТ ЛЕОНИД (КАВЕЛИН) НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ: СВЯТАЯ ЗЕМЛЯ, СВЯТОЙ АФОН, СВЯТАЯ РУСЬ

Для цитирования: Бедина Н.Н. Эсхатологический хронотоп Святой Земли в древнерусских хождениях (на примере «Хожения» Игумена Даниила)//

URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2022/s/articles/2_1.pdf

DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2022.00.005

УДК 821.161+236

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЙ ХРОНОТОП СВЯТОЙ ЗЕМЛИ В ДРЕВНЕРУССКИХ ХОЖДЕНИЯХ (НА ПРИМЕРЕ «ХОЖЕНИЯ» ИГУМЕНА ДАНИИЛА)

Н.Н. Бедина¹

¹ ФГАОУВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»,
г. Архангельск, Российская Федерация
E-mail: bedina-nat@yandex.ru

Религиозная картина мира «под знаком вечности», устремленность человеческой жизни за пределы земного существования определяют ценностно-смысловую ориентацию средневековой европейской культуры. Эсхатологическая перспектива составляет ее содержание во всем многообразии культурных форм. Но христианская эсхатология — это не чувство приближения конца, а уже совершившееся преображение мира. Мир спасен, обновлен через крестную смерть и воскресение Христа и ожидает окончательной Его победы, исполнения Царства Божия. Радостью осуществленной эсхатологии пронизаны в том числе тексты средневековых хождений и проскинитариев — описаний паломничеств в Иерусалим и по другим святым местам. Как известно, во Франции, например, сложился обычай «называть “радостными горами” те возвышенности, с которых взору путешественника открывалась цель его паломничества» [1, с. 304; 2]. Эсхатологическая ориентация паломнических текстов определена богословием Спасения, она является непосредственным следствием веры и исповедания Воскресения.

Древнерусские хождения включены в восточнохристианскую традицию паломничеств, в которой сосуществуют две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, со времен Константина Великого и императрицы Елены наблюдается устойчивый интерес к сакральной топографии, и путь в Святую землю становится основным паломническим маршрутом [3, с. 66]; с другой стороны, начиная с той же эпохи, развивается отрицательное отношение к увлечению паломнической практикой как противоречащей аскетической и духовной жизни [1, с. 272; 4]. Осуждение этого увлечения характерно прежде всего для монастырской культуры, что определено ее преемственностью к

литургическому мироощущению, свойственному христианам апостольского века в церковной истории. Раннее христианство не маркирует «сакральное» время и пространство, так как «все освящено во Христе» [5]. Протопр. Александр Шмеман уточняет: «В эсхатологическом сознании ранней Церкви центральны категории не "священного" и "профанного", а "старого" и "нового" — падшего и спасенного, возрожденного. <...> Старое — все прошло, теперь — все новое» [6, с. 206-207]. Религиозная же традиция почитания «святых мест», связанных с евангельскими событиями и личностями, является, по мысли о. Александра, следствием «прорыва» мистериальной религиозности [6, с. 133-134] — потребности в локализованном, материально обозначенном священном пространстве, где «воспроизводятся» в памяти священные события, вновь и вновь разыгрывается «драма спасения».

Средневековая русская культура наследует литургическое восприятие пространства и времени в результате усвоения монастырской традиции как части византийской культурной системы [7, с. 461-462]. Самое раннее восточнославянское описание паломничества в Святую Землю — «Житье и хождение Даниила, Русьския земли гумена» (нач. XII в.) — стало образцом для всех последующих древнерусских хождений [8, с. 12]. Тексты более позднего времени, ориентированные или цитирующие «Хождение» Даниила, вошли в круг исследовательских интересов архим. Леонида (Кавелина), занимавшегося также текстологическим изучением, изданием и комментированием русской паломнической литературы XIV–XVIII вв. [4; 9; 10].

«Хождение» Даниила соединяет обе обозначенные выше тенденции. Во вступлении к тексту игум. Даниил говорит о себе: ради любви к Святым местам «захотел видеть святой город Иерусалим и Землю Обетованную. <...> Незлобивый показал мне Бог, чтобы я видел то, чего желал много дней в мысли моей» [8, с. 15]¹. И в то же время он ставит перед собой цель не прагматическую (составить путеводитель для других паломников), а апологетическую и дидактическую: «Может кто-то, услышав о местах этих святых, потянется душой и мыслью к святым этим местам, — и равную мзду примет от Бога с теми, кто доходил до святых этих мест. Многие ведь, дома будучи, в своих местах, добрые люди, мыслью своею и милостыней к убогим, добрыми своими делами, достигают мест этих святых, и большую мзду воспримут они от Бога, Спаса нашего Иисуса Христа» [8, с. 17].

Здесь же во вступлении игум. Даниил вспоминает евангельскую притчу о талантах (Мф. 25:14-30), имеющую откровенно выраженный эсхатологический смысл [11]: «...дабы не было забыто то, что дал Бог видеть мне, недостойному. Убоялся я осуждения онога раба ленивого, скрывшего талант господина своего

¹ Здесь и далее цит. по изд.: «Хождение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. / Отв. ред. Г.М. Прохоров. СПб.: «Изд-во Олега Абышко», 2007. Текст приводится гражданским шрифтом с разделением на смысловые фрагменты в соответствии с современным прочтением. Перевод на современный русский язык Г.М. Прохорова.

и не получившего на нем прибыли, да и написал это ради верных людей» [8, с. 17]. В своем сочинении Даниил видит оправдание перед Богом на будущем Суде, дающее надежду на спасение («Господин его сказал ему: хорошо, добрый и верный раб! <...> войди в радость господина твоего» (Мф. 25:21)). Свидетельствовать и провозглашать Евангельскую истину — основная цель повествования русского паломника «ради верных людей». Интерес игум. Даниила к священному пространству Святой Земли, его любовь к святым местам основаны на мистериальном устремлении в прошлое, а переживаемая радость надежды — на устремлении в будущее. Эсхатологическая перспектива текста обусловлена литургическим мировидением автора.

В толковании на 25-ю главу Евангелия от Матфея блж. Феофилакт Болгарский пишет: «Радость Господа — это то непрестающее веселие, которое имеет Бог, «веселящийся, — как говорит Давид, — о делах Своих» (Пс. 103:31)» [12]. О делах Господних свидетельствуют Даниилу и его читателям святые места так же, как свидетельствует о них Богослужение. Поэтому вид Иерусалима, где «Христос Бог наш претерпел страсти нас ради, грешных» [8, с. 27], рождает в душе паломника слезы умиления и радость: «Идут все пешими с радостью великою к городу Иерусалиму» [8, с. 27; см. также: 13].

Как пишет протопр. Иоанн Мейендорф, «богословие искупления и спасения лучше всего было выражено в византийских богослужебных песнопениях Страстной седмицы и Пасхи <...> Вечерня Великой пятницы, которая начинается в то самое время, когда Христос умер на кресте, торжественно вводит нас в Великую субботу. Выраженная с огромным напряжением и трагизмом видимая победа зла и смерти воплощена в прокимене¹ вечерни:

Господи Боже спасения моего,
во дни воззвах и в нощи пред Тобою.

За прокименом следуют чтение «Первого послания к Коринфянам» <...> и обширная выборка повествований о «Страстях Господних» по Матфею, Луке и Иоанну. Однако же, как только эти чтения оканчиваются, тон песнопений неожиданно становится триумфальным:

Егда во гробе нове за всех положился еси,
Избавителю всех,
ад всесмехливый видев Тя ужасеся,
верей сокрушишася, сломишася врата,
гробы отверзошася, мертви восташа.
Тогда Адам благодарственно радуяся вопияше Тебе:
слава снисхождению Твоему, Человеколюбче» [14, с. 32, 135].

¹ Прокимен — неоднократно повторяемое возгласение одного стиха псалма. (прим.ред.)

Антиномическое сочетание скорби и радости, покаяния и надежды, которое воплощено в службе Великой субботы, пронизывает и «Хождение» игум. Даниила. Неслучайно оно завершается подробным описанием именно Богослужения Великой субботы в храме Воскресения и свидетельством о схождении Света небесного ко Гробу Господню, а также пасхальной молитвой за Землю Русскую и всех русских людей.

М. Гардзанити в своем исследовании «Хождения» игум. Даниила особо подчеркивает связь византийско-славянской паломнической литературы с литургической практикой палестинских (шире — восточных) монастырей [1, с. 296]. Литургическое мировосприятие, унаследованное Древней Русью от монашеской традиции, проявляется в тексте игум. Даниила не только в систематическом цитировании библейских и литургических текстов и в восприятии святых мест сквозь призму больших церковных праздников. Оно проявляется также в общей структуре текста и в его внутренней логике.

Текст «Хождения» разделен на главы, различные по объему и содержанию, каждая из которых имеет отдельный заголовок. И.В. Федорова, сопоставляя деление на главы в различных редакциях, приходит к выводу, что, вероятно, «на раннем этапе жизни текста эти заголовки могли быть написаны на полях рукописи, и поэтому редакторы, внося их в текст, по-разному разделили повествование на главы» [15, с. 360]. Это достаточно условное деление по предметно-тематическому принципу не дает оснований для выявления структурно-композиционного решения произведения. Поэтому возможны варианты, предлагающие внутреннее деление текста на смысловые отрезки. Так, М. Гардзанити, исходя из последовательности маршрутов, по которым идет игум. Даниил, и событий Священной истории, которые при этом вспоминаются, выделяет семь повествовательных циклов, совокупность которых составляет, по мнению ученого, глубинную (богословскую) структуру текста — проповедь евангельской тайны [1, с. 280-281]. Нам представляется возможным объединить первые пять обозначенных М. Гардзанити циклов в один смысловой отрезок, в результате чего выделить три структурные части (не включая вступление):

- 1) путь в Святую Землю, описание Иерусалима и окрестных земель (Ветхозаветная история, Новозаветная история, раннехристианская история);
- 2) путь по святым местам около Тивериадского моря: Тивериада, Фавор, Назарет (чудеса, творимые Христом, таинства Преображения и Благовещения);
- 3) описание службы Великой субботы: «о свете небесном».

По объему вторая и третья части сильно уступают первой. Одним из оснований именно такого деления является то, что каждый из трех названных смысловых отрезков в тексте «Хождения» заканчивается своеобразным эпилогом: обращением к читателю, утверждением истинности виденного в пути и прославлением Бога, показавшего паломникам «землю святую и желанную» [8, с. 101] (эти концептуальные элементы соотносят между собой вступление к

тексту и его «эпилогу»). Причем, это деление не вполне совпадает с последовательностью маршрутов путешествий, которые совершает игум. Даниил: первый «эпилог» находится не там, где кратко говорится о возвращении паломников в Царьград, а позже — в середине как будто бы дополнительного (уточняющего) описания путешествия по Галилее. За этим «эпилогом» следует глава «О море Тивериадском».

Вторым и, возможно, наиболее значимым основанием выявления трехчастной структуры текста оказывается внутренняя эсхатологическая (а не хронологическая или топографическая) логика повествования — от смерти к воскресению. Конечно, тема Воскресения Христова является центральной во всем тексте «Хождения», однако до главы «О море Тивериадском» Святая Земля маркируется игум. Даниилом не только свидетельствами о событиях Священной истории, но и наличием на этой земле многочисленных святых гробов. Весь путь от Константинополя до Иерусалима обозначен могилами святых апостолов, святителей и мучеников. Пространство Иерусалима и окрестные земли освящены местами смерти и погребения ветхозаветных праотцев и пророков и христианских святых. Центром этого грандиозного некрополя является Гроб Господень в храме Воскресения. Во время путешествия по Галилее игум. Даниил вспоминает о смерти Саула и его сыновей, смерти Васанского царя от руки Иисуса Навина, о гробах святого Иосифа и Малелеила, потомка Сифа, и об усечении главы Иоанна Предтечи и его гробнице.

Путь паломника по местам памяти соединяет в сознании автора и читателя прошлое (далекое и сравнительно недавнее), настоящее («здесь лежат») и будущее. В литургической традиции не только жизнь, но и смерть человека осмысливается через образ «блаженного пути»: «Блажен путь, в онъже идеши днесь, душе, яко уготовася тебе место упокоения» (Чин отпевания). Как пишет протопр. Александр Шмеман, в христианской эсхатологии «смерть — не окончательное исполнение, не цель. Она все еще "путь" — путь к воскресению, к окончательной победе Бога, к новому небу и новой земле, к исполнению Царствия Божия, когда Бог будет «все во всем»» [16; см. также: 17]. Нужно отметить, что, чем ближе паломнический путь игум. Даниила к своему завершению, тем реже звучит в его повествовании тема смерти.

После «эпилога», завершающего первую часть, мы почти не встречаем далее в тексте упоминаний о святых могилах, кроме гробниц Елисея-пророка и Иисуса Навина в Тивериаде и гроба св. Иосифа Обручника, которого похоронил Сам Христос. Зато с той же насыщенностью перечисления игум. Даниил называет места евангельских чудес и явлений уже воскресшего Христа ученикам. Центральное место во второй части занимает описание горы Фавор, «чудесной, дивной, несказанной и прекрасной», где «преобразился Христос Бог наш» [8, с. 109-111] и где было положено прообразное начало литургии хлебом и вином [8, с. 113]. Заканчивается этот смысловой отрезок описанием мест, связанных с Благовещением. Начиная с возгласа архангела Гавриила «Радуйся,

обрадованная, Господь с тобою!», тема радости больше не уходит со страниц «Хождения». Чудеса и таинства второй части в согласии с богословской и литургической традицией выступают в сочинении игумена Даниила предвестием Искупления и Преображения мира, Великая суббота в последней части текста — их провозглашением.

Ключевыми для понимания христианской эсхатологии, пронизывающей все литургическое творчество, являются слова ап. Павла: «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» (1 Кор. 15:55). Радость осуществленной, а не ожидаемой, эсхатологии, когда будущее уже есть настоящее, находит выражение в богослужении Страстной недели и Святой Пасхи. В «Слове огласительном на Святую Пасху» свт. Иоанна Златоуста, которое восточнохристианской церковной традицией признано наиболее полным выражением содержания Праздника, высказан ее вселенский, надмирный и одновременно личный характер: «Итак, все войдите в радость Господа нашего; и первые и вторые получите награду; <...>

«Где ты, смерте, жало?
Где ты, аде, победа?»
Воскрес Христос, — и ты низложился;
Воскрес Христос, — и пали бесы;
Воскрес Христос, — и радуются ангелы;
Воскрес Христос, — и водворяется жизнь;
Воскрес Христос, — и мертвого ни одного нет во гробе» [15].

Всечеловеческий и одновременно очень личный характер носит и описание Богослужения у игумена Даниила. Он многократно подчеркивает бесчисленное множество людей, участвующих в службе, от молитвенного вопля которых «гудит и гремит все место то» [8, с. 127]. Но при этом «всякий ведь человек заглядывает в себя тогда, и вспоминает грехи свои, и говорит в себе всякий человек: “Неужели из-за моих грехов не сойдет свет святой?”» [8, с. 127]. Напряжение покаянного ожидания разрешается «радостью великой»: «Такая ведь радость не может быть у человека, какая радость бывает тогда у всякого христианина, увидевшего свет Божий святой» [8, с. 129].

Как справедливо пишет М. Гардзанити, «несмотря на то, что рассказ "О свете небесном, како сходит ко Гробу Господню" в рукописной традиции нередко встречается как самостоятельный памятник, он представляет собой не только необъемлемую, но даже ключевую часть «Хождения»» [1, с. 296]. Конечно, центральный образ горы Фавор и Преображение Господне во второй части «Хождения» внутренне связан с образом Благодатного огня в третьей, и эта связь проводится игум. Даниилом на основании не только личного опыта и впечатлений паломника, но и согласно византийской богословской идеи света, воспринятой и в русской традиции [19; 20]. Именно личный духовный опыт, высказанный в «Хождении», возможно, оказывается наиболее значимым в осмыслении глубинных уровней структуры и общего настроения текста.

В завершение вновь процитируем о. Иоанна Мейендорфа: «Во Христе побеждена смерть, а вместе с ней исчезли и основания для страха <...> Великая суббота есть провозглашение «осуществленной эсхатологии». Человеческой свободе, вере, опыту сделались доступными конец и цель творения, где «смерти не будет уже» (Откр. 21:4). Начался Переход, началось Избавление, началась Пасха!» [14, с. 140].

Список литературы:

1. Гардзанити М. У истоков паломнической литературы Древней Руси // «Хожение» игумена Даниила в Святую землю в начале XII века / Отв. ред. Г.М. Прохоров. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007, с. 270-338.
2. Гардзанити М. Иерусалим в «Хожении игумена Даниила» // Oh, Jerusalem / Mosrovich W., Schwarzband S., Dell'Agata G., Garzonio S. (ed.). Pisa; Jerusalem, 1999. P. 9-18.
3. Арутюнян Ю.И. Homo viator: образ паломника в контексте средневековой европейской традиции // Вестник СПбГУКИ. 2010. №1(5), с. 65-71.
4. Леонид (Кавелин), архим. Иерусалим, Палестина и Афон по рус. паломникам XIV–XVII вв.: Сводные тексты оных, с объяснительными примеч., основанными на местных исследованиях // ПЭ «Азбука веры» — URL : https://azbyka.ru/otechnik/Leonid_Kavelin/ierusalim-palestina-i-svjatoj-afon-po-russkim-palomnikom-xiv-xvii-vekov/ (дата обращения: 24.07.2021).
5. Isar N. Chorography (Chôra, Chorós) — a performative paradigm of creation of sacred space in Byzantium // Иеротопия. Создание сакральных пространств в Византии и Древней Руси / ред.-сост. А.М. Лидов. М.: Индрик, 2006, с. 59-90.
6. Александр Шмеман, протопр. Введение в литургическое богословие. Париж: YMCA-PRESS, 1961. 248 с.
7. Живов В.М. Религиозная реформа и индивидуальное начало в русской литературе XVII века // Из истории русской культуры. Т.III (XVII – начало XVIII века). М.: Языки русской культуры, 2000, с. 461-462.
8. «Хожение» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в. / Изд. подг. О.А. Белоброва, М. Гардзанити, Г.М. Прохоров, Т.В. Федорова; отв. ред. Г.М. Прохоров. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007. 416 с.
9. Леонид (Кавелин), архим. Замечание об известном пешеходе-паломнике Василии Григорьевиче Плаке-Альбове, его возвращении на родину и месте погребения // ЧОИДР. Кн.4. 1874. С. 227-228.
10. Паломники-писатели Петровского и послепетровского времени или путники во святой град Иерусалим / С объяснит. к тексту примеч. [и предисл.] архим. Леонида (Кавелина). М.: ОИДР, 1874. 129 с.
11. Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета: в 7 т. / под ред. А.П. Лопухина. Изд. 4-е. М.: Дар, 2009. — URL : <https://bible.by/lopuhin-bible/40/25/> (дата обращения: 24.07.2021).
12. Благовестник или Толкование Блаженного Феофилакта архиепископа Болгарского на Святое Евангелие: Толкование на Евангелие от Матфея // Православная энциклопедия «Азбука веры» — URL : https://azbyka.ru/otechnik/Feofilakt_Bolgarskij/tolkovanie-na-evangelie-ot-matfeja/25 (дата обращения: 24.07.2021).
13. Афанасий (Евтич), еп. Святая Земля: история и эсхатология // Православие.Ru — URL : <https://pravoslavie.ru/1583.html> (дата обращения: 24.07.2021).
14. Мейендорф И., протопр. Пасхальная тайна: Статьи по богословию: [пер. с англ., фр.] / сост.: И.В. Мамаладзе; предисл. прот. В. Воробьева, Й. ван Россума. М.: Эксмо: ПСТГУ, 2013. 832 с.

15. Федорова Т.В. Из литературной истории «Хожения» игумена Даниила // «Хожение» игумена Даниила в Святую землю в начале XII века / Отв. ред. Г.М. Прохоров. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007, с. 339-398.
16. Александр Шмеман, протопр. Литургия смерти и современная культура // ПЭ «Азбука веры» — URL : https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Shmeman/liturgija-smerti-i-sovremennaja-kultura/ (дата обращения: 24.07.2021).
17. Константин Польсков, свящ., Ианнуарий (Ивлиев), архим. Апокалиптика // ПЭ. Т.3. М.: ЦНЦ РПЦ «ПЭ», 2001, с. 30 и пр.
18. Слово огласительное на Святую Пасху иже во святых отца нашего святителя Иоанна Златоуста (на современном русском языке) // ПЭ «Азбука веры» — URL : <https://azbyka.ru/slovo-oglasitelnoe-na-svyatuyu-pashu> (дата обращения: 24.07.2021).
19. Иеротопия Огня и Света в культуре византийского мира / Ред.-сост. А.М. Лидов. М.: Феория, 2013. 558 с.
20. Солдатенкова О.В. Свет в византийской культуре: становление образа // Культурное наследие России. 2017. №1(17), с. 25-29.

Для цитирования: Исаченко Т.А. Афонский раздел Лаврской библиотеки архим. Леонида (Кавелина) //

URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2022/s/articles/2_2.pdf

DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2022.00.006

УДК 094:271.2

ORCID: 0000-0002-1710-2340

АФОНСКИЙ РАЗДЕЛ ЛАВРСКОЙ БИБЛИОТЕКИ АРХИМ. ЛЕОНИДА (КАВЕЛИНА)

Т.А. Исаченко¹

¹ ФГБУ «Российская государственная библиотека» Москва, Российская Федерация
E-mail: isachenko33@yandex.ru

Выдающийся русский археограф, историк, богослов, библиограф и переводчик, почётный член Императорского Православного Палестинского Общества архим. Леонид (Кавелин) подписывал свои многочисленные работы по-разному: «А.Л.»; «Арх. Л–д»; «Архимандрит Л–ъ»; «Б.–доп.»; «И. Л.»; «Иером. Л.»; «Инок–паломник»; «К.»; «К–в–л–н»; «К.в.л.н, Л.»; «К–ъ»; «Л.»; «К–ъ»; «Л.»; «Л. К.»; «Л–д»; «Л.»; «Л–д»; «И.»; «Л.–Ка»; «Л–ъ»; «А.»; «Л–ъ А–ъ»; «Л–ъ, И.»; «Л–ъ К–ль, А.»; «Ораниенб. Старожил»; «Отсталый»; «Ставрос»; «Ставрос, И.»; «Хаджирум Москов.»; «–ъ.»; «русский святогорец монах Азария». Все эти псевдонимы ученого отмечены в известном словаре И.Ф. Масанова [1, с. 278], однако последний из вышеназванных можно назвать псевдонимом «по обстоятельствам». Дело в том, что в 1867 г. архим. Леонид опубликовал материал, посвященный своему пребыванию на Афоне 27, 28 и 29 июля 1866 г. [2]. В название публикации ученый вынес имя реально существовавшего исторического лица, связав его со своим именем. Монах афонского Свято-Пантелеимонова монастыря Азария (Попцов) хорошо известен сегодня за пределами Афона. Он является автором книг, титулования которых встречаем в каталоге личной библиотеки архим. Леонида (афонский раздел) под №134, 152 [3]. Он также считается создателем библиотеки этой обители. Так в справочники XX в. вошел один из «псевдонимов» архим. Леонида (Кавелина) — «русский святогорец».

Согласно традиции, русскими святогорцами в России в XIX в. именовались насельники Свято-Пантелеимоновского монастыря, лица, населявшие Русик [4]. Однако, подобно Стефану, Максиму, Паисию, Никодиму, Серафиму и другим святогорцам, архим. Леонид стяжал это имя не по факту своего местожительства, но по объему вклада, внесенного им в изучение афонской книжности. Архим. Леонид провел на Востоке (в Иерусалиме и Константинополе) около восьми лет. Отсюда он совершал свои неоднократные поездки на Афон и в славянские земли Балканского полуострова. В результате из-под пера ученого вышли исследования, которые сразу получили широкую

известность и не утратили своей научной значимости по сей день [5, №34, 67, 72, 90, 91, 93, 101, 108, 110, 120, 148, 165, 219, 226, 228, 251, 256, 263].

В период трехкратного посещения Афона (1859, 1866 и 1868 гг.) архим. Леонид с особенным вниманием отнесся к изучению истории Хиландаря, монастыря св. Павла, Зографа и Русика [6]. Излагая историю славянских обитателей, ученый опирался, как правило, на оригинальные акты, обнаруженные им лично. Эти уникальные источники он публиковал в своих исследованиях, подкрепляя снимками, сделанными собственноручно. Г.А. Воскресенский в статье, посвященной памяти ученого, отмечал: «В издании самих документов заключается главное значение этих трудов архим. Леонида. Преимущественное внимание здесь обращено на славянские грамоты: сербские, русские и валашских господарей. В частности, в "Описании Хиландарской Лавры" [7, с. 1-138] напечатаны хрисовулы: греческого императора Андроника Старшего 1292 г., Сербского короля Стефана Уроша II Милутина, царей Стефана Душана и Уроша V, господарей, деспотов и деспотиц, и русские грамоты, касающиеся отношений Хиландаря к русскому царству. В "Приложениях" [7, с. 113-138] помещены: очерк Хиландарского книгохранилища, Хрисовул Стефана Немани, Типик св. Саввы и грамота сербского патриарха Никодима 1450 г. В "Историческом обозрении афонских славянских обитателей Зографа, Русика и Хиландара" [8] впервые знакомимся вполне с двумя древнейшими любопытными актами Русика: 1143 и 1169 г., которые приводятся автором в дословном русском переводе и в оригинале были изданы самим монастырем только в 1873 г.; здесь же находим первое известие о замечательном Зографском документе, на греческом языке со славянской подписью, так называемом "Ряде" 980 г. на продажу монастырька св. Апостолов Святогорским Протом одному иноку. Обширный труд архим. Леонида: "Славяно-сербские книгохранилища на св. Афонской горе" [8, с. 1-80] посвящен Высокопреосвященному Михаилу, митрополиту сербскому. Обозрению книгохранилищ Хиландаря и св. Павловского монастыря предпослан исторический очерк этих обитателей. В систематическом порядке описаны рукописи — пергаменные и бумажные и старопечатные книги. Кроме этих двух афонских книгохранилищ, здесь же описано книгохранилище болгарского Зографского монастыря, а из служебной пергаменной Минеи сего монастыря (рукоп. XIII–XIV в.) сполна приведен месяцеслов вместе со службами, положенными свв. Кириллу, Мефодию, Петру, царю болгарскому (сыну Симеонову) и преп. Иоанну Рыльскому. В конце описано сербское Евангелие, т<ак> н<азываемое> Волканово, нач. XIII в., и приведено послесловие сего Евангелия» [7, с. 20].

В 1877 г. архим. Леонид был назначен наместником Троице-Сергиевой Лавры. Увлекаясь археографией и находясь рядом с рукописными сокровищами библиотеки, он имел постоянное, соответствовавшее кругу его интересов, общение с учеными, поскольку лаврские рукописи привлекали к себе внимание лучших исследователей русской старины.

Дружеские отношения с исследователями славянской письменности (А.Ф. Гильфердингом, И.И. Срезневским, П.И. Савваитовым, Г.Ф. Карповым, Н.П. Барсуковым, графом А.С. Уваровым, графом С.Д. Шереметевым и особенно с О.М. Бодянским) [9] способствовали увлечению архим. Леонида славянской филологией, погруженностью в судьбы славянской азбуки. След этого знакомства и совместной работы обнаруживается в опубликованных трудах, пометах на рукописях, архивных документах. Так, в архиве архим. Леонида (РГБ, Ф. 148. Карт. 9. Ед. 55) хранятся письма к нему Измаила Ивановича Срезневского, члена Императорского Русского Географического общества, известного слависта и этнографа. Письма датированы 1869-1876 гг. Одно из них (от 12 июня 1869 г. на л. 5-6 об.) написано в период пребывания архим. Леонида в Иерусалиме в должности Начальника Русской Духовной Миссии. Начало письма следующее: «Душеуважаемый отец Архимандрит! Совершенно неожиданно, тѣмъ болѣе приятно была для меня присылка Вами Иверской <так!> грамоты 980 года. Не бумага выразить словами, как Вы меня этим одолжили». Крайне неразборчивый почерк ученого не позволяет передать текст письма полностью. Но из содержания понятно, что далее сообщается об изготовлении фотографического снимка, предназначавшегося, вероятно, для публикации. В конце присутствует расписка Срезневского в получении, а также — уведомление о своевременном возвращении редкого источника: «Подлинный акт Иверскаго монастыря (так в тексте — *Т.И.*)¹ 980 года, писанный на греческомъ языкѣ (пергамен) получилъ съ условиемъ возвратитъ назадъ по почтѣ 10 июня сего года по сообщенному мнѣ адресу. Тайный Совѣтникъ И. Срезневский. 19 апрѣля 1869 года»².

И.И. Срезневский выражает благодарность ученому за присланный ему подлинник, но, судя по тому, как далее разворачивались события, грамота в конце концов оказалась в руках О.М. Бодянского, который и опубликовал ее. В работе Бодянского 1873 г., посвященной указанному акту 980 г., документ переатрибутирован и описан как акт Зографскаго монастыря [10]. В частности, О.М. Бодянский пишет: «Лѣтъ семь тому назад Настоятель церкви нашего Посольства въ Цареградѣ, посѣтивъ обители Афона, не оставилъ безъ обозрѣнія и ихъ книгохранилищъ, который, какъ извѣстно, содержали нѣкогда, и содержатъ даже нынѣ, въ себѣ сокровища неоцѣненныя, на Греческомъ и Славянскомъ языкахъ. При каждомъ почти тщательномъ поискѣ въ нихъ челоуѣка любознательнаго и свѣдущаго, открываются негаданныя приобрѣтеныя для науки, завѣщанныя намъ сѣдою древностью и проливающия свѣтъ на какую-либо отрасль нашего вѣдѣнія, бывшую до того совершенно темною для всѣхъ вообще. Такъ случилось и съ упомянутымъ изслѣдователемъ

¹ В дальнейшем изучением акта занимался О.М. Бодянский, благодаря которому документ был переатрибутирован.

² Текст впервые вводится в научный оборот и публикуется с сохранением орфографии источника.

старины, который, осматривая достопримечательности славного Зографского монастыря на Святой Горѣ, основание коего относится къ первымъ почти десятилѣтиямъ (919) принятия Христианства Болгарскими Славянами, считающими потому его своей и Царей своихъ обителью, обратилъ свой изыскующий взглядъ и на письменные памятники, сохранившиеся, несмотря на все погромы и бѣдствия, от чужихъ и присныхъ постигавшая ее, вмѣстѣ съ прочими иноческими убѣжищами Афона, все еще въ довольномъ количествѣ, какъ въ подлинникахъ, такъ равно и въ спискахъ, считающихъ дня бытия своего по сем и больше вѣковъ. Между ними встрѣтился ему и актъ, относящийся къ одному вѣку съ основаніемъ самаго Зографскаго монастыря. Это "Договор" (Ὁμολογία) или "Рядъ" на продажу монастырька (μονήτριον)».

Речь идет о небольшом «монастырьке» святыхъ Святогорскихъ Апостолов, передаваемомъ Протомъ Афона за определенную плату одному иноку. Написана грамота на греческомъ языкѣ в 6488, т.е. в 980 году, но «кроме такой древности, важной уже самой по себе для целого Афона и, в частности, для Зографской обители, прямо подтверждающей существование ее в этомъ столетии, а также упоминаемых в семъ актѣ другихъ обителей, онъ обращает на себя полное внимание наше еще *одной подписью своею*, именно подписью под греческимъ текстомъ и такими же пописями свидетелей, присутствовавшихъ при заключении его, подписью на *славянскомъ языкѣ* одного из свидетелей»¹.

Бодянский исследовал и опубликовал текст этого необычного документа, но архим. Леонид, по праву первооткрывателя, сообщил о нем в своемъ сочинении «Историческое обозрѣние афонскихъ славянскихъ обителей» [8]. Три славянские обители были описаны архим. Леонидомъ во время посещения ихъ ученымъ в августе-сентябре 1866 г. — в период его настоятельства русской посольской церкви в Константинополе.

Материалы афонскаго раздела личной библиотеки ученого достаточно полно отражены в «Описи библиотеки архимандрита Леонида», хранящейся в ОР РГБ (Ф. 304/II. №361). Опись, составленная, вероятно, по традиции после сорокового дня, в январе 1892 г.², представляет собой фолиант, обтянутый темно-зеленымъ коленкоромъ, с уголками, составленный из двенадцати разделов, охватывающихъ 262 записи (XII+466 с.). На верхней крышке картоннаго переплета присутствует этикетка: «Опись библиотеки архимандрита Леонида, *бывшаго* наместника Свято-Троицкой Сергиевой Лавры», что указывает на время ее составления. Номера материалов афонскаго раздела, с №123 по №172 в общей нумерации представлены 52 записями (с. 264-274 каталога). Раздел «Святой Афон» включен в шестую главу, которая имеет название «Восток, его святыни и древности». Обратимъ внимание, что многие сочинения

¹ Цит. по изд.: [10, с. 2]; разрядка О.М. Бодянскаго. — *Т.И.*

² Сороковины ученого пришлось на день 29 декабря по старому стилю, следовательно, вероятнее всего, разбор его библиотеки происходил уже после Рождества Христова.

архим. Леонида, указанные в описи, внесены по ранее опубликованным работам.

Каждый пункт описи афонских трудов архим. Леонида представлен его полным библиографическим описанием. Записи содержат указания на место и год издания, а также количество экземпляров (2 или 3) и размер оттиска (в «четверку», в «лист»). Как правило, описываемые материалы лишены переплетов, они, по всей видимости, являются авторскими корректурами. Исключение составляет прекрасно оформленное издание под №162 в сафьяне с золотым обрезом — «Историческое описание Сербской Царской Лавры Хиландаря и ее отношения к царствам Сербскому и Русскому», сочинение, изданное архим. Леонидом в 1868 г.

Говоря о трудах и находках, относящихся к афонской проблематике, нельзя не сказать о рукописях. Они не отражены в указанной «Описи». Между тем, в ОР РГБ существует два фонда: 1) собрание архим. Леонида (Ф. 557), в котором числятся рукописи, имеющие пометы владельца, а также присоединенные к фонду по тому или иному принципу; и 2) архив ученого (Ф. 148), в котором собраны документы, переписка, корректурные материалы и проч. В отделе учета хранится выписка из протокола №9 заседания методбюро ОР ГБЛ от 16.09.1966 (п. 6), в которой сказано: «Образовать из рукописей, зарегистрированных в 5 описи и имеющих шифры "Леон.", фонд № 557 — фонд рукописей Леонида (так!) и включить в него рукописи №43-62, 83-85 и из МДА IV (проч.) №130; (п. 36): "Леон." обозначаются 23 рукописи, принадлежащие архим. Леониду (Л.А. Кавелину). На большинстве рукописей присутствуют желтые наклейки с шифрами, подобные наклейкам на 2-х рукописях в картоне с необработанными материалами в архиве Леонида. Шифр "Леон." написан на рукописях при составлении регистрационной описи, номера продолжают предыдущий ряд... на этих рукописях нет штампов МДА. Предполагается выделить их и образовать собрание Леонида — фонд №557».

Как можно видеть, многие рукописи, присоединенные к Ф. 557 в 1966 г., ранее относились к библиотекам Троице-Сергиевой Лавры и Московской Духовной академии, включавшим тексты из личных библиотек настоятелей Свято-Троице-Сергиевой Лавры. Одной из таких книг является конволют¹ под №246 в собр. ТСЛ (Ф. 304/II), на последних листах которого читается: «Краткое описание священныя и царския монастыры поклонения Святыя Гори Афонския» с пометой на последней странице «а §17 и 18 у Отца наместника»². Действительно, текст «Краткого описания» неполон. В нем отсутствует один из указанных параграфов — §17, хотя §18, вопреки записи, на месте (читается на л. 313 об.).

¹ Конволют — сборник, составленный его владельцем из различных самостоятельных изданий (книг, журналов, брошюр, оттисков статей) или рукописей и переплетённый в отдельный том.

² Ф. 304/II. №246. Л. 316

«Краткое описание священных и царских монастырей» по косвенным признакам датируется 40-ми гг. XIX в. Кому из двух архимандритов-наместников Лавры — архим. Антонию (Медведеву; 1831-1877) или архим. Леониду (Кавелину; 1877-1891) — принадлежал конволют, сказать трудно. Однако очевидно, что через книги архим. Антония, долгие годы исполнявшего обязанности наместника и имевшего связи с учениками учеников прп. Паисия Величковского, просматриваются ветви древа, восходящего к афонскому монашеству. Для представления об «адаптации» наследия исихатов в славянском мире исключительно важны личность тонкого экзегета Священного Писания Каллиста Ангеликуда и его книга «Рай»¹, имевшаяся среди книг прп. Антония. И хотя собрание книг почтенного настоятеля — предшественника архим. Леонида на посту наместника Лавры — в ОР РГБ невелико, можно с уверенностью сказать, что вряд ли эти библиотеки были маленькими — число книг прп. Антония (Медведева) превосходило 500, о чем можно судить по владельческим отметкам с указанием его имени. То же, по-видимому, относится и к библиотеке архим. Леонида. Книжные собрания выдающихся отцов – настоятелей Свято-Троице-Сергиевой Лавры сер. XIX в. неоспоримо свидетельствуют, что связь с афонской традицией в стенах Сергиева монастыря не прерывалась.

Возвращаясь к «Описи библиотеки архимандрита Леонида» 1892 г., отметим, что в ней отсутствуют известные труды архим. Леонида, посвященные истории русского паломничества на Афон, к которым относятся: «Паломники-писатели Петровского и послепетровского времени, или Путники во святой град Иерусалим, с объяснительными примечаниями» [11], «Замечание об известном пешеходе-паломнике Василии Григорьевиче Плаке-Альбове, его возвращении на родину и месте погребения» [12], «Пельгримация, или Путешественник честного иеромонаха Ипполита Вишенского» [13], а также известные публикации двух афонских статей чудовского иеродиакона Дамаскина — оригинальной («Сказания о Святой Горе Афонской и о Соловецком монастыре»²) и переводной («Проскинитария» Иоанна Комнина Моливда)³.

Открытие архим. Леонидом ярославского списка с оригинальным и переводным сочинениями Дамаскина, а также их последующая публикация

¹ Оригинал трактата также имеет афонское происхождение рукопись Хиландарского монастыря (Cod. Nilandariou slav. 197. Л. 152 и сл.).

² Первым опубликовал текст «Сказания о Святой Горе Афонской и о Соловецком монастыре» проф. КДА Н.И. Петров по рукописи академии: КДА. №J.1.39.39. Наиболее известна вторая публикация архим. Леонида (Кавелина), обнаружившего в собрании Ярославского архиерейского дома сборник, в котором указанный текст присутствует в окружении других «афонских» статей [14; 15].

³ «Проскинитарий» в переводе иеродиакона Дамаскина помещен в рукописи ЯИХМ под №15357 после нескольких праздничных проповедей, читающихся на л. 1-57 об.; л. 58 и 58 об. оставлены чистыми, а далее под заголовком «Описание Святыя горы Афон» на л. 59-137 об. помещен текст перевода.

принесли широкую известность церковному историку XIX в., но еще более — ученым пилигримам XVII в., расширив таким образом панораму сравнительных описаний Святой горы, созданных внутри византийской традиции и за ее пределами.

Продолжая разыскания по обозначенной проблематике, укажем на недавно обнаруженный нами греческий протограф «Проскинитария» Иоанна Комнина Моливда — рукопись 1698 г. с посвящением митр. Феодосию и похвалой Валашскому господарю Константину Брынковяну¹ (правил с 1688 по 1714 гг.), хранящийся в Яссах. Рукопись 1698 г. ранее не была известна исследователям. Упоминания о ней крайне фрагментарны. Место ее хранения — библиотека имени М. Эминеску Ясского университета им. Александра Кузы (Румыния)², где мы имели возможность ознакомиться с этим уникальным источником, благодаря приглашению румынских коллег для участия в международной научной конференции «Традиционная греческая культура в европейском контексте — связи с румынским, русским и славянским пространствами. Культурная ось Афон–Афины–София–Бухарест–Яссы–Киев–Москва» [16].

История появления «Проскинитария» отчасти проясняет малоисследованный отрезок биографии Иоанна Комнина Моливда после окончания им Падуанского университета, а изучение славянского перевода, выполненного иерод. Дамаскином, важно и интересно русско-валашскими событиями и связями. Становится очевидным, что внимание к Афону, как сакральному центру греко-славянского мира, со стороны русских и греческих книжников был обоюдным — за стенами Москвы и Афонских монастырей шла неустанная работа по созданию и сохранению ценностей в самых разных областях — в живописи, архитектуре, книгопечатном деле, литературе. В это соиздание были вовлечены грекофилы — как русские, так и этнические греки, посещавшие Москву в те годы и работавшие в ней [17-19].

Выявленная рукопись в подносном экземпляре Главе Митрополии легла, по всей видимости, в основу издания 1701 г., с которого иерод. Дамаскин осуществлял свой перевод «Описания Святой горы Афон» (1701-1703): Προσκυνητάριον τοῦ ἁγίου ὄρους τοῦ Ἄθωνος. Συγγραφεὺν μὲν καὶ τυπωθέν, ἐπὶ τῆς γαληνοτάτης ἡγεμονίας τοῦ εὐσεβεστάτου ἐκλαμπροτάτου καὶ ὑψηλοτάτου

¹ Замечательная личность Константина Брынковяну недостаточно полно обрисована в русской историографии. С его именем связаны активные шаги в направлении сближения Валахии с Россией. Малоизвестным остается факт о награждении Константина орденом св. Андрея Первозванного, утвержденным, как показал Гамель, в 1699 г. (данные архива И.Х. Гамеля (СПБ ИИ РАН. Ф. 175. Оп. 3)). Брынковяну известен в России как третий по счету (тайный) кавалер этого ордена. Император России, удостоившийся этой высокой награды лишь в 1703 г. за взятие шведских судов в устье Невы, стал шестым кавалером после Ф.А. Головина, Мазепы, Константина Брынковяну, Б.П. Шереметева и посла Пруссии Людвиг фон Принцена.

² Центральная университетская библиотека им. Михая Эминеску (г. Яссы, Румыния), Отдел ценных коллекций, рукопись №1-13. Л.1.

Αὐθέντου καὶ ἡγεμόνος πάσης Οὐγγροβλαχίας κυρίου κυρίου Ἰωάννου Κωνσταντίνου Βασσαράβα Βοεβόνδα. Ἀφιερωθὲν δέ, τῷ πανιερωτάτῳ Μητροπολίτῃ Οὐγγροβλαχίας κυρίῳ κυρίῳ Θεοδοσίῳ. Σπουδῇ καὶ δαπάνῃ τοῦ ἐξοχωτάτου ἱατροῦ κυρίου Ἰωάννου τοῦ Κομνηνοῦ. Ἵνα δίδωται χάρισμα τοῖς εὐσεβέσι διὰ ψυχικὴν αὐτοῦ σωτηρίαν. Τύποις Ἀνθίμου Ἱερομονάχου τοῦ ἐξ Ἰβηρίας. Ἐν τῇ μονῇ τοῦ Συναγώβου, ,αψα´ (1701)¹.

В заключении обзора отметим тексты из Ф. 557, связанные с историей Святогорского Иверского монастыря, в которых исторические записи освещают период мало описанный и подтвержденный документально (1759-1774 гг.) Среди прочего, мы видим здесь греческий оригинал² и русский перевод «Сказания о святой обители Иверской и честной иконе Богоматери Вратарницы»³ (в записях Иверского архим. Дамаскина относящиеся к 40-м гг. XIX в.) с присоединением Канона Пресвятой Богородице в праздник пришествия иконы Богоматери Вратарницы⁴.

В записях, сопровождающих русский перевод, рассказывается о пожаре 1740 г., уничтожившим большую часть Ивера (40 келий и 2 храма), и описываются большие восстановительные работы, проводившиеся в монастыре в последующие годы (в частности, строительство в 1758 г. новой приморской стены).

На л. 23 об. – 24 русского списка «Сказания о святой обители Иверской» приводится перевод грузинской записи, прежде читавшейся под иконой Богородицы Портаитской, а ныне утраченной. В записи сказано, что «грузинские слова, находящиеся под иконою <...> коих значение было нам неизвестно, при сей же иконе в следующем переводе переписаны для нашего ведения». Вот этот перевод, повествующий о некоем Квракваре (ктиторе⁵ иконы?) и ее «благоукрасителе» Амвросии, очевидно, создателе ее ризы: «О, Владычица, Мати Человеколюбца Бога, Всечистая, неискусобрачная Марие! Помилуй душу Господина моего Квраквары, сына Хаихурова. А я, Твой раб, бедный и несчастный Амвросий, благодарю, что ты удостоила меня недостойного позлатить и украсить святую икону Твою Вратарницу. Се приношу Тебе малый дар, приими оный от меня грешного. И во время жизни моей сохраняй меня от грехов, и во время исхода души моей от тела заступи

¹ Проскинитарий святой горы Афона. Написан и напечатан при тишайшем правлении благочестивейшего, пресветлейшего и высочайшего Господина и Игемона всей Унговлахии, Господина, Господина Иоанна Константина Вассарава Воеводы. Посвящен же преосвященнейшему Митрополиту Унговлахии, Господину, Господину Феодосию. Усердием и за счет выдающегося Доктора Господина Иоанна Комнина. С тем, чтобы давался в дар благочестивым для душевного спасения. Печатами <в типографии> Антима Иеромонаха из Иверского <монастыря>. В монастыре Снагов. 1701.

² Книжное поздне-греческое письмо, список с оригинала 1812 г.

³ Ф. 557. №72а(=558–10.3), XIX в., 26 л.+28 л.

⁴ Ф. 557. №72(=558–10.1), 1840-е гг.

⁵ Ктитор — церковный староста.

меня, заглади рукописание грехов моих, сопричисляя и меня грешного // к имеющим стоять одесную Твоего Сына и Бога, яко Ему подобает всякия Слава со Безначальным Его Отцем и Всесвятым и Благим и Животворящим Его Духом. Ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Внизу указано имя переводчика грузинской подписи: «Переводчик Лаврентий, Иверский иеромонах. Переписчик уроженец Фесалийский, смиренный Дамаскин, Иверский архимандрит».

Весьма интересны редакторские материалы из архивной части собрания архим. Леонида. Здесь, например, присутствует рукопись полностью подготовленного к изданию текста паломника иером. Никодима, совершившего свое «хождение» на Афон в 1867 г. (Ф. 148. Карт. 11. Ед. 4. «Путеводитель по Святой Горе Афонской»). Два других списка с воспоминаниями Никодима описаны М.С. Крутовой: 1) Ф. 148. Карт. 11. Ед. 6 и 2) Ф. 304/II. К. 11. Ед. 227 [19]. Рукопись «воспоминаний» Никодима хранится в Ф. 218. № 925. 2, трет. четв. XIX в. (с рисунками).

Профессор Г.А. Воскресенский, завершая очерк памяти архим. Леонида (Кавелина), обращается к его работам, посвященным судьбам славянской азбуки в землях славян. Ученый особо подчеркивает значение кириллицы как *знамения* церковного единения с Византией — позицию, которую разделял и в своих трудах излагал архим. Леонид (Кавелин): «Из сравнения глаголического извода Евангелия с кирилловским получились у о. Леонида следующие конечные заключения: глаголица осталась памятником старого хорватского наречия, а кириллица памятником древнего церковно славянского языка. Кириллица есть знамение церковного единения с Византией, а глаголица есть знамение разъединения съ Византией... Древнейший памятник кириллицы, Остромирово Евангелие остается тем же, чем был его прототип кирилло-мефодиевского перевода — знаменем православных славян, порученным промыслом Божиим хранению русского народа... Верность этому знамени служит символом святого чаяния, что грядет час, когда и все остальные славяне, убедясь, что наступило и для них время духовного единства...» [7, с. 26].

Этими оптимистическими словами мы и завершим наш небольшой очерк, посвященный обзору текстов афонской тематики в фондах ОР РГБ, связанных с именем архим. Леонида (Кавелина) — выдающегося ученого, оставившего яркий след в церковной истории, афоноведении и славянской филологии.

Список литературы

1. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4т. Т.4. М., 1960. 558 с.
2. Русский святогорец, монах Азария. Три дня на св. Афонской горе, 27, 28 и 29 июля 1866 года. [СПб., 1867].
3. Азария (Попцов). Вышний покров над Афоном, или Сказания о святых, чудотворных, во Афоне прославившихся, иконах Божией Матери и других святых. 2-е изд., испр. и доп. с 34 литогр. изображениями чудотворных икон. М., 1864. 134 с.
4. Шкаровский М.В. Тысяча лет Русского Афона: (духовный подвиг русского монашества). СПб.: Изд-во СПбПДА, 2016. 342 с.

5. Анатолий Просвирнин, свящ. Библиография трудов архимандрита Леонида (Кавелина) // Богословские труды. 1972. Вып.9, с. 226-240.
6. Леонид (Кавелин), архим. Историческое описание Сербской царской Лавры Хиландаря и ее отношений к царствам Сербскому и Русскому. М., 1868. 138 с.
7. Воскресенский Г. А. Памяти о. Архимандрита Леонида, наместника Св. Троице-Сергиевой Лавры († 22-го октября 1891 года). М., 1892. 33 с.
8. Леонид (Кавелин), архим. Историческое обозрение афонских славянских обителей: болгарской — Зографа, русской — Русика, сербской — Хиландаря. Одесса, 1867 (отд. отт. из Херсонских Епархиальных Ведомостей), с. 1-93.
9. Письма А.Н. Попова, И.И. Срезневского и А.Ф. Гильфердинга к архимандриту Леониду (Кавелину). [Сообщены архимандритом Леонидом] // Записки Импер. Русского Археологического общества. Новая серия. 1886. Т.1, с. 181-208.
10. Бодянский О.М. Акт Зографского монастыря на Афоне 980-981 года. М.: ОИДР, 1873. 10 с.
11. [Леонид (Кавелин), архим.]. Паломники-писатели Петровского и послепетровского времени, или путники во святой град Иерусалим, с объяснительными примечаниями // ЧОИДР. Кн.3. 1873, с. 1-129.
12. [Леонид (Кавелин), архим.]. Замечание об известном пешеходе-паломнике Василии Григорьевиче Плаке-Альбове, его возвращении на родину и месте погребения // ЧОИДР. Кн.4. 1873, с. 227-228.
13. [Леонид (Кавелин), архим.]. «Пельгримация или путешественник честного иеромонаха Ипполита Вишенского, постриженца святых страстотерпец Бориса и Глеба, катедры Чернеговской, во св. град Иерусалим, 1707-1709 гг. Издано и объяснено // ЧОИДР. Кн.4. 1876, с. 16-142.
14. Исаченко Т.А. Святой Горы Афон чудовским иеродиаконом Дамаскином и его забытое «сказание» о святынях Афона и Руси // Афон и славянский мир. Сборник докладов III Международной конференции (Киев, 21-23 мая 2015 г.). Издание Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Святая Гора Афон, 2016, с. 317-334.
15. Исаченко Т.А. Афон — Валахия — Русь в пересечении путей и связей XVII века // Византия — Балканы — Русь: перекрестки культурных путей. Матер. междунар. конф. «XI Загребинские чтения» (4-5 октября 2016 г.). СПб., 2017, с. 46-54.
16. Исаченко Т. А. Рукопись «Проскинитария» 1698 г. из Митрополии молдавлахийских господарей // Книжная Культура Московской Руси XV–XVII вв. Сборники Президентской библиотеки. Серия «Электронный архив». СПб.: Президентская библиотека. 2021. Вып.7. (В печати)
17. Лебедева И.Н. Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы // Палестинский сборник. Л., 1968. Вып.18(81), с. 132-139.
18. Александропулос О. «Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы» и его перевод (К вопросу о греческих переводах начала 90-х гг. XVII в.) // МОСХОВІА: Проблемы византийской и новогреческой филологии: К 60-летию Б.Л. Фонкича. М., 2001, с. 39-69.
19. Крутова М. С. Воспоминания русских монахов, совершивших паломничество на Афон и Святую Землю в XIX в. (на материале ОР РГБ); доклад на конференции «Литературный процесс в России XVIII–XIX веков. Светская и духовная словесность». — URL : <http://imli.ru/info/show/Informatcionnye-blokidlya-sobytij/Tezisy-dokladov-II-mezhdunarodnoj-nauchnoj-konferentcii/> — 14 октября 2016 г. ИМЛИ РАН (Москва) (дата обращения: 01.12.2020).

Для цитирования: Крейдун Ю.А. Афон и православная миссия на Алтае в XIX – нач. XX в.
//

URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2022/s/articles/2_3.pdf

DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2022.00.007

УДК 94(57)

АФОН И ПРАВОСЛАВНАЯ МИССИЯ НА АЛТАЕ В XIX – НАЧ. XX В.

Ю.А. Крейдун¹

¹ ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» г. Барнаул, Российская Федерация

E-mail: krey70@mail.ru

Христианство является наднациональной и надэтнической религией. Общение верующих разных территорий позволяло налаживать духовные связи, которые проявлялись в различных формах: миссионерско-проповеднической деятельности, взаимопомощи во времена гонений или голода.

Религиозные связи часто приводили к тесному взаимодействию на межгосударственном уровне и созданию политических союзов. Но наиболее значимой составляющей межрегиональных духовных связей по массовости было паломничество. Основные центры, связанные с евангельскими событиями, уже с первых веков привлекали христиан из разных мест. В начале IV в. с прекращением гонений на христиан начинается обустройство христианских святынь Иерусалима. Император Константин Великий провозгласил Палестину Святой Землей. Первые монашеские обители на полуострове Афон появляются примерно в это же время. Но из-за нашествия варваров и арабов только в IX в. Афон стал реальным центром восточного монашества. В 883 г. император Василий I издает указ об исключительном праве монашествующих селиться в этих местах.

Духовная связь Афона и Русских земель берет свое начало в XI в. Одним из первых русских подвижников на Афоне был прп. Антоний Печерский. Есть свидетельства, что там к его приходу уже существовала русская обитель и были русские подвижники. Монастырь Пресвятой Богородицы Ксилургу стал первой «обителью руссов» на Святой Горе. Наличие русского монастыря на Афоне впервые документально подтверждено в 1016 г. Вероятнее всего, именно в обители Ксилургу великий старец-игумен Герасим постриг прп. Антония Печерского и благословил его вернуться на Русь, чтобы нести свет монашества. С течением времени прибывавшие сюда русские насельники постепенно заполнили стены монастыря, и в «1169 г. по просьбе братии обители “святогорцы” уступили русским запустелый Нагорный монастырь с храмом во имя святого Пантелеимона» [1]. Обитель Ксилургу перешла в статус скита.

В Пантелеимоновском монастыре в конце XV в. подвизался прп. Нил Сорский (1433-1508), заложивший основы скитского жительства на русской земле по афонскому исихастскому образцу.

В XIV в. знакомство русских с Афоном значительно расширяется благодаря странникам и паломникам. Духовный обмен стал еще более интенсивным на рубеже XV–XVI вв. — в связи с оформлением официальных отношений между Афоном, Московским великим княжеством и Русской митрополией.

С Афона в Россию некоторые резные и живописные произведения афонских мастеров стали передаваться в дар русским монархам, знатным людям, церквям и монастырям. Один из первых таких случаев относится к 1550 г., когда «игумен Хиландарской обители Паисий и с ним два старца, прибывшие в Россию за сбором пожертвований, принесли с собой две иконы, обложенные серебром» [2], — свв. Симеона и Саввы Сербских.

С Афона приезжали монастырские посольства для сбора пожертвований. Они привозили с собой различные святыни, иконы, частицы мощей. В свою очередь на Афон отправлялись как финансовая помощь, так и различные произведения церковного искусства. Кроме того, на Афон стали ездить не только монахи и паломники, но и русские иконописцы. Последние, впрочем, также были в монашеском постриге или духовном сане.

В середине XVII в. настоятель московского Новоспасского монастыря, будущий Патриарх Никон, заказал у афонитов копию Иверской иконы Богоматери, именуемой «Вратарница». Работу выполнял иером. Ямвлих (Романов). При написании иконы были использованы святая вода и частицы мощей, что придавало особую значимость копии Чудотворной иконы. Новописанный образ стал одной из наиболее значимых святынь г. Москвы. По случаю торжественного принесения Образа с Афона в Москву 13 октября 1648 г. было установлено празднование.

В 1652 г. Патриарху Никону афонскими иверскими монахами был привезен второй образ — икона Богородицы «Одигитрия». Этот список был заказан Святейшим Никоном для основанного им Валдайского Иверского монастыря. Еще один список Иверской иконы прибыл в Россию в 1666 г. Три года он простоял в Никольском греческом монастыре, затем был перенесен в Иверскую часовню у Воскресенских ворот в Москве на Красной площади, где находился до 1934 г. После восстановления Иверской часовни (1995) для нее был привезен вновь заказанный на Святой Горе список чудотворной иконы Божией Матери.

Патриарх Никон во время своего пребывания на престоле (1652-1658) просил иверских монахов списать также образ с чудотворной иконы Божией Матери «Троеручица», находящейся в Хиландарском монастыре. В 1661 г. дар был доставлен в Москву, а затем — в Воскресенский монастырь Нового Иерусалима. Впоследствии списки «Троеручицы» распространились по всей Руси.

Данные события определили очередной рубеж в истории духовных связей России и Афона. С этого времени афонские святыни становятся еще более востребованными. Помимо копий в Россию стали активно привозиться также иные афонские святыни и древности. Этим стали заниматься не только

паломники, но и ученые-путешественники, например, А.Н. Муравьев и П.И. Севастьянов.

Особое значение в распространении афонского духовного опыта в пределах Российской империи имеют труды и подвиги прп. Паисия (Величковского; 1722-1794). Его переводы творений древних аскетов вызвали большой интерес в различных слоях русского общества. В результате в XIX в. на Афоне появилась целая плеяда подвижников из России. Во второй половине столетия значительный вклад в развитие русского монашества на Афоне внес в числе других игумен Свято-Пантелеимонова монастыря Макарий (в миру Михаил Иванович Сушкин). Он был очень общительным и деятельным человеком. Благодаря его связям с Родиной афонское иночество стало широко известно в нашей стране. Монастырь пользовался покровительством Российского Императорского дома, быстро разрастался и отстраивался, поэтому к концу XIX в. Свято-Пантелеимонов монастырь стал самым большим монастырем на Святой Горе. К началу XX в. в стенах обители подвизалось более 1800 монахов; его подворья находились в Константинополе, Салониках, Одессе и Москве. Афон как территория особенного монашеского подвига в сознании русского народа стал местом исключительной святости и чистоты.

«В 1845 году состоялось посещение Святой горы великим князем Константином Николаевичем — событие, благоприятно повлиявшее на положение русской братии в Пантелеимоновом монастыре. В связи с приездом члена Императорского дома было возбуждено ходатайство перед Константинопольским Патриархом о преобразовании Серайской келии в русский скит во имя апостола Андрея. Здесь собралось около 20 русских монахов. В память о посещении великим князем Афона один из параклисов в Покровском корпусе Свято-Пантелеимонова монастыря был освящен во имя свв. равноап. Константина и Елены. В июне 1867 г. на Святой Горе побывал находившийся в учебном плавании по Средиземноморью великий князь Алексей Александрович, 16 июня заложивший первый камень в основание Андреевского собора» [3, с. 103-106]. Впоследствии скит обрел известность и благосостояние. В его ведении находились обширные сельскохозяйственные угодья; подворья скита были учреждены в Константинополе, Салониках, Одессе, Ростове-на-Дону и Санкт-Петербурге.

На восточном побережье Афона до недавнего времени находился еще один русский скит — св. прор. Илии. Располагался он недалеко от монастыря Пантократора. В 1757 г. скит был передан монастырем русскому подвижнику Паисию (будущему прп. Паисию Величковскому) с 12 учениками. Число братии быстро достигло 100 иноков. Однако после отъезда прп. Паисия в Молдавию в 1763 г. скит стал приходить в упадок. Возрождение его началось в 1835 г. благодаря усилиям иером. Аникиты¹.

¹ в миру — князь Сергей Александрович Ширинский-Шихматов (1783-1837)

К середине XIX в. при старце Паисии II скит достиг своего расцвета. При этом трудолюбивом настоятеле были воздвигнуты новые обширные корпуса и храмы. Число иноков снова стало умножаться. В начале XX в. в скиту уже проживало около 500 монахов. Так как большинство братии были выходцами из Малороссии, Ильинский скит иногда называли «малороссийским». Подворья Ильинского скита располагались в Одессе, Таганроге, Константинополе.

В 1830-е гг., когда Греция при поддержке Российского государства освободилась от османской оккупации, на Афоне был возрожден Русский Свято-Пантелеимонов монастырь, появились многочисленные русские скиты. Тысячи русских монахов связали свою жизнь с Афоном, в том числе — десятки талантливых художников, организовывавших при своих новых обителях иконописные мастерские [4].

Святые образы, написанные в обителях Афона, стали связующим звеном между афонитами и русскими верующими.

В 1879 г. для Алтайской духовной миссии со Святой Горы была привезена икона вмч. Пантелеимона. Икону торжественно встретили в Томске и перенесли в Бийск — новую резиденцию начальника Миссии. Икона вмч. Пантелеимона особо почиталась среди миссионеров, русских крестьян и новокрещеных Алтая. В настоящее время обнаружено более десяти икон вмч. Пантелеимона, написанных на Афоне. Разумеется, число заказанных на Афоне икон может составлять десятки.

Однако о Святой Горе Афон на Алтае знали ранее. Начальник Алтайской духовной миссии прот. Стефан Ландышев (ученик основателя Алтайской духовной миссии архим. Макария (Глухарева) за двадцать лет до этого писал о духовном величии Афона. Миссионер сравнивал с ним Алтай, очевидно, желая, чтобы Алтайские горы не только в природном смысле походили на Афон, но и прославились духовно.

Архим. Макарий (Глухарев) имел множество благодетелей по всей стране. С ними он вел активную переписку. Из нее, в частности, известно о святынях, которые передавались в Алтайскую духовную миссию через архимандрита. Одна из благодетельниц, представительница известного рода Глебовых-Стрешневых, в 1840 г. пожертвовала частицы мощей двух святых. Архим. Макарий после получения дара в ответ сообщал, что ковчег с мощами он разместил у иконостаса, «чтобы священник, приступающий к богослужению, приложившись к иконам Спасителя и Божией Матери, прикладывался также к честным мощам преподобных отцев» [5, с. 390]. Из документов более позднего времени удалось установить, что это были частицы мощей св. ап. Андрея Первозванного и сщмч. Игнатия Богоносца. Третий по счету начальник миссии архим. Владимир (Петров) в 1870 г. описал престольные торжества в Николаевском женском миссионерском монастыре, который располагался недалеко от центрального миссионерского стана в Улале (ныне город Горно-Алтайск). «8 мая 1870 г. накануне дня святителя Николая был совершен крестный ход с иконами и частицами мощей указанных выше святых» [6,

с. 325]. Весьма вероятно, что эти святыни были приобретены на Афоне. По крайней мере, в XIX в. частицы мощей св. ап. Андрея Первозванного неоднократно передавались в храмы России [7, с. 53].

Тем не менее, начало более активного духовного взаимодействия Алтая и Афона связано с упомянутой ранее иконой вмч. и целителя Пантелеимона (с частицей мощей), привезенной на Алтай в 1879 г. стараниями известного афонского старца иером. Арсения (Минина). Согласно дневниковым записям и отчетам миссионеров, с этим событием связывается немало чудес. Некоторые из них описал протоиерей Михаил Путинцев. Со времени встречи иконы великомученик стал почитаем на Алтае как покровитель миссионерства. Начальник Алтайской духовной миссии архим. Владимир (Петров) при встрече иконы назвал вмч. Пантелеимона новым и главным начальником Миссии, чем вызвал минутное замешательство правящего томского архиерея — епископа Петра (Екатериновского). Однако слова архим. Владимира оказались провидческими.

Уже в первые месяцы пребывания на Алтае с иконой стали связывать случаи исцеления от болезней и, что особенно интересно, обращения к Православию язычников [7, с. 54]. С образом, почитавшемся чудотворным, ежегодно совершались многодневные крестные ходы, вызывавшие неизменный интерес новокрещеных и даже некрещеных алтайцев.

Жители селений просили миссионеров принести Святыню к ним. К прибытию афонской иконы храмы украшались зеленью, цветами, ветвями берез и хвойных растений, как на Троицу. Пред образом непрестанно служились молебны. По мере шествия иконы верующие стремились «поднырнуть» под нее, чтобы Святыня прошла над их головами. На колокольнях совершался непрерывный трезвон. Со временем, когда на Алтае появились другие храмовые иконы афонского письма, крестные ходы стали более многочисленными [8, с. 110-118].

Религиозное воодушевление от соприкосновения со Святыней оставляло глубокий след в сознании верующих, укрепляло их веру, побуждало обращаться к Богу, особенно в сложных ситуациях. Первый священник-алтаец Михаил Чевалков в опасном плавании, вспоминая об афонской иконе в улалинском храме, ревностно молился о своем спасении вмч. Пантелеимону [9, с. 12].

Особую благодать образу придавала вложенная в него частица мощей вмч. Пантелеимона. Известно, что образы Пантелеимона с частицей мощей, помимо Улалы, были переданы в Буконский (1890) и Бачатский (1891) станы. Афонские иконы ежегодно в летнее время переносились по миссионерским станам и другим попутным селениям. Как русские, так и новокрещеные алтайцы с большим благоговением встречали эти святыни. Иконы заносились в дома, где совершались молебны. По словам миссионеров, «появление святыни в миссионерских станах возбуждает в народе сильное религиозное движение, воскрешает его ум и сердце к небу и производит благодатное действие в его внутреннем духовном мире» [10, с. 7-8]. Подобные шествия вызывали интерес

и у некрещеных. Они обращались к миссионеру или к крещеным с просьбой поставить свечу у иконы, помолиться о болящих, рассказать о целителе Пантелеимоне и разъяснить слова песнопений этому святому [11, с. 25-26]. Нередко результатом таких собеседований было желание язычников принять крещение.

Непростые отношения сложились у миссионеров со старообрядцами. Отмечены случаи поклонения иконе вмч. Пантелеимона, в частности, наставника «стариковцев» Кипринского прихода Павла Рыжкова. Он прикладывался к иконе, хотя вместе с православными пред нею не молился. Другие старообрядцы приходили к иконе в храм, заказывали молебны и посылали пожертвования на Афон. Подобное происходило в Залесово, Думчево, Журавлихе и др. местах [12, с. 12, 15; 13, с. 20-23].

Тесная связь с Афоном оказывала большое влияние на развитие духовной культуры на Алтае. Верующие с особым почтением относились к подвижникам Афона, поэтому и особое почитание оказывалось иконам, написанным на Святой Горе.

В России у православных был обычай во время житейских сложностей давать духовные обеты. В начале XX в. в селе Михайловское случилось нашествие насекомых, от которого страдали урожаи. Жители села постановили на сходе совершать крестные ходы с молебными пениями мученикам Трифону, Иулиану и Евстафию. Они просили священника Василия Хоперского заказать на Святой Горе икону этих святых и дали обет — по прибытии образа на Алтай нести его от г. Бийска до села Михайловское исключительно на руках.

В 1903 г. в рапорте на имя правящего архиерея сельчане вместе со священником сообщили об отсутствии в том году «червя» и о готовности исполнить обет. К ним присоединились казаки соседнего села Слюденского Антоньевской станицы Бийского уезда, встречавшие в то время заказанную на Афоне икону Божией Матери «Скоропослушница».

Так формировалась традиция заказывать иконы на Афоне. Это делали не только русские крестьяне, но и новокрещеные алтайцы. Например, жители Усть-Кана по заказу местного ктитора Тимофея Евграфовича Мокина из Бийска встречали храмовую икону свт. Николая Чудотворца. Образ проследовал водным путем на пароходе до Усть-Чарышской пристани, откуда был перенесен на руках до Усть-Кана.

Нужно отметить, что инициатива заказа икон на Святой Горе принадлежала разным слоям общества. Инициативу проявляли и казаки, и крестьяне, и мещане.

В Улалинском Никольском женском монастыре находилась особо чтимая чудотворная храмовая икона, написанная на Афоне и получившая известность за пределами Алтая. В 1899 г. в Санкт-Петербурге была издана книга «Житие и чудеса св. Николая Чудотворца», в которой говорится: «Не можем не упомянуть <...> о миссионерском женском Николаевском монастыре Томской епархии, Бийского викариатства, в 7-ми верстах от Улалы. <...> На далекое расстояние

кругом славятся два пребывающие в ней чудотворные образа — Царицы Небесной, Споручницы грешных, и храмовой — Святителя Мирликийского. Во всякое время года, даже зимой, можно встретить пред этими образами богомольцев из самых дальних мест, а в день славного праздника обители, 9 мая, стекается сюда к образу Святителя до 6000 богомольцев с Алтая и соседних округов» [14, с. 615-616].

Стоит указать, что ныне традиция крестных ходов с афонскими иконами заметно укоренилась среди новокрещеных жителей Алтая. С возрождением Церкви в конце XX в. возродились и ежегодные многодневные крестные ходы, — например, Коробейниковский крестный ход, крестный ход «По стопам миссионеров» и др. Более подробно об афонских иконах на Алтае описано в другой статье автора [15].

Об афонском подвижничестве напоминали в XIX в. и некоторые миссионерские строения. Так, в Улале находился построенный в 1872 г. дом помощника начальника Миссии с небольшой церковкой в мезонине во имя свт. Иннокентия Иркутского. Бывавший на Афоне прот. Михаил Путинцев сравнивал его с теми «малыми и убогими церквками», какие «имеются при пустынных келиях на Афоне». Вид тесного и скромного храма производил «особенное благодатное, успокаивающее, умиротворяющее впечатление». О. Михаил, любивший бывать в этой церкви, писал: «там отдыхала душа моя, утомленная заботами и скорбями земными» [16, с. 8].

На Алтае прот. Михаил прослужил в качестве миссионера почти три года (1881-1883). Его книга «Алтай. Его святыни. Миссионерство», цитируемая нами, вышла в Москве в 1891 г. в издательстве Афонского подворья.

Издание книги о. Михаила Путинцева способствовало упрочению духовных уз, связывающих Афон и Алтай. На рубеже 1880-1890-х гг. братия Андреевского скита на Афоне передала в дар храму вмч. Пантелеимона, построенному в 1890 г. в Чолухоевском стане Миссии, частицы мощей шести святых — вмч. Пантелеимона, ап. Андрея Первозванного, сщмч. Харлампия, вмч. Трифона, мц. Фотинии и равноап. Марии Магдалины. Это было сделано по желанию строителя храма, московского фабриканта А.С. Миронова, и по ходатайству еп. Макария (Невского) [17, с. 12].

В эти годы в Миссии активно строятся храмы и некоторые из них посвящаются вмч. Пантелеимону. Кроме церкви в стане Чолухоевском, в Миссии было еще несколько таких богослужебных зданий: храмы — в Катанде (освящен в 1880 году), Бирюле (1885), Мариинском (1886), Балыктуюле (1898); молитвенные дома — в д. Онос¹ (1893) и в аиле Кара-Кем на р. Аргут (1901). В Улале находилась построенная в 1902 г. каменная часовня в честь этого святого [7, с. 56].

Как известно, Афонский Свято-Пантелеимонов монастырь имел свою типографию, где печатались книги духовно-просветительского характера. Из

¹ Он-Оос, ныне — Анос (прим. ред.)

них формировались приходские библиотечки, переправлявшиеся в Россию. Такие издания получала и Алтайская миссия, распределявшая их по храмам и миссионерским станам. Эти книги использовались в работе миссионерских школ и как материал для внебогослужебных бесед [18, с. 15].

Некоторые миссионеры знали Афон не понаслышке. Помимо вышеупомянутого прот. Михаила Путинцева, на Святой Горе бывал миссионер иеромон. Тихон. В 1881 г. он по болезни отправился на лечение в европейскую часть России, где обошел многие святые места, в том числе и Киев. Впоследствии о. Тихон вместе с о. Павлом Прусским был в Царьграде; жил на Афоне, достиг Иерусалима, молился у Гроба Господня, удостоился благословения Патриархов Константинопольского и Иерусалимского, «всюду нося с собою память об Алтае» [19, с. 233]. В 1883 г. иеромон. Тихон скончался от чахотки в Ново-Афонском Симоно-Кананитском монастыре на Кавказе.

Афонские постриженники посещали Алтайские монастыри. Однако, приезжим монахам трудно было привыкнуть к сложностям сибирского климата, и по этой причине распространить и закрепить традиции афонского монашества здесь не удалось [20, с. 493].

Многочисленные пожертвования подтверждают почитание афонского подвижничества среди верующих жителей Алтая. Это отражено и в архивных документах. Так, в письме кебезенского миссионера к помощнику начальника Миссии прот. Петру Бенедиктову сказано: «На приисках приходили ко мне многие послать их деньги на Афон. Я сам не знаю как адрес туда, хотя мне оч. нужно самому; здесь в Кебезени есть заказ и так многие спрашивают. Не черкнете ли мне этот адрес, о. Петр!» [21, л. 20-23 об.].

Иной примечательный случай — духовное завещание бийской мещанки Варвары Макарьевны Окуловой от 15 апреля 1909 г.: «Из денежного капитала, внесенного вкладом из процентов в Бийский Коммерческий банк по билету за №21334, я завещаю и распределяю поступить следующим образом: послать на Афон 35 руб., выдать в пользу церкви села Александровского 1-й Алтайской дючины одну тысячу руб. с тем условием, чтобы сумма эта оставалась вечным вкладом нетронутой, а с нее проценты выдавались бы ежегодно и употреблялись бы на нужды церкви, на устройство предполагаемого нового храма в заселке Аурласпак¹ Алтайской дючины Бийского уезда я жертвую и завещаю выдать одну тысячу рублей» [22, л. 137-137 об.].

Не обошло Алтай и прискорбное для церковной жизни явление — мошенничество со сбором пожертвований на Афон. В церковной прессе начала XX в. содержатся не только предупреждения по этому поводу, но и описание конкретных случаев. Так, еп. Иннокентию (Соколову) жаловался миссионер из Паспаульского стана, что двое новокрещеных отправили на адрес Одесского подворья некой афонской кельи пожертвования соответственно 50 и 70 руб., но в течение года нет никаких известий о получении пожертвований. Более того,

¹ Урлу-Аспак — *прим. Авт.*

некие «монахи» предлагают заказывать обедню «в Патриархии при участии самого Патриарха, в отпущение всех их грехов: прошедших, настоящих и будущих» [23, с. 381].

Воззвания о пожертвовании якобы монахам Афонской горы присылались по почте. Только в 1890 г. полицейское ведомство выявило шесть нелегальных, то есть не имевших разрешения церковного начальства на сбор, пожертвований [24, с. 12–13]. Подпавшие под влияние лжемонахов малоопытные новокрещенные, веря в заманчивые посулы, часто переставали ходить в храм, что усложняло работу миссионеров. Вместе с тем, проверенными с точки зрения надежности для отсылки денег были русские Пантелеимоновский, Андреевский и Ильинский монастыри на Афоне.

Образ Святой Горы вызывал благоговение у новокрещенных и вдохновлял миссионеров на нелегкие труды по просвещению коренных горных народов. Их служение отличалось от обычной приходской работы в старокрещенных регионах. Отдаленность, отсутствие дорог и какой-либо коммуникации, а также языковой барьер требовали терпения и выносливости. Не все выдерживали самоотверженный труд миссионера. Но те, кто оставался в Миссии, надеялись увидеть Алтайские горы «Сибирским Афоном» [25, с. 23]. Образ Афона стал жизнеутверждающим и мотивирующим идеалом православного миссионера на Алтае. Монахи Афонских монастырей глубоко почитают Пресвятую Богородицу, считая Ее своей игуменьей – настоятельницей. Особым почитанием Матерь Божия пользовалась и у алтайских миссионеров, начиная с основателя Миссии прп. Макария (Глухарева; 1792-1847). В образе Царицы Небесной автор популярных очерков о святых местах Сибири Пимен Сибирский видит мистическую причину духовного родства Афона и Алтая: «По трогательному преданию христианского мира, Божия Матерь избрала Афонскую гору своим земным жребием. По сердечному верованию Алтайских христиан, Матери Божия и Алтайские горы приняла под свое особое покровительство» [26, с. 96].

Сегодня, после времен забвения, взаимоотношения Афона и Алтая вновь становятся актуальными и востребованными верующими. В алтайских храмах появляются афонские образы рубежа XIX–XX вв., заказываются и новые иконы. Возрождаются традиции православного паломничества на Святую Гору. Все это свидетельствует о продолжении духовных связей Афона и Алтая, заложенных полтора столетия назад.

Список литературы

1. Черкасов И.З. Афон и его окрестности. Русские на Афоне. Иверский монастырь. URL: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=lib&id=852/#1> (дата обращения: 01.09.2021).
2. Русско-афонские духовно-нравственные и художественные связи и Иверские монастыри в России. URL: <http://www.dzalisa.org/arhiv/russko-afonskie-duhovno-nravstvennye-i-hudozestvennye-svazi-i-iverskie-monastyri-v-rossii> — Дата публикации: 28 февраля 2005 (дата обращения: 01.09.2021).

3. Августин (Никитин), архим. Афон и Русская Православная Церковь // БТ. 1997. №33, с. 76-109.
4. Мастерские / Афон и греческие рукописные иконы. Православный интернет-магазин: Дары волхвов. URL: <http://www.orthodox-shop.ru/articles/5> (дата обращения: 01.09.2021).
5. Письма архимандрита Макария Глухарева, основателя Алтайской миссии: С биограф. очерком, портретами, видом и двумя факсимиле / Под ред. К.В. Харламповича. Казань: Центр. тип., 1905. 558 с.
6. Алтайская духовная миссия в 1870 году. Предварительные сведения // Сборник сведений о православных миссиях и деятельности православного миссионерского общества. М.: тип. В. Готье, 1872. 782 с. Кн.1-2.
7. Крейдун Ю.А. К вопросу о религиозных связях Афона и Алтая в XIX – начале XX в. // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История РПЦ. 2018. №81, с. 52-63.
8. Крейдун Ю.А. Афонская икона великомученика и целителя Пантелеимона в Алтайской духовной миссии // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2016. Вып.1(5), с. 110-118.
9. Небесная помощь во время плавания по Телецкому озеру // ТЕВ. 1884. №11. Неоф. отд, с. 11-15.
10. Святые иконы с благодатными останками св. великомученика и целителя Пантелеимона в Алтайско-Киргизской духовной миссии // ТЕВ. 1892. №16. Неоф. отд, с. 6-15.
11. Из записок миссионера (Из записок миссионера Буконского стана Киргизской миссии, священника Ефрема Елисеева, за 1892 год) // ТЕВ. 1894. №5. Неоф. отд, с. 20-26.
12. Отчет о состоянии раскола и противораскольнической деятельности по Миссионерскому Комитету благочиния №35, за 1902 отчетный год // ТЕВ. 1904. №20. Неоф. отд, с. 1-18.
13. О крестных ходах благочиния №18 // ТЕВ. 1904. №23, с. 20-24.
14. Житие и чудеса св. Николая Чудотворца, архиепископа Мирликийского и слава его в России: В 2 ч. / Сост. А. Вознесенский и Ф. Гусев. СПб.: И.Л. Тузов, 1899. VIII, 723 с.
15. Крейдун Ю.А. Иконы Афонского письма в истории православия на Алтае: [материалы VI международной научно-практической конференции «Россия, Сибирь и государства Центральной Азии: взаимодействие народов и культур», Барнаул, 27-28 апреля 2016 г.] // Россия, Сибирь и государства Центральной Азии: взаимодействие народов и культур. Барнаул: АлтГПУ, 2016. №22.
16. Путинцев М.П., прот. Алтай. Его святыни; Миссионерство; Дивные пути промысла Божия в обращении язычников в христианство; Воспоминания о почивших миссионерах. 2-е изд. М.: Типо-лит. И. Ефимова, 1891. 71 с.
17. Отчет о миссиях Томской епархии — Алтайской и Киргизской за 1890 год // ТЕВ. 1891. №6. Неоф. отд, с. 1-14.
18. Отчет о миссиях Томской епархии — Алтайской и Киргизской за 1893 год // ТЕВ. 1894. №9. Неф. отд, с. 1-16.
19. О миссиях Томской епархии — Алтайской и Киргизской в 1882 году // ТЕВ. 1883. №8. Неоф. отд, с. 216-236.
20. Отчет Алтайской Духовной миссии за 1914 год // ТЕВ. 1915. №12. Неоф. отд, с. 491-507.
21. ГААК. Ф. 164. Оп. 1. Д. 110.
22. ГААК. Ф. 164. Оп. 2. Д. 53.
23. Поездка Его Преосвященства, Преосвященнейшего Иннокентия, Епископа Бийского, Начальника Алтайской миссии, по станам миссии в 1909 году // ТЕВ. 1910. №9. Неоф. отд, с. 380-382.
24. О воззваниях к пожертвованиям рассылаемым монахами Афонской горы // ТЕВ. 1890. №19, с. 12-13.
25. Радости и скорби Алтайской Духовной миссии // ТЕВ. 1898. №15. Неоф. отд, с. 13-29.
26. Сибирский П. По святым местам Сибири. Очерки и наброски // Сибирский наблюдатель. 1902. Кн. 10 (октябрь), с. 91-103.

Для цитирования: Зеленская Г.М. Архимандрит Леонид (Кавелин) — настоятель Воскресенского ставропигиального, Новый Иерусалим именуемого, монастыря //

URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2022/s/articles/2_4.pdf

DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2022.00.008

УДК 929

**АРХИМАНДРИТ ЛЕОНИД (КАВЕЛИН) —
НАСТОЯТЕЛЬ ВОСКРЕСЕНСКОГО СТАВРОПИГИАЛЬНОГО,
НОВЫЙ ИЕРУСАЛИМ ИМЕНУЕМОГО, МОНАСТЫРЯ**

Г.М. Зеленская¹

1 ГБУК МО «Музей “Новый Иерусалим”», г. Истра Московской области, Российская Федерация
E-mail: gali.zelenskaia@yandex.ru

Архимандрит Леонид (Кавелин; 1822-1891) посвятил Воскресенскому монастырю Нового Иерусалима 8 лет своей земной жизни, что соответствует времени, отданному обители ее основателем — Святейшим Патриархом Никоном (1605-1681). Их труды, разные по направленности и объему, вполне сопоставимы по церковно-историческому значению [1, с. 207].

Архимандрит, бывший на тот момент настоятелем русской посольской церкви в Константинополе, был назначен на новую должность 26 мая 1869 г., о чем сообщил на Афон архим. Макарию¹, с которым поддерживал духовно-дружеские отношения: «...получил от его превосходительства Н.П. Игнатьева² письмо, в котором он уведомил меня о “новом назначении” <...>, оно, как он известился, сделано по мысли покойного высокопреосвященнейшего митрополита Филарета³ <...>. Впрочем, ни радости, ни печали не ощущаю, совершенно индифферентно — может быть и лучше для дела. Усердно прошу Вас и батюшку о. Иеронима⁴ людей, искренно расположенных к монашеству, но для вас неподходящих, обращаться ко мне...» [2, с. 123-124].

Как видим, весть о своем новом послушании архим. Леонид принял спокойно и тут же, с присущей ему ответственностью, озаботился мыслями о его исполнении. Он тяготился пребыванием в Константинополе и в 1866-1868 гг. делился с архим. Макарием своей духовной жадой: «Я с неделю хворал телесно, а душевно и постоянно: чувство духовного одиночества

¹ Архим. Макарий (Сушкин; 1820-1889), настоятель русского на Афоне Свято-Пантелеимонова монастыря (1875-1889).

² Игнатьев Николай Павлович (1832-1908); в 1864-1877 гг. — русский посол в Константинополе.

³ Свт. Филарет Московский (Дроздов; 1782-1867); с 1826 г. — митр. Московский и Коломенский. Канонизован в 1994 г.

⁴ Иеросхимонах Иероним (Соломенцов; 1802-1885), духовник Свято-Пантелеимонова монастыря (1841-1885).

действует как тяжелый гнет, и если бы не еженедельное служение, то вряд ли бы выдержал эту тягость. Полетел бы к вам, да крылья подвязаны, или, лучше сказать, обрезаны! Не достигши уменья жить весь в Боге и для Бога, не могу не сожалеть о лишении общения с одномысленною братиею...»

Далее архим. Леонид цитирует Св. Писание: «Лучше день един во дворех Твоих, Господи...» (Пс. 83:11) и продолжает: «Но что делать? Грешнику и в раю скучно... а дорога к праведности, то есть к оправданию через покаяние, лежит всегда среди скорбей, где бы ни пролегал наш путь <...>. А все-таки грустно духовное одиночество...» [2, с. 57] «...прошу усердно св. молитв о изведении из темницы суеты и всего того, что незримо, но осязательно окутывает дух монаха, живущего среди мира, хотя и не по своей воле (что и не дает еще вконец поддаться унынию). Кто даст ми крыле, яко голубине? или место покоища ногама моима?»¹ [2, с. 108-109].

Постоянным духовным устремлением архим. Леонида было желание поселиться на Афоне, и его назначение в Новый Иерусалим отодвигало эту возможность. Он писал о Макарию, что отправляется в Москву «яко жертва, влекомая на пропятие. Но буди о всем воля Господня — выну благая и совершенная!»² <...> До приезда в обитель не буду ничего говорить о ней, хотя слухи весьма и весьма неутешительные; впрочем, особого отличия от новых "штатных" монастырей не ожидаю. Усердно прошу усугубить Ваши св. молитвы, да не введет Господь во искушение, и да избавит от лукавых, с которыми никогда не уживался и ныне ужиться не надеюсь, — но не отрицаюсь бегать от них, хотя бы и за море» [2, с. 124-125].

Следующее письмо на Афон отправлено из Нового Иерусалима: «...я пятнадцатого августа наконец прибыл в царственный град Москву. Здесь являлся, во-первых, митрополиту³ и, смущенный “недобрыми слухами” (в Оптиной пустыни от одного приезжего москвича) о вверенной мне обители, в продолжение двухчасового разговора с его высокопреосвященством отказывался от предложенного мне бремени, но ничтоже успел. На мои опасения старец внушительно заметил мне: “Господь не попустит искушиться паче, нежели можете”, и обещал свое отеческое содействие во всем благом.

Прибыл я в обитель в сопровождении благочинного ставропигиального монастыря (архим. новоспасского Агапита⁴) на ночь двадцать седьмого числа и встречен по чину. Со входом в св. обитель облежавшее сердце мое облако печали внезапно прояснилось, и благолепный вид ее величественного храма был

¹ Ср.: «Кто даст ми крилѣ, яко голубинѣ? И полешу́, и почию» (Пс. 54:7).

² Парафраз: «Не сообразуйтесь веку сему, но преобразуйтесь обновлением ума вашего, во еже искушати вам, что есть воля Божия благая, и угодная, и совершенная» (Рим. 12:2).

³ Свт. Иннокентий (Вениаминов; 1797-1879), с 1868 г. — митр. Московский и Коломенский.

⁴ Архим. Агапит (Веденский; 1799-1877). В 1852-1877 гг. — настоятель Московского Новоспасского монастыря, член конторы Св. Синода, благочинный ставропигиальных монастырей [3].

тем живительным лучом, который рассеял належащий мрак души моей. Чувство отрадного спокойствия усилилось еще более после поклонения с верою гробнице почивающего в храме сем его великого строителя, воистину святейшего Патриарха Никона, и лобызая раку честных мощей его, я чувствовал, что он вешал моему сердцу: дерзай, не бойся, я, а не ты страж сего дома — токмо твори повеленное и заповеданное мною.

Слухи об обители неблагоприятные при ближайшем рассмотрении дела оказались до зела преувеличенными. Братии всего тридцать человек, что и хорошо, ибо даст возможность легче управлять и усилить приемом новых, что и учинил уже, приняв по сие время пять человек, благопотребных для обители по способностям: письмоводителя (старый выбыл при моем приезде, что меня весьма озабочивало), портного (не было ни одного), помощника гостиннику (с Валаама)...

Главный недостаток ощущается в хорошем духовнике <...>

В числе братства есть два благоустроенных помощника: наместник и ризничий. Первый из священников, второй из купеческого сословия. Люди весьма и весьма полезные для обители и благонамеренные, что в наше время не часто случается. Итак, жить и делать порученное дело, как видится, можно с упованием на Господа Бога и Его угодника Св. Патриарха.

Братия были смущены не менее меня слухами, распущенными насчет моей “мнимой строгости” каким-то заезжим греком. Но это не без пользы взаимной.

Теперь же все ложные страхи исчезли — осталось лишь убеждение, что хорошим будет хорошо, а слабым надобно исправляться, чтоб не быть высланными в иное место, а меж тем пребыванием в монастыре есть повод дорожить, ибо первым делом моим было обратить внимание ближайшее на содержание послушников: на трапезу и их домашний быт, и уже вижу плод сего — в исправлении таких, которые считались “отчаянными”.

Но смущает братию и мое недостоинство еще того более слух, что мое пребывание здесь продлится де недолго — позовут на высшую степень.

Помолитесь, отцы и братия, да Всевидец, Который видит мое сердце, — вонмет желанию избежать сего бремени, которое воистину ныне мне не по силам (ибо никогда к сему не готовился, ни делом, ни мыслями). Уж если служить Церкви, то лучше бы посвятить свои силы служению настоящему месту, нежели на дело неизвестное мне вовсе и по нынешним обстоятельствам действительно трудное. Итак, паки прошу: помолитесь, да аще можно, мимоидет чаша сия...» [2, с. 125-127]¹.

Послание архим. Леонида дополняют документы, позволяющие судить о последовательности действий нового настоятеля. Он занялся, прежде всего, формированием состава своих ближайших помощников — наместника, казначея и ризничего. В 1870 г. были утверждены: наместником —

¹ Разбивка текста на абзацы наша. — Г.З.

иером. Венедикт (в миру Василий Макаров), казначеем — иером. Венедикт (в миру Василий Лебедев). Оба имели ко времени назначения архим. Леонида немалый опыт: первый — ризничего, второй — казначея, и оба стали усердными соратниками настоятеля, о чем свидетельствуют их награждения: в 1672 г. — набедренником, а в 1875 г. — наперсным крестом [4, л. 11-32].

Переместив ризничего на должность наместника, архим. Леонид вскоре воспитал нового — мон. Антония (в миру Алексей Гаврилов), постриженника Николо-Угрешского монастыря, переведенного по собственному прошению в Новый Иерусалим в марте 1869 г. В 1871 г. архим. Леонид рукоположил о. Антония в иеродиакона, а в 1673 г. «допустил» к «исправлению должности ризничего», утвердив его на этом послушании в 1874 г. и рукоположив в следующем году в иеромонаха [1, с. 213-214].

Вопрос о духовнике решился в 1871 г., когда в Воскресенский монастырь был перемещен по собственному прошению из Бахчисарайского Успенского скита иером. Серафим (в миру Андрей Попов). В 1873 г. он, бывший матрос, стал после двухлетнего испытания утвержденным духовником обители.

Уже в 1870 г. увидели свет общедоступные сочинения архим. Леонида [5, №№104-105], давшие паломникам «краткое, но обстоятельное описание монастыря, могущее равно удовлетворить как просто грамотного, так и образованного посетителя» [1, с. 207].

Изучение архим. Леонидом истории Нового Иерусалима и других патриарших сооружений было всесторонним и продолжалось постоянно. За время настоятельства он опубликовал 26 работ, связанных с этой темой [5, №№102, 104, 105, 114, 115, 121, 126, 130, 133, 135, 144-147, 153, 154, 157, 164, 70, 171, 176, 184, 185, 191, 198, 201].

В 1870 г. архимандрит завершил подготовку к печати «Известие» о житии Патриарха Никона И. Шушерина [6, с. III–V]. Одновременно он занимался приделом прп. Сергия Радонежского, устроенным в центральной трапезной палате предыдущим настоятелем, еп. Петром (Екатериновским; 1867-1869), но не освященным. О. Леонид составил его опись, без чего не выдавался антиминос, и решил оформить в трапезной второй придел, аналогичный первому. Он получил на это разрешение после освящения престола во имя прп. Сергия 25 сентября 1869 г. [7, с. 341-342].

Новый придел посвящался мц. Татиане, тезоименитой святой царевны Татианы Михайловны (1636-1706), чьим попечением возводились Трапезные палаты [7, с. 342-343]. В день освящения престола настоятель произнес проповедь об исторической основе события [5, №126].

Устроение для совершения ранней литургии двух приделов церкви Рождества Христова представляет архим. Леонида как создателя иконографических программ, канонично и вместе с тем свободно мыслящего в объемах многофункционального храмового комплекса. В северной трапезной палате, первоначально использовавшейся как «гостиная мирским ясти всяких чинов людям» [8, с. 108], архим. Леонид создал Музей памяти Патриарха

Никона [9, с. 263-271]. Здесь сохранялась планировка настоятельских покоев архим. Амвросия (1748-1754)¹, при котором обширное сводчатое помещение было разделено на кельи обтянутыми штофом перегородками. Наряду с мемориальным комплексом Святейшего Никона (парсуны XVII в., личные вещи) в Амвросиевских покоях размещались памятники монастырской истории XVII–XIX вв. (иконы, кресты, облачения, портреты настоятелей) [10, с. 275-283]. Музей был устроен по принципу дома, где столетиями накапливались различные предметы — свидетели жизни его обитателей. Экспозиция развивала тему кровного и духовного родства, отраженную в иконографии смежных с музеем церковных приделов.

Тема рода и генеалогии духовной — сквозная в научных трудах архим. Леонида. В 1870-х гг. переиздавались его прежние и выходили новые сочинения, посвященные Калужской земле, где он родился [5, №№103, 152, 172, 189, 195]. Родной для него стала и окормлявшаяся Оптинскими старцами Борисовская Тихвинская девичья пустынь в Курской губернии. В 1872 г. вышло составленное о. Леонидом «Историческое описание» этой обители [11], насельницей которой была его сестра, монахиня Александра (Кавелина). Работая с документами, ученый открыл для себя и читателей ряд пересечений «Борисовки» с Новым Иерусалимом.

Тихвинская пустынь была основана фельдмаршалом Борисом Петровичем Шереметевым (1652-1719) в 1714 г. близ г. Грайворона в слободе, названной его именем в память о победе 1709 г. над шведским войском под Полтавой. Полководец — сын боярина П.В. Шереметева (†1690), знавшего Воскресенский монастырь со времени его основания (1656) и бывшего распорядителем от царского синклита на торжествах освящения «великой» церкви (1685). Борис Шереметев вместе с отцом сопровождал государя Феодора Алексеевича и царскую семью во время посещения ими Нового Иерусалима 5-8 сентября 1679 г. [12, с. 32]. Часть подмосковных вотчин Шереметевых находилась близ Русской Палестины Патриарха Никона, где р. Истра именовалась Иорданом, Воскресенский монастырь стоял на холме Сион, окрест которого, соответствуя топографии Святой Земли, возвышались холмы Фавор и Елеон. Описывая Тихвинскую пустынь, архим. Леонид изложил знаменательную историю о выборе места для ее устройства. Предание восходит к семье Шереметевых и повествует о царе Петре I, который, поднявшись на высокий берег р. Ворсклы, «указал именно на эту гору, как бы на мѣстный Фаворъ, и, назначая быть здѣсь храму Преображенія Господня, въ память Богодарованной Полтавской побѣды», отметил место «собственноручно водруженнымъ здѣсь крестомъ» [11, с. 53, 58].

¹ Амвросий (Зертис-Каменский; 1708-1771), с 1768 г. — архиепископ Московский и Калужский. Управлял Воскресенским монастырем: в сане архимандрита (1748–1753), епископа Переяславского и Дмитровского (1753-1661), епископа (с 1664 г. — архиепископ) Сарского и Подонского.

Предание, перекликаясь с историческими источниками об основании Нового Иерусалима, соединяет в персоне Петра I «премудрую двоицу» — царя Алексея Михайловича и Патриарха Никона.

Труды архим. Леонида содержат богатый материал для осмысления духовного наследия «великого строителя, воистину святейшего». Так, в очерке, предваряющем начатое в 1874 г. издание «Исторического описания» Воскресенского монастыря, ученый присовокупляет к документам духовно-нравственный комментарий. Он цитирует из «дела Бобарыкина» ответ Московского собора 1667 г. на челобитную боярина о спорных земельных владениях и завершает его словами Св. Писания: «въ вотчинахъ ему, Роману, которые продалъ бывшему Никону Патриарху, отказать, по тому что онъ тѣ свои вотчины ему, Никону, продалъ своею волею. Так-то солга неправда себѣ, и отъ своихъ словесъ осудися!» [12, с. 4]¹.

В Предисловии к этому очерку о. Леонид счел нужным высказать свое суждение об И. Шушерине: «некоторые современные писатели, повидимому вменяющіе себѣ въ особую заслугу уничтоженіе историческихъ личностей, бездоказательно обзываютъ сочиненіе Шушерина “пристрастнымъ”, и на этомъ основаніи готовы даже исключить его вовсе изъ числа источниковъ для оцѣнки сего Святителя. Но для насъ дороже судъ о семь его современников, отъ которыхъ не дошло до насъ ни одного столь “пристрастного” упрека, напротивъ, распространеніе сего сочиненія по Россіи во многихъ спискахъ свидѣтельствуетъ о справедливомъ вниманіи к нему Русскихъ людей. А три года тюремнаго заключенія и десять годовъ ссылки, которыми запечатлѣлась вѣрность Шушерина своему благодѣтелю, — даютъ ему неоспоримое право и на признаніе потомствомъ искренности его убежденій» [6, с. VII].

Архим. Леонид в осмыслении памятников старины пользовался традиционным методом собирания, систематизации и критического анализа фактов, но его научный путь освещало око духовного видения, прозревавшее суть явлений: «Съ заложениемъ же въ Воскресенской обители каменнаго соборнаго храма по Иерусалимскому образцу образовались при монастырѣ различныя мастерскія, и все потребное для строенія и украшенія сего колоссальнаго зданія, делалось искусствомъ и можно сказать руками многочисленной братіи; но душою и главнымъ двигателемъ всего дела во все время оставался самъ патриархъ, и по тому достойно и праведно есть то распоряженіе Промысла Божия, въ силу коего забыты имена второстепенныхъ дѣятелей сего дѣла и надъ всѣми царить имя великаго челоуѣка, который былъ въ одно и то же время и мудрымъ зодчимъ и простымъ работникомъ» [12, с. 17].

Столетие спустя этот вывод подтвердила архитектор-реставратор Г.В. Алферова [13, с. 30-44]. Ныне Святейший Никон изучается как создатель и сакральных пространств [14, 15], и символической семантики изразцового храмового убранства [16], и иконографических программ иконостасов [17], и

¹ «Солга неправда себе» (Пс. 26:12) и «от своих словес осудися» (Мф. 12:37).

корпуса надписей на «святых вещах» [18]. При этом труды архим. Леонида остаются востребованными.

Воскресенский настоятель был ревностным ходатаем по делам, связанным с материально-экономическим состоянием обители. Осенью 1870 г. он сообщал архим. Макарию: «...более двух недель прожил в Москве <...> — хлопотал об устройстве подворья <...> — капитальной собственности монастыря, найденной мною в самом жалком положении. Бог молитвами св. Патриарха помог устроить-таки дело, <...> если оно благополучно совершится, то монастырь будет получать ровно вдвое более того, что получал доселе (вместо семи — четырнадцать чистого годового дохода)» [2, с. 135-136].

Вскоре афонский друг получил еще одно известие о хлопотах архим. Леонида: «Недавно Бог помог устроить дело о монастырском подворье <...>; ныне сдано на аренду с обязанностью исправить и платою вдвое почти против прежнего, а след., есть чем содержать братию» [2, с. 138].

Тема подворья остается актуальной и в марте 1871 г., когда появляются дополнительные заботы: «Что сказать Вам о себе? Тружусь, сколько могу, и так как не ожидаю иного вознаграждения за труд, кроме милости Божией, то и спокоен: теперь началась перестройка подворья, которая должна кончиться к первому сентября¹, а дома занят приведением в порядок ризницы, по поводу приказаний ускорить (остающийся неисполненным в течение двенадцати лет) приказ о составлении новых и подробных списков всему церковному имуществу. Жалость Дома Твоего снеде мя!» [2, с. 142].

Последняя фраза — цитата из Св. Писания (Ин. 2:12) — приведена в древнерусской редакции² и выявляет, как часто у архим. Леонида, духовную сущность земных дел.

С наступлением лета сила земного притяжения возрастает, и на Афон из Нового Иерусалима устремляется душа, вопиющая о помощи: «Москву опустошил пожар; пьянство в народе все усиливается, а с ним и бедность <...>. Грустно и тяжело жить среди такого повального развращения нравов, которым славится наше время, ругательно именуя сие состояние "прогрессом". Молитесь, святые отцы, воплем крепким, да помилует Господь многомилостивый Св. Русь, наше возлюбленное отечество» [2, с. 145].

Поздней осенью подводятся итоги: «Год можно назвать тяжелым, хотя по грехам нашим заслужили и большее: сперва холера, потом мор на скот, неурожай, цены на все жизненные припасы возвышаются, словом, тесно отовсюду» [2, с. 146].

¹ См. документы (1871-1872) Ильинского подворья Воскресенского монастыря [19, Л. 1-12; 20, Л. 1-4; 21, с. 807].

² «Жалость дому твоего сънѣсть мя» (Ин. 2:12) [22, с. 74].

Отрадной для о. Леонида новостью в это время было известие о готовящейся в Москве Политехнической выставке¹, о чем он не замедлил сообщить архим. Макарию: «...на этой выставке будут собраны рисунки русских и восточных зданий церковных для показа постепенного усовершенствования церковной архитектуры, а потому и лепо есть руссиковским фотографам заняться <...> съемкою рисунков с отдельных церковных зданий афонских обителей разных веков» [2, с. 141].

Архим. Леонид предлагал подобрать и фото христианских храмов, превращенных в мечети, которые он снимал в Константинополе «с П.С.» [2, с. 143].

Интерес ученого к выставке связан с двумя его деяниями, историческими для Нового Иерусалима: созданием в монастыре музея и фотомастерской. Инициалами «П.С.» в его письме означен, по-видимому, Петр Иванович Севастьянов (1811-1867) — российский археолог и собиратель христианских древностей. Изучая в конце 1850-х – начале 60-х гг. памятники письменности и другие сокровища Афона, он оборудовал в Русском Андреевском скиту фотоателье, где производил съемку манускриптов и обучал этому иноков. Фотодело с помощью братии Троице-Сергиевой Лавры получило развитие и в Пантелеимоновом монастыре. Следуя благому примеру, архим. Леонид не только устроил в Новом Иерусалиме фотомастерскую, но и воспитал своего мастера. Им стал мон. Диодор (в миру Диомид Борисов), родившийся в 1840 г. в г. Поречье Смоленской губернии и принявший постриг в Успенской Почаевской лавре 20 марта 1870 г. В январе 1873 г. он перевелся в Воскресенский монастырь, где проходил клиросное послушание. В 1876 г. о. Диодор был рукоположен в иеродиакона [4, л. 28]. С 1889 г. он, будучи уже в сане иеромонаха, занимал должность казначея [24, л. 3 об.], а впоследствии — наместника обители [25, с. 255]. Его фотоснимки святынь Нового Иерусалима отличает высочайшее качество исполнения. Благодаря этому виды церковных интерьеров со стенной росписью и живописью на холстах, утраченных в результате взрыва храма в 1941 г., послужили изобразительными источниками при современном их восстановлении.

Создание фотомастерской во многом обусловило обновление церкви Рождества Христова (1873) и Воскресенского собора (1874-1876), который, по словам архим. Леонида, «давно уже своимъ состояніем вопіял о помощи» [26, с. 64]. Работы велись на средства фабриканта, статского советника П.Г. Цурикова (1812-1878), который благодворил обители «по чувству благоговѣнія к особѣ святѣйшаго патріарха Никона, и как уроженецъ Воскресенской округи» [26, с. 63]. Архим. Леонид, описавший обновление

¹ Первая в России Политехническая выставка 1872 г., посвященная разным отраслям науки и техники (от прикладной физики и военного дела до архитектуры и сельского хозяйства), размещалась в Манеже и во временных павильонах в центре Москвы. Было представлено более 12 000 экспонатов, поступивших впоследствии в Исторический и Политехнический музеи [23].

«великой церкви», подсчитал, что в 1873-1874 гг. оно «простиралось на сумму 82 000 рублей, не включая в то число многих мелочей и поощрения рабочим» [26, с. 69]. Настоятель воспринимал это как чудо Божие и 7 июня 1874 г. сообщал на Афон: «хлопочу по обновлению вверенной мне обители, обновлению поистине чудесному» [2, с. 165].

15 сентября 1874 г. Московским митр. Иннокентием в сослужении Дмитровского еп. Леонида¹ и собора духовенства было совершено малое освящение иконостаса и всего храма Воскресения Христова. Архим. Леонид произнес Слово на текст «Освяти, Господи, любящія благолѣпіе дому Твоего»², где раскрывалась «мысль о томъ, что попеченіе о благолѣпіи церковномъ есть исконная добродѣтель русскаго народа, церковію освящаемая и похваляемая, вопреки мудрованію современныхъ печальниковъ и радѣтелей гуманности, порицающихъ попеченіе о благолѣпіи церковномъ, какъ дѣло, по ихъ мнѣнію, излишнее и несовременное» [26, с. 71].

Актуальность проповеди отражала духовную боль о. Леонида, которой пронизаны и его письма: «...я бываю в Москве не более двух раз в году, и то самое лишь короткое время, через что прервал почти все знакомства и живу таким домоседом, какого трудно себе вообразить, что впрочем вполне согласуется и с моим взглядом на настоящее состояние общества, от которого чем дальше, тем полезнее» [2, с. 166].

Весна 1874 г. была омрачена для настоятеля известиями о смерти его отца и брата Дмитрия. Двамя годами ранее скончался двоюродный брат матери архимандрита, вице-адмирал Сергей Степанович Нахимов (1805-1872), успевший посетить племянника в Новом Иерусалиме, о чем тот писал на Афон: «У меня сверх хлопот по обители прибавилось хлопот домашних: дядя мой и единственный близкий родственник по матери адмирал Нахимов гостит у меня, будучи вынужден “по болезни” оставить на лето Петербург, — живет с женою в гостинице. Благодарность за прошлое и долг родственной любви требует оказать заслуженному старцу посильное внимание...» [2, с. 154].

Освящение соборного храма после реставрации было для архим. Леонида событием утешительным и торжественным. Число богомольцев в эти дни достигало 10 000 человек. 15 сентября к началу Божественной литургии прибыл московский генерал-губернатор, князь В.А. Долгоруков; на клиросах пели два хора — синодальный и монастырский. После праздничной трапезы губернатор осмотрел в сопровождении о. Леонида музей Патриарха Никона. 16 сентября у гробницы Первосвятителя митр. Иннокентий «соборнѣ служилъ панихиду»,

¹ Дмитровский еп. Леонид (Л.В. Краснопевков, 1817-1876), викарий Московской епархии (1859-1876).

² Начало заамвонной молитвы: «Благословляяй благословящія Тя, Господи, и освящай на Тя уповающія, спаси люди Твоя и благослови достояние Твое; исполнение Церкви Твоя сохрани, освяти любящія благолепие дому Твоего...»

затем гости посетили покои настоятеля, где им был предложен чай и поднесены «иконы, книги, изданія обители и работы монастырской фотографіи» [26, с. 71].

Период настоятельства архим. Леонида в Новом Иерусалиме был чрезвычайно плодотворным и для него, и для монастыря. Он вдвое умножил число монахов в священном сане и принял более 20-ти штатных и живущих на испытании послушников. Многообразная деятельность и духовный авторитет добавили в 1875 г. к его обязанностям еще одно церковное послушание: «На меня наложило начальство непосильную должность благочинного — и по обстоятельствам не мог уклониться от принятия оной, прося, впрочем, подолее оставить "исправляющим должность", чтобы иметь возможность отказаться при удобном случае. В нынешнем 1876 году к осени должно завершиться великое дело обновления храма св. Воскресения, предпринятое усердием П.Г. Цурикова, и тогда увидим, что речет о мне Господь. Если станут перемещать в Москву, то вряд ли соглашусь на сие, а скорее буду считать сие указанием на то, что пора оставить вовсе официальное служение. В трудах не вижу, как проходит время, но зима тяжела для здоровья, а лето суетно от приезжающих. В декабре так простудился, что был близ смерти, но теперь, слава Богу, здоров. Посылаю Вам для монастырской библиотеки (след., в честные руки о. Азария¹, коему усердно бью челом) описание вверенной мне обители, до XVIII столетия, и то вышла большущая книжица — в сих трудах нахожу некое утешение в своем “духовном одиночестве”, и о, если бы Господь удостоил ноне на конец дней своих пожить в духовной семье, с людьми, близкими по духу. Помолитесь о сем Всемогущему и Всеисполняющему» [2, с. 174].

«Большущая книжица» — вышедшее в 1876 г. отдельным изданием «Историческое описание» Воскресенского монастыря [12], объемом в 776 страниц, — вершина научных изысканий архим. Леонида данного периода, уникальное собрание письменных источников, многие из которых ныне утрачены. Всего же настоятелем было написано в 1869-1877 гг. не менее 100 работ [5, №№102-202].

Издавая материалы на разные темы, например, о русских паломниках на Святой Земле в нач. XVIII в., архим. Леонид вводил в научный оборот уникальные сведения о людях и событиях, связанных с историей своей обители. Одно из опубликованных им путешествий петровского времени «во святой град Иерусалим» написано свящ. Андреем Игнатьевым [28, с. 27-54], который служил при Русской дипломатической миссии в Константинополе, а после 1714 г. принял постриг с именем Аарон в Новом Иерусалиме [28, с. II]. Текст А. Игнатьева — «ценный литературно-исторический источник <...> о материальной и духовной жизни стран христианского Востока» [29, с. 83] —

¹ Мон. Азарий (Попцов; †1878), создатель библиотеки Русика, инициатор издания «Актов Русского Пантелеимонова монастыря» (1873) и других публикаций, член-корреспондент Церковно-археологического общества при КДА [27, с. 197-200].

позволяет вычленить для специального исследования тему о насельниках Воскресенского монастыря, совершавших паломничество на Святую Землю и внесших личный вклад в развитие жанра «хожений»¹.

Из трудов последних лет настоятельства архим. Леонида особо значимы его статья о ценинном деле² в Новом Иерусалиме [5, №.184] и «Акты Иверского Святоозерского монастыря», которым предшествует «Исторический очерк» обители в патриарший период 1653-1666 гг. [5, №191]. Изучению архивных материалов Валдайской обители о. Леонид посвятил свой отпуск, во время которого провидел в настоятеле Ивера архим. Вениамине своего преемника [26, с. 251-257]. О. Вениамин (Поздняков; 1816-1890) впитал иноческий опыт Глинской пустыни и Киево-Печерской Лавры, где не угасали традиции старчества, и был духовно близок ученому архимандриту. При своем назначении на должность наместника Троице-Сергиевой Лавры о. Леонид дипломатично, с помощью П.Г. Цурикова, ходатайствовал о переводе Иверского настоятеля в Новый Иерусалим. Выбор был безошибочным: архим. Вениамин благополучно управлял Воскресенским монастырем 13 лет (1877-1890).

О. Леонид взрастил и своего ученика, избрав его из послушников, «на испытании живущих» в Новом Иерусалиме. Это был Николай Рождественский (1851-1919), впоследствии — Вологодский еп. Никон, один из ярчайших светильников Русской Православной Церкви. Он перешел вместе с архим. Леонидом в Троице-Сергиеву Лавру и оставил замечательные воспоминания о своем наставнике: «...благодарю Бога, что моимъ духовнымъ руководителемъ въ продолженіи многихъ лѣтъ былъ незабвенный ученикъ великаго въ своемъ монашескомъ смиреніи старца Оптиной пустыни, о. Макарія, архимандритъ Леонидъ (Кавелинъ), который постоянно твердилъ мнѣ о первомъ завѣтѣ своего старца — послушаніи и смиреніи, объ отсѣченіи своего смышленія и исканіи воли Божіей наипаче во внѣшнихъ обстоятельствахъ жизни» [30, Вып.1, с. 35].

Н. Рождественский, сын сельского дьячка, поступил в Воскресенский монастырь после окончания Московской духовной семинарии, где учился в 1868-1874 гг. Он стал вторым келейником настоятеля. Первым, несшим это послушание по благословению афонских старцев, был мон. Никодим³, не оставлявший надежду поселиться на Св. Горе. Однако он, как и архим. Леонид, не получил благословение своих духовных наставников оставить «официальное

¹ Имеются в виду мон. Аарон (Игнатъев), иером. Павел (Вертоградов) [26, с. 247] и архим. Леонид (Кавелин).

² производство глиняных изделий глазированных, муравленных, самой разнообразной формы, особенно изразцов — *прим.ред.*

³ Мон. Никодим (в миру Нектарий Григорьев; 1820-1879) происходил из московских мещан кондитерского цеха. Чтению и письму обучался дома, был женат, но овдовел; указом Московской конторы Св. Синода определен послушником в Воскресенский монастырь (1870), где пострижен архим. Леонидом (1871).

служению». В 1879 г. наместник Троицкой Лавры сообщал на Афон: «Любезный собрат наш о. Никодим отошел ко Господу 5 сентября сего года, в схиме (о. Нотарий), в добром исповедании и в надежде на милосердие нашего Искупителя и Спасителя — помолитесь о нем.

Я же выну благодарен Вам за выбор, а ему за верную службу — он был мне и верным слугою, и добрым братом, и преданным духовным сыном» [2, с. 184].

Духовным сыном архим. Леонида стал и Николай Рождественский, принявший в 1880 г. монашеский постриг с именем Никона. С 1879 г. он был ответственным за «Троицкие листки» — лаврское издание, основанное по замыслу архим. Леонида [31, с. 471] в виде духовно-просветительных брошюр, тиражи которых к 1910 г. достигли 140 миллионов оттисков. В 1910-1916 гг. выходили «Мои дневники» архиеп. Никона — сборники церковной публицистики, где владыка приводил рассказы своего старца — архим. Леонида [30, Вып.1, с. 43, 141, 146, 151]. Эти краткие поучения представляют ученого как мудрого наставника, который извлекал из бесед с людьми душеполезный нектар и претворял его в соты духовные.

Архим. Леонид твердо стоял на пастырской страже своего словесного стада, охраняя его от возможных соблазнов и проницательно определяя духовную меру каждого возможного насельника обители. Примером может служить его позиция относительно желания известного философа и литератора Константина Леонтьева приехать на жительство в Воскресенский монастырь. Намерения кандидата в послушники были изложены в обширном письме от 8 июля 1873 г.: «Ваше высокопреподобие, отец Леонид! Я не раз в бытность мою (в 1867 г.) в Константинополе имел счастье беседовать с Вами и поэтому решаюсь теперь обратиться к Вам не только за советом, но и с почтительнейшею просьбой войти по-христиански в мое нравственное положение и помочь мне.

Вот в чем дело: я желаю жить при монастыре в России, и особенно при одном из подмосковных.

Не стану теперь обременять Вас <...> повестью тех событий, которые постепенно укрепили во мне это неизменное решение. <...> Я уже не молод (мне 42 года), и верьте, что решение это — плод почти трехлетних дум и испытаний. <...>

Я, состоя еще на службе, взял отпуск и прожил около года на Афоне, изучая монашескую жизнь и испытывая себя, и вот убедился, что на первый раз для меня нет ничего лучшего, как пожить при хорошей обители и под хорошим руководством — как бы это сказать — в виде постоянного полумирского поклонника. Отец Иероним и отец Макарий, известные Вам духовники Руссики, говорили, что мне нужно духовное подчинение и вместе с тем некоторая телесная свобода, потому что я болезнен, слишком привык к независимости и к тому же занимаюсь литературой. В этом смысле афонская келия в лесу и зависимость духовная от старца-руководителя были бы как раз по мне для

начала. Но оставаться на Афоне по многим причинам теперь было бы неудобно <...>.

Быть может, я буду готов ехать этой осенью. Но куда? <...> Я желаю приехать прямо в Новый Иерусалим или в другую подмосковную обитель, если Ваш ответ будет неблагоприятен. <...>.

Благословите ли Вы приехать прямо к Вам и поселиться в виде опыта?

Буду, батюшка, ждать Вашего ответа и старческого благословения. <...>.

Остаюсь с глубочайшим почтением Вашего высокопреподобия покорный слуга и послушник *К. Леонтьев*» [32, с. 99-101].

Архим. Леонид отказал К.Н. Леонтьеву в его просьбе. Жизнь при монастыре могла принести пользу «полумирскому поклоннику» лишь при полном подчинении старцу, как это было на Афоне, где его окормлял иеросхим. Иероним [33]. Обеспечить подобные условия в Новом Иерусалиме о. Леонид не мог, и это обернулось благом для К.Н. Леонтьева, нашедшего желаемое пристанище в Оптиной пустыни.

Отметим еще одну сторону жизни архим. Леонида в Воскресенском монастыре. Его духовное одиночество изредка скрашивало общение со святогорцами, несшими послушание в России, особенно с о. Арсением¹. О. Леонид был хорошо осведомлен о делах русских монахов на Св. Горе, исполнял по мере возможности их поручения, благодарил за присылку книг и особенно нот, о которых уведомлял: «Херувимская №1 весьма полюбилась, и уже распеваем оную» [2, с. 142].

Получая вести о кончине родных для него афонских братьев, он делился с архим. Макарием сочувственной скорбью: «Кончина возлюбленного о. Арсения чем менее была ожидана, тем была чувствительнее: он был моею живою связью с Вами и любезным мне Руссиком. Нет-нет, а придет бывало и целый вечер пробалакаем о настоящем и будущем, ровно побывал у Вас и согрелся сердцем» [2, с. 186].

Эпистолярное наследие архим. Леонида следует, на наш взгляд, рассматривать как наследие литературное. Оно богато образами, восходящими к Св. Писанию: «...надобно ждать ведра и затишья и вам, сидящим у моря, и нам, плачущим на берегах своего Иордана» [2, с. 175]²; пословицами: «с нашего молока сметану снимают» [2, с. 201]; украинскими словами, выражающими атмосферу или оценку событий.

Переписка раскрывает пылкость и ранимость души архимандрита, его готовность к сопереживанию, склонность к доброй насмешке и тонкой иронии. Послания на Афон отражают подвиг самоотвержения о. Леонида, которому так

¹ Иеросхим. Арсений (Минин; 1824-1879), инициатор издательского дела в Афонском Пантелеимоновом монастыре, строитель часовни во имя св. Пантелеимона у Владимирских ворот Московского Кремля (1873), первый настоятель Ново-Афонского во имя св. ап. Симеона Кананита монастыря на Кавказе [27, с. 122-127].

² Ср.: «На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом, внегда помянути нам Сиона» (Пс. 136:1).

и не довелось после 1860-х гг. побывать на Св. Горе. Схиархим. Макарий писал ему в 1883 г.: «Дерзаю Вам сказать, что оставлять Вам пост <...> не следует, ибо Вам самим известно, сколь бедно отечество наше деятелями, истинно преданными своему призванию, тем более церковными, а еще менее того монашествующими. Вы же по благодати Божией стоите на свещнице святой Церкви и боголюбезного иночества, возвращаете данные Вам от Бога таланты на пользу святой Церкви, отечества и ближних» [34, с. 222].

В заключение приведем из этого же письма слова о трудах архим. Леонида, совершенных на всех местах его послушаний, в том числе и в Новом Иерусалиме: «пред лицом Божиим они горят ясно и будут вознаграждены Тем, Кому известны стези мирские и изгибы сердца нашего».

Список литературы

1. Зеленская Г.М. Архимандрит Леонид (Кавелин) — настоятель Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря // НЧ. 2002, с. 207-215.
2. Серия: Русский Афон XIX–XX веков. Т.10. Письма выдающихся церковных и светских деятелей России старцам Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне. Святая гора Афон, 2015.
3. [Леонид (Кавелин), архим.]. Некролог архим. Агапиту (Введенскому) // МЕВ. 1877. №23, с. 221.
4. ГБУК МО «Музей “Новый Иерусалим”». Ф.1. Оп.1. Д.1848, д.8. Л.11-32. Ведомость о монашествующих, бельцах и послушниках ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря за 1875 г.
5. Просвирнин А., свящ. Труды архимандрита Леонида (Кавелина) // БТ. Вып. IX. М., 1972, с. 226-240.
6. Известие о рождении и воспитании, и о жизни Святейшего Никона, Патриарха Московского и всея Руси, написанное клириком его Шушериным. М., 1871.
7. Зеленская Г.М. Новый Иерусалим. Путеводитель. М., 2003.
8. Зеленская Г.М. Святые Нового Иерусалима. М., 2002.
9. Зеленская Г.М. Музей Патриарха Никона в ставропигиальном Воскресенском, Новый Иерусалим именуемом, монастыре // НЧ. 2002, с. 263-271.
10. Зеленская Г.М. Описание музея Святейшего Патриарха Никона // НЧ. 2002, с. 275-283.
11. Архим. Леонид (Кавелин). Историческое описание Борисовской Тихвинской девичьей Пустыни, составленное по монастырским письменным памятникам и записям. М., 1872.
12. Леонид (Кавелин), архим. Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М., 1876.
13. Алферова Г.В. К вопросу о строительной деятельности патриарха Никона // АН. №18. М., 1969, с. 30-44.
14. Зеленская Г.М. Новый Иерусалим под Москвой. Аспекты замысла и новые открытия // Новые Иерусалимы. Иеротопия и иконография сакральных пространств. М., 2009, с. 746-771.
15. Alexei Lidov. Patriarch Nikon's Hierotopy. The New Jerusalem Hermitage as the seventeenth century spatial icon // Russia's Early Modern Patriarchate: Apogee and Finale. Washington, 2020. V.2. S.77-95.
16. Зеленская Г.М. Символика изразцов Нового Иерусалима. М., 2012. — URL : <http://patriarh-nikon.ru/?p=184>
17. Зеленская Г.М. Первый иконостас соборного храма Иверского монастыря на Валдае // Ползуновский альманах. №4. Т.1. Ч.2. 2017. Барнаул, 2017, с. 20-51.

18. Зеленская Г.М., Севастьянова С.К. Корпус надписей Патриарха Никона на «святых вещах»: вопросы текстологии и архитектурно-художественного оформления // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 20. М., 2021, с. 479-547.
19. ГБУК МО «Музей “Новый Иерусалим”». Ф.1. Оп.1. Д.1840, д.4. Л.1-12. Акт освидетельствования построек на Ильинском подворье и их опись в двух экземплярах. 7 октября 1872 г.
20. ГБУК МО «Музей “Новый Иерусалим”». Ф.1. Оп.1. Д.1840, д.4. Чертежи Ильинского подворья в Москве. Планы 1-го и 2-го этажей 1871-1872 гг.
21. Патриарх Никон. Труды. М., 2004.
22. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып.5. М., 1878.
23. Политехническая выставка 1872 // БРЭ. — URL : https://w.histrf.ru/articles/article/show/politiekhnichieskaia_vystavka_1872 (дата обращения 14.10.2021)
24. ГБУК МО «Музей “Новый Иерусалим”». Ф.1. Оп.1. №.2011. Д.1. Л.1-9. Список монашествующих, послушников указных и временно живущих на испытании Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря за 1889 год.
25. Зеленская Г.М. Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь в XVI – начале XXI века // НЧ. 2011. С. 236-275.
26. Архим. Леонид (Кавелин). Месяцеслов Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. Изд. третье. М., 1880.
27. Русский афонский отечник XIX–XX веков. Т.1. Святая Гора Афон, 2012. (Серия «Русский Афон XIX–XX веков»).
28. Леонид (Кавелин), архим. Паломники-писатели петровского и послепетровского времени, или Путники во святой град Иерусалим // ЧОИДР. 1873. Т.3, №V, с. 1-129.
29. Ольшевская Л.А., Травников С.Н. Андрей Игнатъев // СККДР. Вып.3. (XVII в.). Ч.1. А–3. СПб., 1992, с. 81-83.
30. Никон (Рождественский), архиеп. Мои Дневники. Вып.1. 1910. Сергиев Посад, 1910; Вып.VI. 1915 г. Сергиев Посад, 1915.
31. Смирнова И.Ю. Леонид (Кавелин Лев Александрович) // ПЭ. Т.40. М., 2015, с. 467-473.
32. Леонтьев К. Избранные письма. СПб., 1993.
33. Петр (Пиголь), игумен. Афонский старец иеросхимонах Иероним (Соломенцов) и Константин Леонтьев. 26.02.2006. — URL : <https://rusk.ru/st.php?idar=15556> (дата обращения 23.09.2021).
34. Коробко Ю.А. Афонский старец-духовник иеросхимонах Иероним (Соломенцов) и архимандрит Леонид (Кавелин) // НЧ. 2002, с. 216-222.

Для цитирования: Сукина Л.Б. Описание монастырей как жанр научной публикации в церковной археологии XIX – начала XX в. //

URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2022/s/articles/2_5.pdf

DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2022.00.009

УДК 930.1+930.2

ОПИСАНИЕ МОНАСТЫРЕЙ КАК ВИД НАУЧНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ЦЕРКОВНОЙ АРХЕОЛОГИИ XIX – НАЧАЛА XX В.

Л.Б. Сукина¹

1 ФГБУН Институт программных систем им. А.К. Айламазяна РАН,
г. Переславль-Залесский, Российская Федерация
E-mail: lbsukina@gmail.com

В многогранной научной деятельности архимандрита Леонида (Кавелина) значительное место занимают описания старинных русских монастырей, первое из которых, опубликованное еще в мирской период его жизни под именем Льва Кавелина в 1847 г.¹, посвящено Козельской Введенской Оптиной пустыни [1]. К этому виду научной публикации архим. Леонид вновь обратился десять лет спустя, вскоре после начала своего монашеского служения, а с 1862 г. описания монастырей станут традиционными пунктами списков его изданных трудов.

Точное время появления данного вида издания в российской книгоиздательской практике пока не установлено — это задача специального исследования. Среди многочисленных сохранившихся в библиотеках книг такого рода, обнаруживаются вышедшие в 1830-1840-е гг. [см., например: 2; 3]. На общем фоне в это время особенно выделяется деятельность архим., а затем еп. и архиеп. Павла (Подлипского, 1788-1861). В течение своего долгого церковного служения архиеп. Павел возглавлял различные монастыри Владимирской епархии и занимал архиерейские кафедры в Костроме и Чернигове. Анонимно с 1832 по 1838 г. опубликовал описания пяти монастырей (Костромского Ипатьевского, Переяславского Троицкого Данилова, Костромского Крестовоздвиженского, Макариева Унженского, Николаевского Луховского) [4, с. 368; 5, с. 92-95]. Некоторые из этих изданий стали образцами для последователей архиеп. Павла на поприще церковной археологии.

В России середины – второй половины XIX в. у архиеп. Павла и архим. Леонида было уже много единомышленников. Во многом это произошло потому, что Церковь предприняла специальные усилия по упорядочиванию уже делавшейся в епархиях работы. В 1850 г. появилось особое определение Св. Синода по обязательному составлению церковно-исторических и

¹ До конца жизни архим. Леонида выйдут еще три исправленных и дополненных издания описания Оптиной пустыни, опубликованные уже под его монашеским именем (изд. 2-е: СПб., 1862; изд. 3-е: М., 1876; изд. 4-е: М., 1885).

статистических описаний епархий под надзором региональных архиереев [6, с. 16]. В 1866 г. вышел специальный указ Св. Синода, регламентирующий составление церковно-приходских летописей с обязательной публикацией исторических источников и перечней имущества [7, с. 6]. Описания упраздненных и действующих обителей Русской Православной Церкви (их строений, экономического состояния, книгохранилищ, святынь, предметов старины) привлекали внимание многих священнослужителей и светских лиц (в основном, преподавателей высших и средних учебных заведений). В эту эпоху увлечение изучением прошлого и его материальных «остатков» широко распространяется в кругах образованных людей. В столице и губерниях создаются многочисленные ученые общества, подавляющее большинство которых имело археологическую направленность и ставило своей целью сохранение, собирание, описание и публикацию древностей, а также просветительство [8; 9]. Для обозначения области знаний, изучающих историю и культуру православного мира, тогда начал широко использоваться термин «церковная археология» [10, с. 8]. Плоды этой субдисциплины исторического знания были особенно обильны. Исследователи монастырской и церковной старины опубликовали десятки описаний храмов и монастырей, хранившихся в них документов, памятников книжности и искусства. Выполненные на уровне русской церковной науки XIX – начала XX в. эти публикации сохраняют свою ценность во многом благодаря тому, что воспроизводят почти не поддающуюся ныне реконструкции статистическую информацию и тексты утраченных письменных источников и эпиграфики. Составителями описаний был собран огромный материал по истории русских монастырей, хранящихся в них исторических документов и культурных ценностей. Исторического обзора в их трудах удостоились не только прославленные обители Новгорода, Пскова, Подмосковья, Владимирской, Ярославской, Костромской и Нижегородской губерний, Русского Севера, но и малоизвестные, а также приписные монастыри и пустыни. Последовательно и скрупулезно воссоздавалась картина сложной, многообразной и насыщенной жизни русских обителей со времен средневековья до двух первых десятилетий XX в.

Описаниями монастырей, изданными в середине XIX – начале XX в., до сих пор активно пользуются историки и искусствоведы, но в современной историографии отсутствует характеристика этого вида научной публикации, игравшего прежде заметную роль в церковной археологии. В настоящей статье предпринята попытка частично восполнить данный пробел. Историография описаний обширна, поэтому, основываясь на предварительном анализе, мы ограничимся общими выводами и замечаниями.

Как справедливо отмечает Л.П. Репина, сейчас в историографии настало время уйти от инвентаризации исторических концепций, направлений и школ и обратиться к анализу профессиональной культуры исследователей прошлого, в которой отражаются качественные перемены в творческой и коммуникативной практике ученых, в самом способе историописания [11, с. 409-410]. В этом

ракурсе мы и будем рассматривать ученую деятельность архим. Леонида и его коллег, чьи труды по описанию монастырей составляют важную часть наследия отечественной исторической науки дореволюционного времени.

Опыт комплексного изучения русского монастыря как некоего особого исторического, экономического, социального, культурного явления и пространства формировался и развивался в контексте возрастания интереса власти и общества в России к национальному прошлому.

Это была эпоха создания многотомных масштабных сочинений, конструирующих историю государства, страны и народа (Н.М. Карамзин, В.О. Ключевский, С.М. Соловьев и др.) и одновременно собрания и издания документов, произведений древнерусской литературы, памятников рукописной и старопечатной книжности. Интеллектуальная среда светских и духовных учебных заведений была насыщена историческим знанием в тогдашних формах его существования. Одинаковой популярностью пользовались труды профессиональных историков, связанных с преподаванием в университетах и Духовных академиях, и романистов, представлявших эмоционально окрашенный образ событий и создававших образы героев прошлого, которые могли служить примером потомкам. Хотя в исторической науке постепенно формировался корпус академических требований к исследовательским процедурам, методам и публикационной практике, демаркировавших строгое знание и отделявших его от литературного творчества, многие научные труды этого времени, опираясь на письменные источники, все еще сочетали в себе академичность исследования и занимательность изложения, что диктовалось просветительской функцией научной деятельности.

Для описаний монастырей также было характерно сочетание научной весомости материала и литературности в его изложении. Как отмечено выше, описания охватывали не только столичные или известные монастыри, но и многие заштатные обители. Авторами выступали в основном представители регионального духовенства. По объему их сочинения представляли собой небольшие книги или брошюры (в зависимости от количества собранной информации). Издавались они как местными губернскими и епархиальными, так и столичными (Московскими и Петербургскими) типографиями. Тиражи были довольно внушительными — от нескольких сотен до нескольких тысяч. Отпечатанные экземпляры описаний поступали в государственные и общественные библиотеки, продавались в монастырях и книжных лавках столиц, губернских и уездных городов. Их читателями и покупателями были не только православные паломники, большинство из которых составляли крестьяне и городские обыватели, но и просвещенные любители старины из числа литераторов, живописцев, профессуры и гимназического учительства, среди которых с середины XIX в. постепенно приобрели популярность поездки в каникулярное время по старинным русским городам и монастырям [см., например: 12]. Свою лепту в популяризацию описаний монастырей вносили и епархиальные и губернские ведомости, так как некоторые подобные работы

публиковались частями в приложениях к ним. Описания были многофункциональными изданиями, соединявшими в себе черты религиозно-просветительской литературы, своеобразного путеводителя и справочника, а также каталога монастырских святынь и древностей. Так, широкая адресация исторического описания Переславского Никитского монастыря, по мнению составившего его священника П.В. Ильинского, была обусловлена тем, что эта древняя обитель одинаково привлекала внимание «и странника-богомольца, и художника-туриста, и любителя русской священной старины» [13, с. 3-4].

В конце XIX – начале XX в. под влиянием распространившейся сначала в светской, а затем и в церковной среде «юбилеямани» [14] тот же круг авторов начал создавать «истории» старинных монастырей к круглым датам их основания. По своему содержанию и структуре эти сочинения мало отличались от изданных ранее описаний тех же обителей, но юбилеи давали повод к некоторой ревизии, расширению и дополнению их текстов новыми сведениями. Адресованы юбилейные «истории» были все той же аудитории. Вот как, например, обосновывается необходимость очередной книги о Переславском Троицком Данилове монастыре (к тому времени были изданы уже два его описания, подготовленные архим. Павлом (Подлипским) и протоиереем А.И. Свирелиным) ее автором В.Г. Добронравовым: «Обитель намерена торжественно праздновать день 400-летия своего существования. Несомненно, множество читателей преподобного Даниила соберутся в его обитель ради этого торжества. Поэтому представляется вполне благовременным восстановить по возможности историю этой обители, сделать последовательный исторический обзор всему пережитому ей за четыре столетия» [15, с. 3].

Составители описаний в основном стремились следовать академической манере исследования и публикации. Большинство авторов принадлежали к образованной части местного духовенства, имели значимый сан или занимались преподавательской работой. Многие были хорошо начитаны и знакомы с книжными новинками и статьями в области русской истории, древней книжности, архитектуры и археологии (в широком смысле последнего понятия). Главным признаком «академичности» в описаниях являлся интерес авторов к письменным источникам по истории монастырей — их они явно предпочитали «устным преданиям», к сведениям которых прибегали лишь при отсутствии иной, более надежной информации. Метод работы составителей описаний с письменными источниками в целом соответствовал исследовательской культуре того времени. Почти не имея возможности работать в столичных архивохранилищах, они черпали сведения из существовавших в то время публикаций документов, трудов известных историков, присовокупляя к ним данные статистических комиссий и органов местного управления. Главный информационный ресурс представляли собственно монастырские архивы, архивы духовных консисторий и епархиальных правлений. Большинство составителей описаний ограничивались тем кругом документов и других письменных источников, которые находились

в описываемой ими обители. Вот как с критической откровенностью об этом писал один из них: «Материал для настоящего труда взят из того же источника, из какого черпали и прежние исследователи <...>, то есть из монастырского архива. Но считаем нелишним оговориться, что этот обильный материал в общем довольно односторонен и не дает возможности осветить одинаково все стороны монастырской жизни» [15, с. 5]. Использование исключительно монастырского архива давало в результате однобокую и дискретную картину истории монастыря, зияющую многочисленными и нередко хронологически протяженными лакунами, которые авторы пытались заполнить пересказами Житий монастырских подвижников, если таковые имелись в их распоряжении.

Разная степень доступности источников, полноты их содержания, по-видимому, оказывали влияние и на преобладание в описаниях тех или иных элементов, что нашло отражение в формулировках названий конкретных работ. Публикации архим. Леонида представляют характерный пример заметного разнообразия конкретных наименований описаний монастырей, среди которых встречаются следующие варианты: просто «описание», «историческое описание», «историко-статистическое описание», «церковно-историческое описание» [См.: 16]. При этом преобладающим является «историческое описание», что свидетельствует о ярко выраженном интересе архим. Леонида к церковной истории и древностям и показывает, что оказавшийся в его распоряжении материал имел преимущественно характер сведений о прошлом изучаемых им обителей.

Возможность составить описание того или иного монастыря в те времена при отсутствии получения качественных фотоизображений и выполненных технологическим способом копий документов и других источников была строго детерминирована географической близостью местоположения автора и объекта его исследования. Исследователи истории, святынь и древностей православных монастырей должны были иметь доступ к их обозрению, жить в самой обители, городе, в котором она находилась или, как минимум, в близлежащем населенном пункте той же епархии. Лишь изредка описания монастырей появлялись в результате многодневной паломнической поездки. Поэтому внимание некоторых авторов на протяжении всей их жизни было приковано к монастырям, располагавшимся на сравнительно небольшой территории. Так, например, прот. А.И. Свирелин, служивший преподавателем, а потом смотрителем Переславского духовного училища, во второй половине XIX – начале XX в. опубликовал описания нескольких монастырей и храмов Переславля-Залесского и уезда [17]. Его ситуация была типичной для той эпохи. Напротив, уникальная судьба архим. Леонида и некоторых других выдающихся представителей духовенства давала более широкие возможности.

Служба в храме при русском посольстве в Константинополе с 1865 по 1869 г. способствовала поездкам на Афон и Балканы, работе в южнославянских древлехранилищах. С этим периодом жизни архим. Леонида связаны публикации его описаний древних константинопольских, афонских и сербских

монастырей [См., например: 18]. Впоследствии, управляя Воскресенским Ставропигиальным, Новый Иерусалим именуемым монастырем (1869-1877), а затем Троице-Сергиевой лаврой (1877-1891), он был членом Московского архитектурного общества и, следовательно, имел в своем распоряжении информацию о многих подмосковных обителях.

Особый интерес до конца своей жизни архим. Леонид питал к монастырям Калужской епархии. С Калужской землей его связывали воспоминания о детстве и отрочестве, начале духовного пути и церковно-археологической деятельности. Архим. Леонидом были сделаны не только упомянутые выше исторические описания Оптиной пустыни, но и Малоарсланецкого Черноостровского Николаевского, Боровского Пафнутьева, Калужского Лаврентьева и некоторых других действовавших на тот период и упраздненных монастырей [См.: 16].

Особое место среди его публикаций занимает историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря. Описание было сделано в 1876 г. и стало образцовым для своего времени исследованием [19]. Эта монументальная по объему работа включает не только подробное изложение истории обители, характеристику ее устройства и внутренней жизни, монастырского кладбища, построек вотчин, но и публикацию описей церковного имущества, приходо-расходных книг. Внимание архим. Леонида было сосредоточено на XVII в. — золотом для монастыря времени. В рамках книги были опубликованы фрагменты монастырского устава, введенного Святейшим Патриархом Никоном.

Нередко основу монографического труда о той или иной обители составляли статьи самого исследователя, ранее публиковавшиеся в различных периодических изданиях, как, например, в историко-статистическом описании переславского Троицкого Данилова монастыря прот. А.И. Свирелина [5]. В других случаях материал собирался специально для отдельного большого сочинения, публикацию которого не предваряли различного размера заметки этой же тематики в губернской и всероссийской прессе. Такой подход к работе был характерен для известного владимирского исследователя, преподавателя местной духовной семинарии и члена губернской ученой архивной комиссии — В.Г. Добронравова. Его «История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле-Залесском» представляет собой довольно объемное монографическое исследование, выполненное в соответствии со сложившейся к началу XX в. академической традицией [15]. Многие представители церковно-археологической науки, в том числе архим. Леонид, прекрасно сочетали в своем творчестве оба подхода, о чем наглядно свидетельствуют библиографические перечни их публикаций.

Основным методом репрезентации результатов исследования у составителей описаний была дескрипция, подразумевавшая подробное и тщательное изложения собранных сведений, даже если они носили отрывочный характер и не были естественным образом объединены между собой логикой

развития исторических событий. Одной из важнейших задач авторов являлось прославление обителей, о которых они рассказывали. Слава монастыря во многом определялась его древностью. Но наличие точной даты основания обители было редкой и большой удачей для составителя описания. Как правило, речь шла о знаменитых монастырях, основанных известными подвижниками или ктиторами. Тогда это событие бывало зафиксировано в летописной статье, каком-либо акте или в Житии чтимого святого-основателя. Но время появления многочисленных небольших обителей было неизвестно, и установить его с помощью сохранившихся в архивах материалов не представлялось возможным. Тогда в начале рассказа об истории обители появлялись расплывчатые фразы наподобие «существует с давних лет». Либо авторы пытались предложить малообоснованные реконструкции, целью которых было по возможности начать историю обители от «глубокой старины». Так, уже упоминавшийся нами свящ. П.В. Ильинский выстраивал объяснение, почему он считал возможным приписать основание Переславского Никитского монастыря Св. князю Борису в промежутке от 1010 до 1015 г.: «Если возможно признать за достоверное, что святой Борис приходил к Клещинским мерянам и проповедовал среди них Христово учение, то нельзя сомневаться и в том, что он святое слово своей проповеди сопровождал и святым делом. Языческие требища он разрушал, и основывал места христианского почитания. В эту именно пору на оном из Клещинских возвышений, которое у мерян, по всей вероятности, было местом поклонения идолам, и могло быть положено основание Никитскому монастырю — одному из надежных оплотов христианства, насаждавшегося среди неверных» [13, с. 5]. Чувствуя шаткость и уязвимость своей конструкции, сплошь пронизанной оговорками о возможности и вероятности такого хода событий, не подтверждаемых никакими письменными источниками, исследователь прибегает к данным археологии, «доказывающим» правомерность его рассуждений. Ссылаясь на графа А.С. Уварова, П.В. Ильинский подчеркивает, что о христианизации мерян св. кн. Борисом могут свидетельствовать положение костяков в мерянских захоронениях и сопровождающие погребения атрибуты — монеты начала XI в. и металлические кресты [13, с. 5]. Таким образом, несмотря на насыщение своих рассуждений вольными допущениями, автор описания пытался оставаться в границах «ученого» сочинительства.

Систематизированная и наиболее полная историческая часть описаний хронологически начиналась, как правило, с XVI в. В архивах многих древних монастырей сохранялись грамоты Василия III, Ивана Грозного и последующих государей старой и новой династий, вкладные книги и синодики того времени. Эти материалы позволяли восстановить многие важные вехи прошлого той или иной обители. Но, как отмечали некоторые составители описаний, сохранившиеся монастырские документы допетровского времени были связаны преимущественно с особенностями и порядком ведения вотчинного хозяйства, поэтому позволяли с различной степенью успешности рассматривать

экономические аспекты жизни монастырей в XVI–XVII вв. Социальное же и духовное бытие монашеской общины почти не поддавалось реконструкции. Редкие крупницы информации, относящейся к сфере внутренней жизни монастыря, иногда удавалось обнаружить в Житиях его основателей и известных подвижников.

Значительное место во многих описаниях занимала характеристика сохранившихся в монастыре древних церковных построек, стенных росписей, икон, ценных с исторической и художественной точек зрения образцов лицевого шитья и ювелирного дела (крестов, литургических предметов). По мере развития интереса к древнерусскому искусству и древностям, имевшим эстетическое значение, эта часть играла в описаниях все бóльшую роль, представляя монастырь как сокровищницу, достойную внимания не только любителей церковной старины, но и ценителей прекрасного. Таким образом, описания, уже обретшие к началу XX в. стандартный «формуляр», заметно трансформируются и обретают вид «историко-археологических очерков», в которых исторический и эстетический анализ играет более важную роль, чем перечень статистических сведений о хозяйственной деятельности монашеской общины [см., например: 20].

Историописанию XIX – начала XX в. был присущ свободный стиль и слог, выражение мнений, окрашенных эмоциями автора. Как и в книгах профессиональных историков, в описаниях монастырей нарративная часть, написанная литературным языком с множеством ярких эпитетов и включением в повествование вымышленных диалогов между важными историческими лицами или персонажами агиографических сказаний, часто дополнялась публикацией относящихся к истории обители документов и надписей на предметах старины. Это обстоятельство главным образом и способствовало в дальнейшем сохранению значимости описаний для научных исследований.

В первой половине и в середине XIX в. описания монастырей почти не имели иллюстраций. Иногда в качестве таковых выступали одна-две гравюры не очень высокого качества, на которых был представлен общий облик обители и/или ее главного храма [см., например: 2]. К концу века развитие фотографии и типографских технологий существенно расширили возможности иллюстрирования. Вероятно, от количества и качества иллюстраций зависел, в том числе, и коммерческий успех издания, поэтому нередко информация об этих его особенностях выносилась на обложку [см., например: 21].

Резюмируем. Описания монастырей были особым видом презентации результатов исследований в области церковной археологии. В их подготовке участвовали наиболее талантливые и усердные представители церковно-археологической науки и любителей церковной старины, активно участвовавших в деятельности археологических и архивных обществ на местах. Описания соединяли в себе научный подход в работе с источниками, требовавший от исследователя и добросовестности, и наличия критической точки зрения, и навыков популяризации, диктуемой просветительской моделью

исторического знания, преобладавшей в ту эпоху. В течение XIX в. постепенно сложилась и развилась форма описания монастыря, представлявшая своего рода маленькую энциклопедию, посвященную конкретной монашеской обители. Она включала историю монастыря, сведения о хозяйственной жизни, каталог строений, святынь и художественных ценностей, а также публикацию сохранившихся архивных документов. В конце второго десятилетия XX в. традиция составления описаний монастырей была прервана ввиду известных исторических обстоятельств. В настоящее время она частично возобновлена в виде статей в томах Православной энциклопедии.

Список литературы

1. Историческое описание Козельской Введенской Оптиной пустыни и состоящего при сей Скита святого Иоанна Предтечи / сост. Лев Кавелин. СПб., 1847. Ч. I, 229 с.; Ч. II, 26 с.
2. Смирнов С.К. Историческое описание Савино-Сторожевского монастыря. М.: Сенатская тип., 1846. 124 с.
3. [Павел (Подлипский), архим.]. Описание Переяславского Троицкого Данилова монастыря из подлинных монастырских бумаг составленное. М., 1834. 105 с.
4. Чистович И.А. История Санкт-Петербургской Духовной Академии. СПб.: Тип. Якова Трея, 1857. 470 с.
5. Свирелин А.И. Историко-статистическое описание Переславского Троицкого Данилова монастыря. М.: Тип. В. Готье, 1860. 119 с.
6. Раздорский А.И. Историко-статистические описания епархий Русской православной церкви (1848-1916): сводный каталог и указатель содержания / С предисл. и примеч. А.И. Раздорского. СПб.: РНБ, 2007. 960 с.
7. Добренький С.И. Церковно-приходские летописи как исторический источник (середина XIX – начало XX в.): автореф. дисс... канд. ист. наук. М.: РГГУ, 2006. 30 с.
8. Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи. XIX век. М.: Искусство, 1986. 384 с.
9. Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // АЕ за 1974 год. М.: Наука, 1975, с. 3855.
10. Массон В.К. Церковная археология как научное направление российской археологической науки // Церковная археология. Материалы Первой Всероссийской конференции. Псков, 20-24 ноября 1995 года. СПб. – Псков, 1995. Ч.1, с. 7-9.
11. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
12. Шевырев С.П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь: вакационные дни профессора С. Шевырева в 1847 году: в двух частях. М.: Университетская тип., 1850. Ч. I, 154 с.; Ч. II, 132 с.
13. Ильинский П.В. Переславский Никитский монастырь и его подвижник, преподобный Никита Столпник. Владимир, 1897. 43 с.
14. Цимбаев К.Н. Феномен юбилеямии в российской общественной жизни конца XIX – начала XX в. // ВИ. 2005. №11, с. 98-108.
15. Добронровов В.Г. История Троицкого Данилова монастыря в г. Переславле-Залесском. Сергиев Посад, 1908. Ч. 1, 140 с.
16. Анатолий Просвирнин, свящ. Библиография трудов архимандрита Леонида (Кавелина) // БТ. 1972. Вып.9, с. 226-240.
17. Свирелин, протоиерей Александр Иванович (некролог) // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир: Тип. губернского правления, 1907, с. 4-5.
18. Леонид (Кавелин), архим. Историческое описание Сербской царской Лавры Хиландаря и ее отношений к царствам Сербскому и Русскому. М., 1868. 138 с.

19. Леонид (Кавелин), архим. Историческое описание Ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого монастыря, составленное по монастырским актам. М.: Университетская тип., 1876. 768 с.
20. Дмитриев И.Д. Московский первоклассный Новоспасский Ставропигиальный монастырь в его прошлом и настоящем. Историко-археологический очерк. М.: Русская Печатня, 1909. 122 с.
21. Савваитов П.И. Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря (с рисунками по фотографиям священника С.А. Непеина). Вологда: Тип. Вологодского губернского правления, 1902. 58 с.

Для цитирования: Каламкарлова Е. (Монахиня Сергия). Вклад архимандрита Леонида (Кавелина) в изучение истории Владимирской епархии //

URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2022/s/articles/2_6.pdf

DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2022.00.010

УДК 94 (47); 271; 908; 001.814 (2+4)

ВКЛАД АРХИМАНДРИТА ЛЕОНИДА (КАВЕЛИНА) В ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ВЛАДИМИРСКОЙ ЕПАРХИИ

Е. Каламкарлова (Монахиня Сергия)¹

¹ Успенский женский монастырь, г. Александров Владимирской области, Российская Федерация
E-mail: sergia72@mail.ru

Богатое научное наследие архимандрита Леонида (Кавелина, 20.02.1822–22.10.1891) до сих пор полностью не изучено. С юности имея «тяготение к историко-археологическим исследованиям памятников русской старины и церковных преданий» [1, с. 197], он много потрудился на этом пути. В его наследии, как отмечает автор статьи «Православной энциклопедии», «преобладают публикации неизвестных и малоизвестных текстов (в сопровождении исследований и без них) и описания рукописных собраний... Они выполнены, как правило, на уровне российской церковной науки XIX в., но большинство из них сохранило свое значение до настоящего времени, хотя бы уже в силу отсутствия более совершенных публикаций» [2, с. 472].

Неоднократно различными авторами составлялись библиографии трудов о. Леонида, наиболее полная (но не исчерпывающая) была опубликована священником Анатолием Просвирниным (впоследствии архимандрит Иннокентий) в 1972 году [3].

По назначению в 1877 году наместником Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, «несмотря на сложные труды и обязанности по должности наместника, архимандрит Леонид все же не оставлял своих и литературных занятий и, работая большею частью по ночам, написал много ученых трудов и в этот последний период своей жизни. На первом месте мы должны поставить труды его, касающиеся обители преподобного Сергия», — писал А. Никольский [1, с. 203]. Занимаясь изучением богатейших сокровищ Лаврской библиотеки, архимандрит Леонид по свойственной ему широте интересов не мог оставить без внимания и церковные древности ближайшей к Троице-Сергиевой Лавре Владимирской губернии.

Студент Московской духовной академии (МДА) 1888-1892 годов Александр Владимирович Товаров (род. 13.07.1868 г.), сын священника с. Заболотья Переславского уезда Владимирской губернии, отдал дань уважения почившему архимандриту Леониду, написав ему некролог, опубликованный во Владимирских епархиальных ведомостях 15 ноября 1891 года [4]. Отметив личные достоинства, служебные и научные заслуги

почившего, А.В. Товаров подробно изложил обстоятельства кончины отца архимандрита, а также особо указал на значимость его трудов для церковно-исторического и археологического изучения Владимирской земли. «Взоры почившего о. Леонида постоянно обращались к Владимирской епархии; он ценил ее древности и употреблял все старания с своей стороны к их изучению. Особенно его интересовал в этом случае самый город Владимир, более других богатый церковными древностями. обстоятельное изучение церковных древностей Владимирской губернии на месте, и особенно самого города Владимира, было всегдашним делом почившего о. Леонида, и он глубоко сожалел, что преклонные лета не позволяют ему сделать этого, и ему приходится ограничиваться в данном случае только местами или близкими к Лавре, или теми, для которых он мог иметь богатый материал под руками» [4, с. 725-726].

А. Товаров перечисляет в некрологе «собственные труды почившего о. Леонида для истории и археологии Владимирской епархии» [4, с. 727]:

1. Голос в защиту писателей Печерского патерика св. Симона, епископа Владимирского и Суздальского и преподобного Поликарпа, архимандрита Киево-Печерской лавры. — [М.: Б. и., 1860]. — 11 с.
2. Стефан, архиепископ Суздальский, бывший в сане архимандрита первым настоятелем Воскресенского (Новый Иерусалим) монастыря 1656-1679. — Москва: Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, [1876]. — 14 с.
3. Церковно-историческое исследование о древней области вятичей, входившей с начала XV и до конца XVIII столетия в состав Крутицкой и частью Суздальской епархии / Сост. И.Л. — Москва: Унив. тип., 1862. — [4], VIII, 156 с.
4. Летопись Боголюбова монастыря с 1158 по 1770 год, составленная по монастырским актам и записям настоятелем оной обители игуменом Аристархом в 1767-1769 годах. — Москва : Имп. О-во истории и древностей российских при Моск. ун-те, 1878. — [2], 24 с. В конце текста: «Сообщил д. чл. архим. Леонид». — Публикация содержит также список Владимирских архиереев, составленный по той же рукописи. Рукопись была найдена архим. Леонидом в 1850-х годах в Козельской Введенской Оптиной пустыни [5, с. 1] и во многом дополняла и уточняла описание Боголюбова монастыря в издании 1852 года В.И. Доброхотова.
5. Махрицкий монастырь: Синодик и Вкладная книга / Сообщ. д. член архим. Леонид. — Москва : Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1878. — [2], 38 с.; 28. В наши дни эти документы находятся в фондах РГАДА (Ф. 1204. Оп.1, ч.15. Д. 25797), на что указал в своей статье С.В. Демидов [6]. В публикации описано также состояние Махрицкого монастыря в XVII столетии по писцовым книгам 1627-1629 годов [7, с. 15-20], а также его храмы и ризница ко времени издания [7, с. 20-22], приведен список настоятелей игуменского сана [7, с. 23] и опись актов Махрицкого

монастыря [7, с. 23-26]. Также полностью опубликованы тексты 8-ми различных монастырских грамот XV–XVI веков [7, с. 27-38].

6. Историческое и археологическое описание первоклассного Успенского женского монастыря в городе Александрове (Владимирской губернии) / Составил А.Л. — Санкт-Петербург : тип. Имп. АН, 1884. — [2], 160 с., 1 л. портр., 5 л. ил.

К этому списку необходимо добавить три небольших, но заслуживающих внимания публикации:

1. «Таинственный колокольный звон», чрезвычайное происшествие в Цареконстантинове монастыре, 1753 г. / Сообщено архимандритом Леонидом. // Москва : РА. 1878. Кн.7, с. 278-279.
2. Благоверная царевна, великая княжна Марфа Алексеевна, опальная сестра Петра Великого (в монашестве Маргарита). Новонайденные письма ее, с предисловием и объяснениями архимандрита Леонида // Москва : РА. 1882. Кн. IX. Вып.5, с. 27-41. (Текст был включен в описание Успенского монастыря г. Александрова 1884 года).
3. Две грамоты царя Ивана Васильевича Грозного в Суздальский Покровский девичий монастырь, 1580 и 1582 гг. / Сообщил А. Леонид. — Москва : РА. 1888 г. Вып.5, с. 63.

Указанные труды архим. Леонида большей частью представляют собой публикации архивных документов. Самыми значительными из них являются материалы для описания истории монастырей Владимирской губернии: Боголюбова, Махрищского и Александровского.

Наиболее обстоятельным и представляющим для нас интерес является сочинение архимандрита Леонида «Историческое и археологическое описание первоклассного Успенского женского монастыря в городе Александрове (Владимирской губернии)» [8; 9].

При визите в недалекий от Сергиева посада Александровский монастырь Лаврский наместник убедился в том, что «немногие из русских женских обителей сохранили в стенах своих такое богатство и разнообразие исторических воспоминаний, как обитель Успенская», также как немногие знают это и посещают ее [9, с. 5]. Несмотря на то, что бывавшие в Успенском монастыре г. Александрова археологи и писатели XIX столетия оставили различные описания его, к началу 1880-х годов монастырь не имел отдельного цельного описания своей истории и достопримечательностей. Придя к выводу, что имевшихся публикаций недостаточно для того, чтобы «удовлетворить любознательность почитателей русской старины, которые пожелали бы с книгою в руках «помянуть часть дней древних» в г. Александрове» [9, с. 4], задачу составить таковое и принял на себя архимандрит Леонид.

Готовя это издание, он изучил материалы по истории Успенской обители: описание «Васильевских дверей» Троицкого собора Н.Н. Мурзакевича¹ и

¹ Журнал Мин-ва Народного Просвещения. 1837 г., Декабрь, с. 600-622.

заметки посетившего монастырь в 1847 году профессора С.П. Шевырева¹. Описание монастыря, сделанное в 1852 году магистром богословия иеромонахом Иоасафом (Гапоновым) и опубликованное с небольшими изменениями во «Владимирском сборнике» 1857 года [10, с. 95-107], отец Леонид изучил в первоначальном варианте. Рукописная копия этого источника, а также список Летописи Успенского монастыря XVIII века с его уточняющими пометками хранятся сейчас в фонде №148 ОР РГБ [11; 12].

Ознакомился архимандрит Леонид также с изданными к тому времени сочинениями об истории монастыря в XVII–XVIII веке александровского дворянина Николая Семеновича Стромилова: «Цесаревна Елисавета Петровна в Александровой слободе и Успенский девичий монастырь в то же время» (М., 1874.) и «Царевна Марфа, сестра Петра Великого: Ист. биогр.» (см.: Александрова Слобода в XVII в. и Успенский девичий монастырь (1612-1699 гг.). Владимир, 1883).

Стромилов подробно изучал монастырские документы и использовал их в своих трудах, но сочинения его были во многом беллетристическими и не лишены художественных прикрас. В отличие от него, архимандрит Леонид (Кавелин) придерживался строгой научной формы и лишь дополнял имеющиеся исторические источники своими комментариями. К увлеченному собиранием старинных документов Н.С. Стромилову в церковной среде относились настороженно. Как светскому лицу ему приходилось просить разрешения на доступ в монастырские архивы во Владимирской Духовной Консистолии, где предписали настоятелям выдавать ему документы для изучения под строгим надзором [13, л. 3-4]. Для лица духовного сословия, к тому же обладавшего большим авторитетом в церковных и научных кругах, каким являлся архимандрит Леонид (Кавелин), такого разрешения не требовалось, и его беспрепятственно допускали в монастырскую библиотеку и ризницу, считая для себя честью его посещение.

Составленное архим. Леонидом описание монастыря поделено на XII глав: I. «Новая Александрова слобода в XVI и XVII столетиях, до основания в ней Успенского девичьего монастыря в 1651 году» [9, с. 7-13].

II. «Монастырский летописец или сказание об основании Успенской девичьей обители и о деятельности ее первоначальников преподобных отцев Лукиана и Корнилия к ее благоустройству внутреннему и внешнему, составленное в первой половине XVIII столетия» [9, с. 14-39] — Первая публикация единственного списка уникального документа конца XVII века, хранившегося в монастыре. В наше время этот документ находится в фондах Государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника «Александровская слобода» (шифр АМ–1793/266) и был опубликован с комментариями и примечаниями Б.Н. Морозовым в 2006 году

¹ Там же: «Поездка в Кириллов Белозерский монастырь в 1847 году», с. 36-44.

с указанием некоторых ошибок и неточностей при первом издании памятника [14].

III. «История Успенской женской обители по монастырским актам»: а) с 1651 по 1696 г. [9, с. 39-65].; б) с 1696 по 1725 г. [9, с. 65-71]; в) с 1727 по 1764 г. [9, с. 71-81] — составлено на основании сохранившихся в монастыре и московских архивах документов.

IV. «Настоятельница монастыря» [9, с. 81-84]. Краткие сведения о 21 настоятельнице с основания монастыря. Ошибочно указано имя назначенной в мае 1883 года настоятельницей Евфрасии — Евфросинией.

V. «Храмы и другие здания» [9, с. 84-94].

VI. «Новгородские Васильевские и Тверские медные двери, в Троицком соборе Успенской обители» [9, с. 94-107].

VII. «Ризница и достопримечательные в ней вещи» [9, с. 107-113] — описание наиболее ценных предметов XVII–XVIII столетий и надписей на них.

VIII. «Синодики Успенской обители» [9, с. 113-121] — сокращенная публикация двух наиболее древних синодиков конца XVII – первой половины XVIII века.

IX. «Рукописи Александровского Успенского женского монастыря» [9, с. 122-146]. Всего перечислены 35 рукописей, с изложением наиболее ценных фрагментов из них. В настоящее время все они хранятся в Государственном историческом музее, кроме №29 с описанием чудес от монастырских икон (в фондах музея-заповедника «Александровская слобода»), — опубликовано полностью Л.В. Мошковой [15].

X. «Крестные ходы» [9, с. 146-148].

XI. «Царская жалованная и патриаршие грамоты» [9, с. 148-160], всего 8.

XII. «Благоверная царица великая княжна Марфа Алексеевна» [9, с. 160-177] с публикацией имеющихся в архиве монастыря ее писем. Ранее в 1882 году вышло отдельным изданием [16].

Книга была снабжена шестью листами иллюстраций, сделанных с фотографий московского фотографа Отто Ренара: вид монастыря с западной стороны; виды Покровской церкви и Троицкого собора; вид Успенской церкви; изображение Новгородских Васильевских дверей XIV века; арка Васильевских дверей в Троицком соборе и колокольня XVI века с кельей при ней царевны схимонахини Маргариты Алексеевны; портрет царевны Марфы Алексеевны.

В монастыре труд отца Леонида восприняли с величайшей радостью. Игуменья Елисавета (Лаврова), в настоятельство которой архимандрит Леонид посещал Успенский монастырь для знакомства с его древностями, архивами и библиотекой, чтобы подготовить к изданию описания обители, выразила ему свое почтение и благодарность в двух письмах, которые сохранились до наших дней в фонде архим. Леонида (Кавелина) в РГБ [17]. Поздравляя отца архимандрита в начале января 1883 года с Новым годом, почтенная 89-летняя матушка Елисавета писала: «Приношу Вам мою искреннейшую благодарность за Ваше доброе благорасположение и всегдашнее внимание ко мне, убогой

старнице, а также и за те великия милости Ваши, оказываемыя к нашей Обители, этот памятник с именем Вашим навсегда останется неизгладимым в Обители сей. Царица Небесная Сама воздаст Вам за все сие Своею милостию. Поручаю себя и Обитель Вашим Св. молитвам, имею честь пребыть глубокоуважающая Вас недостойная о Вас богомолица Игуменья Елисавета» [17, л. 1]. С письмом в подарок были посланы четки работы монахинь и просфора, вынутая в Успенском монастыре о здравии отца архимандрита.

В письме от 15 марта того же 1883 года, поздравляя отца Леонида с началом Святой Четырдесятницы — Великого поста, матушка игуменья молитвенно желает ему эти дни «препроводить в мире, спокойствии душевном и встретить Светлый праздник радостно и в вожделенном здравии». Она извещает архимандрита Леонида о доставке в монастырь изданной его стараниями литографии: «На днях я имела удовольствие получить 300 экземпляров вида нашей обители». Принося свою благодарность за благодеяния отца Леонида к монастырю и к ней лично, игуменья Елисавета обещает «до гроба молить Господа и Пречистую Его Матерь о здравии Вашем, благоденствии и долгоденствии» [17, л. 3].

По свойственным ему нестяжательству и скромности, свой труд по истории Успенского женского монастыря в городе Александрове архимандрит Леонид (Кавелин) составил безвозмездно и подписал инициалами: «В пользу монастыря составил А.Л.». Это было, скорее, правилом его жизни. Как писал в некрологе об отце Леониде Д. Корсаков, «он никогда не получал денежного вознаграждения за свои литературные и ученые труды: "я монах и не торгую своим ученым трудом", — говорил он не раз. Доход же с исторических описаний монастырей, поступавших в продажу, он предоставлял в пользу этих монастырей» [18, с. 136].

Описание монастыря было издано дважды: в 1884 году напечатано в Санкт-Петербургской типографии Императорской Академии наук; в 1891 году — в Москве, в Типолиитографии И. Ефимова. Вероятно, первый тираж был небольшим, и спустя несколько лет его раскупили. К нашему времени сохранились в основном издания 1891 года (2 экземпляра имеется в монастырском музее Успенского монастыря г. Александрова, одно из них принадлежало монастырскому диакону Александру Петрову, другое — инокине обители Домнине (Питерцевой).

Игуменья Елисавета (Лаврова) не дождалась выхода в печать описания монастыря. В мае того же года она вышла по прошению на покой, а в начале августа скончалась. Нам неизвестно, находилась ли ее преемница в должности настоятельницы монастыря — игуменья Евфрасия (Лихарева) — в столь же теплых отношениях с архимандритом Леонидом, но Троице-Сергиеву Лавру для богомолья она посещала нередко, а составленное архимандритом Леонидом описание обители весьма ценила. Уже в годы ее настоятельства книга была издана вторично, а на последней своей прижизненной фотографии (ок. 1912 г.) игуменья Евфрасия предпочла, чтобы ее запечатлели с этой книгой в руках.

Труд архимандрита Леонида о монастыре был солидным изданием, и его использовали в Успенской обители как достойный подарок для именитых гостей. «4-го марта 1897 года квартировавший в городе Александрове саперный баталион справлял свой столетний юбилей. На торжество изволил прибыть в город Александров главнокомандующий московского военного округа Его Императорское Высочество Великий Князь Сергей Александрович и благоволил при этом посетить Александровский Успенский женский монастырь. Игуменья Евфрасия удостоилась поднести Его Императорскому Высочеству икону Покрова Пресвятой Богородицы и книгу архимандрита Леонида «Историческое и археологическое описание Успенского первоклассного женского монастыря в городе Александрове» [19, с. 56].

Свою значимость это издание сохранило и по сей день. Благодаря фундаментальному исследованию архимандрита Леонида многие документы и рукописи, утраченные или поступившие после закрытия монастыря в 1923 году в различные музейные фонды, все же доступны для ознакомления широкому кругу интересующихся монастырской историей.

Вклад архимандрита Леонида в изучение церковной истории Владимирской земли — не только его собственные исследования и публикации, но также его вдохновляющий пример и руководящие указания по этой теме молодым исследователям — уроженцам Владимирской губернии. На эту его заслугу указал автор владимирского некролога А.В. Товаров.

«В высшей степени интересуясь древностями Владимирской епархии, делая с своей стороны все к изучению их, но не имея возможности заняться их изучением во всей должной полноте и обстоятельности, особенно путем местного ознакомления с ними, почивший о. Леонид старался восполнить этот недостаток, привлекая к работе других лиц, родственно связанных с Владимирской епархией. Особенно заветным желанием для почившего о. Леонида по отношению к Владимирской епархии было составление ее полного Патерика (сборник житий святых и подвижников благочестия). Эту мысль почивший незадолго до своей смерти высказал помощнику инспектора М.Д. Академии Н.М. Миловскому. Он убедительно просил последнего заняться этим делом, приняв на себя в этом случае главное редакторство и привлекая к участию в нем молодые силы тех студентов академии, которые родственно связаны с Владимирской губернией. При этом о. Леонид указывал на те богатые средства, которые дают к осуществлению такого предприятия с одной стороны Лаврская и Академическая библиотеки, с другой близость Москвы с ее еще более богатыми книгохранилищами. С своей же стороны обещал все свое содействие и руководство по этому делу» [4, с. 726-727].

Автор некролога — Александр Владимирович Товаров — не без содействия архимандрита Леонида был увлечен изучением церковной истории и сохранил этот интерес в дальнейшей жизни. По окончании МДА он вынужден был покинуть пределы Владимирской епархии и по долгу службы оказался в Минской епархии, где с 1893 года по август 1905 года был преподавателем

истории, обличения русского раскола и обличительного богословия, а также библиотекарем Минской духовной семинарии [20, с. 4]. С 3 августа 1898 г. по сентябрь 1905 г. А.В. Товаров состоял редактором Минских епархиальных ведомостей. Им были составлены справочники: «Историко-статистическая книжка Минской епархии: Ист.-стат. обзор городов, церквей и приходов Мин. епархии» и издание «Личный состав епархиального управления, епархиальных учреждений, духовно-учебных заведений, монастырей, духовенства и учащихся в церковно-приходских школах Минской епархии», а также написан «Исторический очерк Минской губернии в начальную пору существования Русского государства: [От основания Рус. государства до распространения государства Литвы]».

Старший товарищ Александра Товарова по МДА, во многом предоставивший ему сведения для написания некролога архимандрита Леонида, протоиерей Николай Михайлович Миловский (23.02.1861 – 01.09.1927), сын священника города Шуи, по окончании академии занимал в ней с 1888 по 1892 год должность инспектора, а затем до своей кончины был священником в городе Москве. Благодаря влиянию своего дяди, профессора МДА Николая Ивановича Субботина, и наместника Лавры архимандрита Леонида (Кавелина), — он с юношеских лет на протяжении всей своей жизни занимался научно-исследовательской деятельностью, опубликовал около 15 исторических и богословских трудов [21, с. 110-112]. Советами архимандрита Леонида Николай Миловский пользовался при написании своей работы «Описание Спасской церкви в гор. Шуе», по его рекомендации он подготовил исследование «Неканонизованные святые гор. Шуи» (М.: Унив. тип., 1893) [4, с. 726, 728].

Кроме собственных изданий архимандрита Леонида по истории Владимирских древностей, «сколько трудов в этой области вышло при его непосредственном руководстве и содействии!», — писал в некрологе архимандриту Леониду А. Товаров [4, с. 728]. Одна из таких работ — «Древние гробницы во Владимирском кафедральном Успенском соборе и Успенском Княгининском девичьем монастыре и погребенные в них князья, княгини и святители: с изображением одной гробницы и с приложением статьи «Обновление Владимирского кафедрального Успенского собора»¹. Ее автор — архимандрит Порфирий², сын известного владимирского протоиерея и церковного писателя Александра Ивановича Виноградова — во время обучения в Московской духовной академии также был вдохновлен примером архивно-исторических трудов наместника Лавры архимандрита Леонида.

По пострижении и рукоположении, служба в должности инспектора, а затем ректора Орловской духовной семинарии, иеромонах Порфирий (Виноградов) в

¹ [соч.] Архим. Порфирия Изд. 1-е. — Владимир : Печатня В.А. Паркова, 1890. 132 с.; Изд. 2-е доп. — Владимир : Тип. губерн. правления, 1903. 132 с.

² Павел Александрович Виноградов, 22.01.1864–21.03.1905.

1890-1891 годах дважды в письмах обращался к архимандриту Леониду. 9 ноября 1890 года, посылая ему свою исследовательскую работу о Владимирских гробницах, иеромонах Порфирий писал: «Усерднейше прошу Вас принять ее как выражение своей глубокой признательности Вам за Ваше милостивое внимание ко мне еще во время учения моего в Академии и во время последнего посещения мною Св. Лавры в июне месяце текущего года, а также за Ваше руководство меня в отношении одного важного и трудного вопроса, входящего в мое сочинение. — Я разумею вопрос о Святителе Симоне. Благодаря указаниям Вашего Высокопреподобия, немедленно по приезде из Лавры, я мог достать необходимые источники и в скором времени, доверяясь авторитету Вашей учености, с некоторою смелостию сделал попытку разрешения вопроса в довольно большом подстрочном примечании. Неизъяснимо благодарен Вам, Ваше Высокопреподобие, за Вашу помощь мне! Чрез Вас подал помощь мне в моем труде как бы сам Св. Великий Угодник Божий Сергей» [22, л. 1]. «При составлении моего сочинения весьма полезен оказался и присланный Вашим Высокопреподобием в редакцию Епархиальных Владимирских Ведомостей отрывок из сборника Троице-Сергиевой Лавры XVII века с описанием Владимирского собора и его гробниц» [22, л. 1 об.].

В письме от апреля 1891 года иеромонах Порфирий выражает свою глубокую сердечную благодарность за дорогой для него подарок от архимандрита Леонида — книгу «Святая Русь» и за расположение и внимание к нему отца наместника [22, л. 3]. Вероятно, общение этих двух ревнителей и любителей церковной истории продолжалось бы и далее, если бы не прервала его в том же году кончина отца архимандрита Леонида.

Список литературы

1. Никольский А. Леонид (Кавелин) // Русский биографический словарь: в 25 т. СПб.: Тип. Главного Управления уделов, 1914. Т. X, с. 196-206.
2. Смирнова И.Ю. Леонид (Кавелин Лев Александрович) // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2015. Т.40, с. 467-473.
3. Просвирнин А., свящ. Труды архимандрита Леонида Кавелина // Богословские труды. 1972. №9, с. 226-240.
4. Товаров А.В. Наместник Троице-Сергиевой Лавры, Архимандрит Леонид (Некролог) // Владимир. епарх. ведомости. 1891. №22. Ч. неофиц, с. 722-728.
5. Аристарх, иг., Леонид (Кавелин), архим. Летопись Боголюбова монастыря с 1158 по 1770 год, составленная по монастырским актам и записям настоятелем оной обители игуменом Аристархом в 1767-1769 годах. М.: Имп. ОИДР, 1878. [2], 24 с.
6. Демидов С.В. Троицкий собор Стефано-Махрищского монастыря // Искусство христианского мира: сб. ст. М.: Изд-во ПСТБИ, 2003. Вып. 7, с.327–334.
7. Леонид (Кавелин), архим. Махрищский монастырь: Синодик и Вкладная книга. М.: Имп. ОИДР, 1878. [2], 38 с.
8. Леонид (Кавелин), архим. Историческое и археологическое описание первоклассного Успенского женского монастыря в городе Александрове (Владимирской губернии). СПб.: Тип. Имп. АН, 1884. [2], 160 с.

9. Леонид (Кавелин), архим. Историческое и археологическое описание первоклассного Успенского женского монастыря в городе Александрове (Владимирской губернии). 2-е изд. М.: Типо-лит. И. Ефимова, 1891. 177 с.
10. Тихонравов К.Н. Успенский первоклассный женский монастырь в г. Александрове // Владимирский сборник. М.: Унив. тип., 1857, с. 95-107.
11. НИОР РГБ. Ф. 148. К. 10. №61. Иоасаф, иером., магистр. Александровский первоклассный Успенский монастырь. 1852 г. 28 л.
12. НИОР РГБ. Ф. 148. К. 13. №31. «О зачатии Успенского девичьего монастыря, что в Александровой слободе общего жительство» — выписка из «Тетради, или Летописи Переславского уезду Залеского дворцовой Александровой слободы Александровских управительских дел подканцеляриста Ивана Ларионова сына Зубова. Зачата писать августа 31 числа 1767 году». Писарская скоропись с правкой и примечаниями рукой архим. Леонида (Кавелина). Чернила, карандаш. Сброшюровано. (1800-е?). 20 л.
13. ГАВО. Ф. 556. Оп. 1. Д. 2300. Л. 1-4.
14. Морозов Б.Н. Сказание об Успенском монастыре в Александровской слободе // Вестник церковной истории. 2006. №4, с. 5-31.
15. Мошкова Л.В. Сказание о чудесах от икон Богородицы в Успенском девичьем монастыре Александровской слободы // Вестник церковной истории. 2007. №1, с. 5-30.
16. Леонид (Кавелин), архим. Благоверная царевна великая княжна Марфа Алексеевна, опальная сестра Петра Великого (в монашестве Маргарита). Новонайденные письма ее, с предисловием и объяснениями архимандрита Леонида // Русский Архив. 1882. Кн. IX. Вып.5, с. 27-41.
17. НИОР РГБ. Ф. 148. К. 12. №22. Елисавета, иг. Александровского Успенского монастыря. Письмо 1883 г. 4 л.
18. Корсаков Д.А. Архимандрит Леонид (Кавелин) // Журнал Министерства народного просвещения. 1891. №12 (декабрь), с. 126-146.
19. Виноградов С.А., свящ. Летопись Первоклассного Успенского женского монастыря в гор. Александрове, Владимирской губ. с 1883 по 1913 годы. М.: Типо-лит. Т.А. Подрезкова, 1913. 66 с.
20. Списки лиц, служащих в Духовно-учебных заведениях Минской епархии. Приложение к Минским Епархиальным ведомостям. Минск: Паровая типо-литография Б.И. Соломонова, 1903 г, с. 1-6.
21. Грамматин А.С., Бенедиктов А.А. Родственные поколения священнослужителей Владимирской епархии. М.: Старая Басманная, 2015. 175 с.
22. НИОР РГБ. Ф. 148. К. 9. №14. Порфирий, иером., инспектор Орловской Духовной семинарии. Письма 1890-1891 гг. 4 л.

Для цитирования: Инговатов В.Ю. Образ «Святой Руси» в творческом наследии архимандрита Леонида (Кавелина) //

URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2022/s/articles/2_7.pdf

DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2022.00.011

УДК 130.2

ОБРАЗ «СВЯТОЙ РУСИ» В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ АРХИМАНДРИТА ЛЕОНИДА (КАВЕЛИНА)

В.Ю. Инговатов¹

¹ ФГБОУВО «Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова», г. Барнаул, Россия
E-mail: Ingvlad@mail.ru

Введение

В переломные моменты истории общество ищет в своём прошлом ответы на волнующие его вопросы. Определение своей идентичности, принадлежности — в самом широком смысле этого слова — к наследию своих предков есть насущная потребность духовной культуры. История нашей Родины здесь совсем не исключение. Более того, само понятие «Родина» становится той отправной точкой, вокруг которой разворачиваются сакральные смыслы присутствия народа в мире. Исторические вызовы и различного рода изломы лишь подчеркивают остроту этой проблемы. Поэтому ожидания общества, его представления о ценностях непременно приобретают экзистенциальный характер в периоды духовных неурядиц и междоусобиц. В один из таких поворотных периодов нашей истории в 1916 году православный мыслитель Е.Н. Трубецкой писал: «...будем помнить: великий духовный подъем и великая творческая мысль, особенно мысль религиозная, всегда выковываются страданиями народов и великими испытаниями. Быть может, и наши страдания — предвестники чего-то неизреченного великого, что должно родиться в мир» [1].

За два десятилетия до приведенных выше и написанных князем Е.Н. Трубецким слов архим. Леонид (Кавелин) представил исследование, где зафиксировал исторические сведения о святых и подвижниках благочестия на Руси. Эта масштабная работа сыграла важную роль в укреплении православных основ в духовной жизни России. Здесь необходимо отметить, как подчеркивал С.Н. Булгаков, что «святые являются нашими молитвенниками и покровителями в небесах и поэтому живыми и деятельными членами Церкви воинствующей, земной. Их благодатное присутствие в Церкви, внешне являемое в их иконах и мощах, окружает нас как бы молитвенным облаком славы Божией. Оно не отделяет нас от Христа, но приближает к Нему, соединяет с Ним» [2, с. 259]. Именно в этом ключе и следует, прежде всего, оценивать труд архим. Леонида (Кавелина), посвященный образу «Святой Руси» и содержащий описание благодатной деятельности и духовных подвигов русских святых.

1. Духовно-исторические основания образа «Святой Руси»

Работа по систематизации и исторической достоверности сведений о русских подвижниках благочестия, проделанная архим. Леонидом (Кавелиным) в конце XIX столетия, заслуживает большого уважения и пристального изучения. Вся суть православия сосредоточена в образах и духовных судьбах его святых. В этих земных подвигах подвижников веры и обнаруживает себя образ Святой Руси. Однако было бы непростительным упрощением сводить истолкование опыта христианской веры к назидательному народному фольклору. Прот. Г. Флоровский в известном своем труде по истории русского богословия подчеркивал, что «ради благочестия принято даже теперь говорить о вере каким-то поддельным, мнимо народным, не естественным, жалостливым языком. Это самый опасный вид обскурантизма...» [3, с. 504]. Архим. Леонид прекрасно это понимал, когда взялся за изложение сведений о «всех святых и подвижниках благочестия на Руси». Но не мог он игнорировать и огромный массив информации, который уже был зафиксирован в месяцеслове (святцах) — церковном календаре с указанием памяти святых и связанных с ними круга церковных праздников.

Сам жанр святцев — как отдельных рукописных или печатных текстов — получил развитие в XVII–XIX столетиях. Корни этого жанра обнаруживаются в ещё более древней русской летописной традиции. Практика создания таких текстов свидетельствует о почитании на конкретной территории подвижника или причисляемого к лику святого. Точность изложения указаний и сведений не могла быть слишком высокой по совершенно объективным причинам: древнерусские сочинители обращались не столько к историческим источникам духовного подвига христианина, сколько указывали на массовое почитание и установление празднование того или иного святого.

Архим. Леонид берется, таким образом, за выполнение специального исследования по русской агиографии. Как он сам поясняет, его интересуют сведения о русских святых и подвижниках. Полученные результаты работы о каждом таком лице он помещает в отдельные параграфы. Отметим также, что сам автор свою мотивацию этого труда определяет так: «Желательно, чтобы настоящая книжка побудила местных читателей памяти святых составить Патерики по областям и городам: Новгородской, Псковской, Московской, Ярославской, Ростовской и иных, причем особенно желательно, чтобы существующие жития нарочитых святых непременно были напечатаны вплоть до самых древних и исправных, дошедших до нас списков первой начальной редакции (если их несколько)» [4]. По задумке архим. Леонида, данные о каждом лице заключаются в пяти следующих графах:

1. Имя и звание святого (Князь, Княгиня, Святитель, Преподобный, Архимандрит, Игумен, Игуменья, Блаженный (юродивый), Праведный, Праведная, Затворник, Верижник, Пустынный).
2. Год и число преставления (если известны) или одно столетие, в коем оно последовало.

3. День памяти, открытия или перенесения мощей (если таковые известны).
4. Место погребения: где и как почивают мощи — открыто или под спудом. Если открыто, в раке — сведения об одной, когда и какая, и кем устроена.
5. Есть ли житие и служба? Когда и кем составлены? В списках какого века сохранились?» [4].

Особо подчеркивается, что в книге автором упоминается 795 имен (до XVII в.), а жития святых содержат не более «двухсот имен». Такая ремарка совершенно очевидно указывается архим. Леонидом с простой целью: побудить новых исследователей образов Святой Руси к восполнению пробелов в истории Церкви.

Таким образом, усилия архим. Леонида вполне укладываются в общую церковную практику, когда сведения о святых стали вводить в особые сборники. Из истории христианской Церкви известно, что уже к IV столетию стали появляться своды или списки имен мучеников с указанием дня их церковного поминовения [5, с. 17]. В дальнейшем они могли облекаться в форму календарей или диптихов (триптихов, петаптихи и т.д.), которые представляли собой таблички с именами членов поместной общины, упоминаемых за Божественной Литургией. В качестве примера из отечественной истории отметим, что одними из первых оригинальных опытов агиографии можно назвать «Чтение о св. Борисе и Глебе» или «Житие Феодосия Печерского», написанные Нестором Летописцем. В дальнейшем такая литературная и духовная практика получит самое широкое распространение в летописной традиции на Руси.

2. Духовно-метафизические конструкторы образа «Святой Руси»

Известный духовный писатель второй половины XIX столетия архим. Феодор (Бахарев), современник архим. Леонида, отмечал: «простота веры наших предков была такова, что разумно обнимала не только прямо церковную, но и гражданскую жизнь нашего народа; но как, в каком порядке это было, отчетливо осознать это предлежит уже нашему позднему времени» [6, с. 91]. Собственно, такую работу и попытался осуществить архим. Леонид. В православной традиции принято считать, что «Церковь знает разные чины святости или духовные образы спасения: пророки, мученики, святители, вселенские учителя, преподобные иноки, воины и цари, врачи и бессребренники, и этот перечень не имеет, конечно, исчерпывающего характера... При этом, не все святые ведомы миру, есть такие, которых Господь заключил в безвестность. Есть праздник всех святых, когда творится память, во-первых, всех святых в их единении, а во-вторых, всех святых не только прославленных, но и не прославленных» [2, с. 262]. Отсюда и главная смысловая задача архим. Леонида: показать историко-духовные основания образа «Святой Руси» непосредственно через жизнеописание благочестивых подвижников в русском православии. Ведь святость столь же многообразна, как и человеческие индивидуальности.

Одна из самых серьезных проблем на этом пути состоит в ложной рационализации веры. Итогом такой рационализации может стать ошибочное доверие понятийной форме, стремящейся зафиксировать истины Богопознания через упрощение и примитивизацию каритативного («сердечного») знания. Заметим, что духовное зрение посредством трансцендентирования проясняет бытие, удостоверяя нас в его подлинном существовании. Поэтому смысл религиозных практик познания состоит в том, чтобы с помощью конечного (предметного или понятийного представления) мыслить бесконечное и беспредметное бытие. Если же бесконечное фиксируется в конечном, появляется не истинное знание о мире, а рациональное понятие о нем. Иначе говоря, не знаки о мире суть подлинное знание, а трансцендентное постижение бытия, дающее смысл существованию миру. Речь не идет о недоверии разуму как таковому. В конце концов, человеческое мышление не может не быть понятийным и рационально организованным. Однако в познании таких сверхрациональных явлений как святость мы имеем дело с неким «металогическим единством», «непостижимым» (С.Л. Франк), определяющим и направляющим само наше бытие. Отсюда выводится два рода знания о человеческом существовании: непосредственное, данное в «металогической цельности и сплошности» [7, с. 229], т.е. первичное знание; и вторичное, отвлеченное и в этом смысле выразимое в понятиях и суждениях.

В качестве иллюстрации к выше сказанному, отметим, что нет какой-либо «верификации» святости, которую можно было бы подтвердить экспериментально или зафиксировать в каких-то единицах измерения. Как же узнает Церковь о «тайне суда Божия, прославляющего святых? Иными словами, как совершается прославление святых? По существу на этот вопрос следует ответить так, что так или иначе оно становится самоочевидно для Церкви, ибо свидетельствуется особыми знамениями, различающимися в разных случаях (чудеса, нетление мощей, главное же осязательная благодатная помощь). Церковная власть своим актом только свидетельствует эту самоочевидность, которая есть дело соборного самосознания Церкви, и узаконивает почитание святых» [2, с. 266].

Этот принципиальный момент подчеркивает и Г.П. Федотов в своем известном исследовании, посвященном святым Древней Руси. Он указывает, что «...допетровская святость Русской Церкви была уже цельной и законченной... Первое и последнее впечатление, которое остается при изучении этой святости — ее светлая мерность, отсутствие радикализма, крайних и резких отклонений от завещанного древностью христианского идеала. В монашестве мы почти не видим жестокой аскезы, практики самоистязаний. Господствующая аскеза русских святых — пост и труд. Оттого постничество и трудничество, наряду с подвижничеством, суть русские переводы не привившегося у нас слова "аскеза"» [8]. Один из первых опытов такого подвижничества в монашестве на Руси связывается с деятельностью Сергия

Радонежского и Нила Сорского. Он снискал им широчайшую известность и общенародное почитание.

Особо обращает на себя внимание то, что каждый день церковного года освящается памятью святых, которым через молитвенное обращение воздается особое почитание. В этом контексте проявляется не только установка на обращение к высшему, «горнему» миру, но и достижение единения с Богом через энергию святости. Отсюда проистекает и практика канонизации святых. Как замечает Г.П. Федотов: «Акт канонизации — иногда торжественный, иногда безмолвный — не означает определения небесной славы подвижника, но обращается к земной церкви, призывая к почитанию святого в формах общественного богослужения. Церковь знает о существовании неведомых святых, слава которых не открыта на земле. Церковь никогда не запрещала частной молитвы, т.е. обращения с просьбой о молитве к усопшим праведникам, ею не прославленным. В этой молитве живых за усопших и молитве усопшим, предполагающей ответную молитву усопших за живых, выражается единение Церкви небесной и земной, то “общение святых”, о котором говорит “апостольский” символ веры» [8].

Таким образом, образ «Святой Руси» у архим. Леонида приобретает принципиально новую — духовно-культурную — форму памяти о единстве народа и его исторического призвания. Понятие «Святая Русь» с самого своего появления имеет не просто географическое или этническое, а прежде всего, духовно нравственное значение. И как заметил В.Н. Топоров: «Образ же Святой Руси полнее всего передает собор святых, предстателей перед Богом и одновременно дар Ему от Святой Руси. «Якоже плод красный Твоего спасительного сеяния, земля Российская приносит Ти, Господи, вся святая, в той просиявшие. Тех молитвами в мире глубоце церковь и страну нашу Богородицею соблюди, многомилостиве», — говорится в «Тропаре всем святым в земли Российской просиявшим» [9].

Божественное познание, осуществляемое через земную жизнь святых угодников посредством «живого знания» (А.С. Хомяков), вскрывает изначальную онтологичность мира. И пусть божественное остается невыразимым, но оно вносит в нашу жизнь внеземную красоту. Как заметил В.В. Зеньковский: «Это не платонизм, а утверждение иерархического принципа, т.е. подчинения земного небесному» и в нем «сильна жажда утвердить и в отдельном человеке, и в мире примат духовной правды» [10, с. 42-43].

Выводы

Труд архим. Леонида (Кавелина), посвященный исследованию образа Святой Руси, раскрывает особенности формирования русской духовной идентичности, опирающейся на православное понимание человеческого призвания в мире. Святые, согласно православной традиции, понимаются у него как молитвенники и покровители человека на небесах. Они суть живые и деятельные члены Церкви. Поэтому так важно использовать духовное

достояние народа, доставшееся нам от прошлых поколений и которое есть дар Божий, для сохранения нашей самобытности и исполнения нашего исторического призвания.

Список литературы

1. Трубецкой Е. Н. Два мира в древнерусской иконописи / Е.Н. Трубецкой [Электронный ресурс] — URL : <https://arheve.com/read/trubeckoy-en/dva-mira-v-drevnerusskoy-ikonopisi/62399>
2. Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения православной Церкви. М.: Терра, 1991. 416 с.
3. Флоровский Г.В. Пути русского богословия. Париж: YMKA-PRESS, 1983. 600 с.
4. Леонид (Кавелин), архим. Святая Русь, или Сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII в.). СПб., 1891. — URL: http://krotov.info/libr_min/11_k/av/elin_01.htm
5. Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства / А.Б. Ранович. [Текст]. Античные критики христианства. М.: Политиздат, 1990. 479 с.
6. Феодор (Бахарев), архим. О духовных потребностях жизни. М.: Столица, 1991. 320 с.
7. Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии // Сочинения / С. Л. Франк. [Текст]. М.: Правда, 1990, с. 183-555.
8. Федотов Г.П. Святые Древней Руси / Г.П. Федотов. — URL: <https://predanie.ru/book/69666-svyatye-drevney-rusi/#/toc17>
9. Топоров В.Н. Святость и святые в русской духовной культуре. — URL: <https://predanie.ru/book/111319-svyatost-i-svyatye-v-russkoy-duhovnoy-kulture-1/>
10. Зеньковский В.В. История русской философии. Т.1. Ч.1. Л.: Эго, 1991. 221 с.

Для цитирования: Солодухин Д.В. Архимандрит Иннокентий (Просвирнин) — исследователь творчества архимандрита Леонида (Кавелина) //

URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2022/s/articles/2_8.pdf

DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2022.00.012

УДК 9.93/94+908+1(091)

ББК 6/8+1

АРХИМАНДРИТ ИННОКЕНТИЙ (ПРОСВИРНИН) — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ТВОРЧЕСТВА АРХИМАНДРИТА ЛЕОНИДА (КАВЕЛИНА)

Д.В. Солодухин¹

¹ ФГБОУВО «МИРЭА — Российский технологический университет», г. Москва, Россия

E-mail: DV-S@yandex.ru ; dvsolodukhin1@gmail.com

Keywords: Archim. Innokenty (Prosvirnin), archim. Leonid (Kavelin), historically-affected consciousness (wirkungsgeschichtliches Bewußtsein)

Освоение научного наследия о. Леонида (Кавелина; 1822-1891) напрямую связано с трудами архим. Иннокентия (Анатолия Ивановича Просвирнина, 1940-1994). Последний — особенно в 1970-е — был одним из специалистов, извлекавших из исторического небытия имени и научное наследие представителей русского ученого монашества. Именно о. Иннокентий опубликовал статью об архим. Леониде с приложением библиографии его работ [1]. Публикация носила обзорный характер, в то же время ее автор дает трудам о. Леонида ряд концептуальных оценок. В списке публикаций почетного члена Императорского Православного Палестинского общества XIX в. присутствуют не только его собственные работы, но также некоторые переизданные им труды других авторов.

Во время работы над своей статьей прот. Анатолий (будущий архим. Иннокентий), разбирая научное наследие архим. Леонида, обнаружил посвященную последнему рукопись неопубликованной главы из книги А.А. Дмитриевского¹ «Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века. 1882-1907 гг.». О. Иннокентий надеялся опубликовать рукопись и успел проделать первоначальную работу по ее подготовке к печати. Но издание не состоялось. Текст был опубликован лишь в 2001 г. [3, с. 60-61].

В советское время публикация статьи об о. Леониде была едва ли не первой отечественной работой, посвященной дореволюционному монаху-

¹ Алексей Афанасьевич Дмитриевский (1856-1929), крупнейший специалист начала XX в. по исторической литургии православного Востока, профессор КДА, чл.-корр. Петербургской Академии наук.

исследователю. В условиях идеологических фильтров официально «атеистической» идейной системы (хоть и с появившимися в ней кризисными явлениями) обращение к трудам церковного деятеля прошлого — даже научным — было достаточно смелым поступком. Вместе с тем, оно являлось очень ценным и значимым в источниковедческом плане.

Пафос подобных публикаций почти два десятилетия спустя, уже в «перестройку», был сформулирован архим. Иннокентием и стал его кредо: «Изучать и распространять положительный опыт, накопленный нашим народом» [4, с. 10; 5, с. 13]. А интерес к архим. Леониду был частью масштабного проекта «Русская патристика», включавшего изучение и освоение творений прославленных отцов и ученых деятелей Церкви [6].

Разрабатывая курс «История Русской Церкви» для Московской духовной семинарии [7; 8, с. 11]¹, а также собирая материал для нового издания богослужебных Миней, куда вошли вновь найденные материалы о русских святых и специально разысканные им для этой цели неизвестные рукописные тексты служб [9, 10], архимандрит, а позже группа под его руководством составили картотеку в земле российской просиявших [11, с. 990]. Ее объем в литературе оценивали по-разному: «более 600 имён» [12, с. 18], 1000 [7], 4000 [13] карточек. Согласно описи, в архиве архим. Иннокентия (ОР РГБ. Ф. 862) картотека содержит 5522 карточки [14]. Иными словами, историограф в своей научной работе уделял пристальное внимание отечественному компоненту в святоотеческой традиции.

Говоря о личности о. Иннокентия, следует отметить, что он был церковным историком, археографом, филологом, редактором, педагогом, дипломатом, библиофилом и палеографом, миссионером, ключевым соратником владыки Питирима (Нечаева; 1926-2003), инициатором многих начинаний Издательского отдела Московской Патриархии (далее — ИОМП). Архим. Иннокентий стал организатором и руководителем научно-исследовательской экспедиции 1983 г. на Афон — совместной РПЦ и АН СССР. Подобно архим. Леониду (Кавелину), он с середины 1980-х гг. и до самой кончины был членом Археографической комиссии АН. Как общественный деятель — являлся одним из идейных вдохновителей организации празднования 1000-летия Крещения Руси и активным участником его подготовки. Как церковный издатель — был руководителем научно-исследовательской и издательской «минейной группы», работавшей над знаменитыми богослужебными «Зелеными минеями». Кроме того, он был основоположником и главным двигателем проекта «Русская Библия» [15; 16,

¹ «В сентябре этого же [1968] г. [А.И. Просвирнин] утвержден Учёным Советом Московской духовной академии и семинарии в должности преподавателя учебного курса “История Русской Церкви” в Московской духовной семинарии. <...> С 1984 г. отец Иннокентий читает также в Московской духовной академии курс “Русская патристика”, цикл лекций “Русская агиоритика” [наука о Святой Горе Афон — Д.С.] на основании собственных научных разработок» [8, с. 11, 23].

с. 970-972], а также — инициатором работы группы ученых-архивистов над аннотированным справочником-указателем под общим названием «История Русской Православной Церкви в документах региональных архивов России».

«Его призвание как историка Русской Православной Церкви выявилось с очевидностью, — пишет В.П. Овсянников, друг и сотрудник архим. Иннокентия, его однокурсник по семинарии и академии. — Церковным архивам он придавал особое значение, считая их, по справедливости, первоисточниками и обращенность к ним — наиважнейшим делом для историка. Это определяло и планы его научной и редакционно-издательской деятельности: работу в библиотеках, музеях, по возможности — в архивах, творческие поездки по стране и за рубеж. Из своих поездок он всегда привозил ценнейшие материалы, что составило, в свою очередь, уже его личный, по существу бесценный и необъятный архив» [16, с. 967].

«Его всеохватность касалась буквально всего, — вспоминает многолетний сотрудник о. Иннокентия епископ Балашихинский и Орехово-Зуевский Николай (Погребняк), главный редактор Издательства Московской патриархии. — Я не знаю темы, которая была бы ему неинтересна»¹. В круг научного внимания исследователя входили: монашество, старчество, Оптина Пустынь, афонская традиция, Палестина, просветительство, церковные архивы, издательская деятельность Церкви, книжность на Руси с древнейших времен и т.д. [16, с. 967; 17, с. 58].

По словам еп. Николая, подтвержденным Е.П. Казанцевой — племянницей и сотрудницей о. Иннокентия, «в Совете по делам религии — тогдашнем надзирающем органе — архимандрита не просто уважали, но даже старались упредить...

— Отец Иннокентий, — спрашивают, — Вам куда-нибудь допуск нужен?

Писали официальное письмо. А поскольку Совет по делам религий был при правительстве — Совете министров СССР, то это была очень весомая бумага для любого собрания и для любого места. То есть через подобные направления исследователю предоставлялся “режим наибольшего благоприятствования”»².

Биография архим. Иннокентия в целом представлена достаточно хорошо. Сведения о нем содержатся, в частности, в ПЭ [18, с. 19-21], Биографическом словаре миссионеров РПЦ [19], энциклопедии «Русская Православная Церковь. XX век» [20, с. 685-686]; есть статья в Википедии [21]. Поэтому лишь кратко отметим основные вехи его жизненного пути.

¹ *Еп. Николай (Погребняк)*. Из личной беседы 17.02.2021 [Неопубл.]. (Архив автора статьи. — Д.С.) Здесь и далее все цитаты из неопубликованных воспоминаний даются в стилистике и лексике говорящего, чтобы передать специфику отношения к о. Иннокентию.

² Там же.

Анатолий Иванович, будущий архим. Иннокентий, родился 5 мая 1940 г. в Омске. Был алтарником и иподиаконом четырех владык¹, с последним из которых — архиеп. Вениамином (Новицким) — поддерживал отношения до самой кончины наставника. В 1958 г. поступил сразу во второй класс Московской духовной семинарии. 1959-1962 гг. — армия, после которой вновь семинария. 1964-1968 гг. — учеба в МДА. 1968-1986 гг. — преподавание в ней. В 1970 г. стал священником. В 1977 г. принял монашеский постриг. С 1963 по 1993 г. сотрудничал в ИОМП. В 1992-1993 гг. — казначей и благочинный православного Иосифо-Волоцкого в честь Успения Пресвятой Богородицы мужского общежительного монастыря², где создал научно-издательский центр «Музей Библии» и «Международное Волоколамское краеведческое общество». В ночь на 1 апреля 1993 г. подвергся нападению; от полученных травм (позвоночник, перелом ноги, бесчисленные раны на теле) о. Иннокентий так и не смог до конца восстановиться. После выхода из больницы он нашел приют в московском Новоспасском ставропигиальном мужском монастыре (Монастырь в честь Всемилоственного Спаса). В 1993-1994 гг. около полугода проходил курс реабилитации на Кипре. Скончался в Москве 12 июля 1994 г.

Дополним характеристику о. Иннокентия на основе новых данных мемуарного характера (в том числе, неопубликованных) и архивных материалов.

О. Иннокентий был миротворцем. Ради общего дела он старался примирить оппонентов. (Сам инок предпочитал слово «дружина», повествуя о каком-либо коллективе сотрудников-единомышленников, занятых совместной деятельностью.) Показательна его настроенность на сотрудничество и диалог, — причем, независимо от того, шла ли речь о науке либо о сугубо духовно-религиозных вопросах.

«Когда мы прилетели в Фессалоники, — вспоминает участник научной экспедиции 1983 г. на Афон, племянник монаха-ученого, клирик Московского храма Покрова Пресвятой Богородицы в Измайлове прот. Виктор Казанцев, — архимандрит попытался наладить связь с богословским факультетом местного университета. Устроил что-то вроде Круглого стола с учеными богословского

¹ За время алтарничества, затем иподиакона юного Анатолия в Омске, в городе сменилось четыре архиерея: архиепископ Омский и Тюменский (впоследствии — архиепископ Ижевский и Удмуртский) Ювеналий (Килин) (1950-1952); епископ Омский и Тюменский Никандр (Вольянников) (1952-1955); временно управляющий Омской епархией епископ Омский и Тюменский Венедикт (Пляскин) (1955-1956); и наконец, епископ (с 12 февраля 1958 г. — архиепископ) Омский и Тюменский (впоследствии — архиепископ Иркутский и Читинский, позднее — архиепископ Чебоксарский и Чувашский) Вениамин (Новицкий) (1956-1958), с которым молодой человек переедет в Иркутск. Именно последний окажет на своего иподиакона наибольшее влияние и в 1958 г. благословит его на поступление в семинарию.

² Статус ставропигиального монастыря получил уже после кончины о. Иннокентия — в 1999 г. — Д.С.

факультета. На том отделении были два враждовавших между собой профессора-грека — знатоки монастырских книгохранилищ Афона, куда мы направлялись. Оба были интересны нам как специалисты.

— Они между собой “на ножах”, — предупредили о. Иннокентия. — Их ни в коем случае нельзя приглашать вместе на одно и то же мероприятие. У нас все знают об их отношениях и стараются не давать лишнего повода.

А о. Иннокентий взял, да и пригласил и того, и другого! Ему даже удалось их как-то примирить. Во-первых, перед нами они не посмели выразить друг к другу никакой неприязни, во-вторых, впоследствии что-то там у них как-то даже и наладилось. <...>

Посещая монастыри Афона, о. Иннокентий старался познакомиться со старцами. Помню, пришел в один скит. Как переводчика пригласил иером. Николая (Генералова)¹. Постучались. Дверь открыл послушник.

Они ему:

— Приехал архимандрит из России, хочет повидаться.

— Невозможно! Нет... — отвечает.

Настаивают.

Тот снова:

— Нет! Нельзя. Не принимаем.

И дальше в том же духе.

Ну, в общем, как-то удалось расположить к себе привратника, и он открыл дверь, провел. Принял их начальник этого скита.

В монастыре было человек десять монахов — и все они сели в кружок. И у них завязалась беседа о духовной жизни на Афоне и в России. (О. Иннокентий говорил по-русски, о. Николай переводил). Расстались друзьями, греки даже не хотели отпускать.

О. Иннокентий всегда производил благоприятное впечатление и вызывал благосклонность. К каждому человеку он не то чтоб “подход” мог найти, но, что ли, душу свою открывал. И редко кто мог отвернуться от такого ПОДАРКА в общении»².

Стоит упомянуть внимательность русского монаха к опытной духовно-практической стороне христианской жизни и «умному деланию».

«...Когда я налил чашку чаю и сел напротив него, — читаем у настоятеля храма Казанской иконы Божией Матери в Сан-Франциско прот. Михаила Владимировича, тесно общавшегося с о. Иннокентием, — он впервые предложил мне помолиться вместе с ним. Повторяйте за мной: “Господи Иисусе Христе, помилуй мя”. Он не спеша повторял эту молитву раз за разом своим тихим и

¹ Иером. Николай (Генералов) — насельник Свято-Пантелеймонова монастыря Святой Горы. В 1992 г. был антипросопом Свято-Пантелеимонова монастыря, то есть представителем от монастыря в Священном Киноте Афона. Ныне — один из авторитетнейших русских духовников на Афоне.

² Прот. Виктор Казанцев. Из личной беседы 01.11.2020 [Неопубл.]. (Архив автора статьи. — Д.С.)

уверенным голосом. Потом остановился и сказал, что эти пять слов всегда укажут мне правильный путь в любой тяжелой ситуации, а потом добавил, что их нужно научиться держать в своем сердце постоянно. Мы долго говорили о разном, а я все время думал, как бы не забыть эти пять слов. Когда мы прощались, он опять несколько раз повторил Иисусову молитву, как будто зная о моем страхе забыть ее» [22].

Довелось соприкоснуться с о. Иннокентием и мне. Малую толику из круга вопросов, которыми занимался ученый инок, он сам приоткрыл нашему классу в январе 1991 г., когда мы, тогдашние десятиклассники, посещали Москву. Архимандрит организовывал наши поездки и сопровождал нас по местам, к которым, будучи заместителем председателя ИОМП, он имел отношение. Среди них: Троице-Сергиева Лавра с восстановленной ИОМП Водяной башней, где мы пили чай, Иосифо-Волоцкий и Ново-Иерусалимский монастыри. 8 января посетили подмосковный храм в Волоколамске — церковь в честь Рождества Пресвятой Богородицы на Возмище, где о. Иннокентий и другие священники сослужили митр. Питириму. Мы тоже присутствовали на этом богослужении¹. В Москве побывали в здании ИОМП на ул. Погодинской, в соборах Кремля, в арбатской квартире-мастерской художника П.Д. Корина, наиболее известного по картине «Русь уходящая», и на его могиле на Новодевичьем кладбище, где услышали пение заупокойных молитв из уст о. Иннокентия... Везде, особенно по дороге в автобусе, отец-архимандрит рассказывал, открывая нам целый мир нашей истории и духовные стороны жизни Церкви. Мы впервые слышали словосочетания: «Евангелие Апракос», «Великие Минеи-Четьи», «микрофиши» и др.; узнали о жизни прп. Сергия Радонежского и о знаменитом обмене поклонами с прп. Стефаном Пермским, о деяниях Патриарха Никона и Новом Иерусалиме; услышали о роли митрополита Киевского и всея Руси Киприана в сохранении единства Русской Церкви в кон. XIV в. и многом другом, о чем тогда не рассказывалось в школах. Словом, перед нами открылся огромный незнакомый пласт нашей истории. Причем, все это было живое, теплое, настоящее, родное.

«— Почему, отцы, у вас в обители еда вроде простая, а такая вкусная? — спрашивал Иван Грозный в один из своих приездов в монастырь, основанный прп. Сергием.

— Потому, Государь, что мы все готовим с молитвой...»

Были и другие эпизоды духовно питательного общения. Велась и личная переписка с о. Иннокентием. Конечно, мои соображения и вопросы бывали по-юношески наивными, но не наивно — с большим жизненным и духовным опытом — отвечал ученый монах, побуждая задумываться и смотреть на привычные проблемы с неизвестной стороны.

¹ Помнится, у владыки был день рождения, и мне поручили преподнести ему на подносе подарок от нашего класса.

Еще один эпизод жизни и деятельности о. Иннокентия связан с книгами и библиотеками, их ролью в сбережении основ знания, культуры и передаче памяти.

«Однажды, при встрече с архим. Иннокентием, — пишет Ю.А. Осипов, трудившийся вместе с ним над книгой-альбомом “Троице-Сергиева Лавра” (1985 г.), — застал его очень обеспокоенным, а он был известным библиофилом и палеографом. Георгий! Пришел снимать важный документ, манускрипт в “Салтыковку”, а там ходит комиссия по фондам и переписывает книги XIX в. И знаешь, с какой целью? — На ликвидацию и уничтожение.

Далее, — как умел только он, — дал духовную характеристику этому:

— Макарий из горящего Кремля Кормчую на себе спасал, да крест. А эти — книги в огонь!

Будучи духовно-деятельным, он не ограничился словами, а тут же позвонил в Археографическую комиссию РАН [ее председателю] С.О. Шмидту и сообщил об этих варварских новациях... Тогда аутодафе удалось приостановить...»

Любопытен авторский комментарий в конце поста: «Но, время — идет, “новые варвары пробуют силы”... И, вообще, аргументом конечным может быть такой: — “Нашим детям не нужны ваши книги”, или еще — “Информация в них — устарела”. Разве не так? Все старое — в огонь!» [23]

В мемориальном и исследовательском плане сделано немало в части памяти о самом о. Иннокентии. В разное время, в основном вскоре после кончины о. Иннокентия, появлялись некрологи и небольшие заметки о нем коллег и близко знавших его людей: тексты председателя Археографической комиссии РАН С.О. Шмидта [24], будущего архиеп. Алексия (Фролова) [12], А.А. Турилова [25], архим. Платона (Игумнова) [26], игум. Сергия (Данкова) [17] и др. Уже в начале XXI ст. появились мемуары друзей и соратников ученого монаха: Н.Н. Лисового [11], В.П. Овсянникова [16], О.В. Курочкиной [27, с. 42-47]. Изданы исследования Г.В. Аксеновой [28], О.Л. Соломиной [15, 29], О.В. Курочкиной, составившей описание хранящегося в ОР РГБ архива архим. Иннокентия [30], иером. Серафима (Г.И. Катышева) [31], архим. Макария (Веретенникова) [32], священников Дм. Сафонова [7], Илии Балабонкина [8], К. Федулова [33] и др.

Мемориальные статьи в научной периодике, несомненно, важны, но в большинстве случаев широкой публике могут быть известны недостаточно, прежде всего, в силу академического характера самих журналов, требующего соответствующего образования и специализации, чтоб хотя бы знать об их существовании. Иными словами, актуален вопрос о популяризации наследия архим. Иннокентия.

В 2003-2009 гг. прошли несколько вечеров памяти и Круглых столов, посвященных отцу Иннокентию и отдельным направлениям его деятельности.

Как правило, они в основном ограничивались кругом лиц, непосредственно знакомых с архимандритом¹.

На старой версии официального сайта Новоспасского монастыря² до сих пор есть раздел, посвященный архим. Иннокентию [35; 36]. К сожалению, на функционирующем с 2012 г. новом интернет-портале³, аналогичный блок отсутствует. Система поиска выдает лишь интегрированную в пространство сайта статью Д. Сафонова [7] и упоминание в публикации, посвящённой памяти архиепископа Костромского и Галичского Алексия (Фролова; 1947-2013).

Вероятно, подобное «исчезновение» может косвенно свидетельствовать о доле избирательности в отношении к отдельным моментам новейшей истории; степень преднамеренности и целерациональности такой избирательности неясна⁴. Невольно возникают вопросы: не «выцветает» ли в массовой памяти (особенно среди молодого поколения) образ некоторых из подвижников благочестия последней трети XX в.⁵ и не оскудевает ли сам «запрос на понимающее припоминание», подменяясь эрзацем в виде не критичного

¹ 17 мая 2003 г. в Конференц-зале Союза писателей России состоялся вечер, посвященный памяти архимандрита. 28 мая 2004 г. в рамках празднования Дней славянской письменности и культуры в Отделе внешних церковных связей организован Круглый стол «Русская Библия и православная культура», с импровизированной выставкой, где экспонировались личные вещи, фотографии и автографы о. Иннокентия. В рамках одной из конференций XV «Рождественских чтений» (2007 г.) выделена тема о вкладе архим. Иннокентия в пробуждение религиозного самосознания в среде современной ему научной общественности, а также в объединение усилий и реализацию научных проектов сохранения духовного наследия. 8 июля 2009 г. в связи с пятнадцатилетием памяти архим. Иннокентия проведен еще один круглый стол, участники которого поделились воспоминаниями о творческих контактах и личных встречах с архимандритом, участии в осуществленных под его руководством совместных проектах Всероссийским научно-исследовательским институтом документоведения и архивного дела, архивных учреждений и Патриархии по актуализации фондов духовного ведомства, хранящихся в госархивах, а также — о совместных делах, которые положили начало изучению источников по истории Церкви (Подробнее см.: [34]).

² www.spasnanovom.ru

³ <http://новоспасский-монастырь.рф/>

⁴ Подобный случай встречается на интернет-сайте храма Благовещения Пресвятой Богородицы в Тайнинском. Почетным настоятелем церкви является прот. Владимир Агриков, одноклассник о. Иннокентия по семинарии, с теплом вспоминающий своего давнего товарища. С ним и его сыном игум. Сергием, нынешним настоятелем, в апреле этого года довелось пообщаться. На храмовом сайте прежде была страничка, посвященная архимандриту. (Википедия сохранила ссылку: <http://www.tayninskoye.ru/voskresnyebesedy/besedy-2010-god/arhimandrit-innokentii-prosvirnin-.html>) В данном случае исчезновение сведений связано с недосмотром. К слову, архим. Иннокентий в 1989 г. помогал организовать регистрацию общины этого храма. Автор располагает ксерокопией документов, где его рукой сделаны правки и написаны основательные массивы текста.

⁵ Сходная ситуация на сайте храма пророка Илии в Черкизове, который в 1983-1986 гг. о. Иннокентий спас от сноса [8, с. 13, 61-62]. Удалось найти лишь одно упоминание: <https://hramilii.ru/iliinskaya-czerkov-v-cherkizove/> (дата обращения: 15.08.2021).

мифологизирующего восприятия отдельных моментов нашего прошлого и истории?

Одной из попыток актуализировать память об о. Иннокентии стал документальный фильм «Ревнитель православного просвещения», вышедший в 2015 г. [37]. Впрочем, как признают его режиссеры, очень многое ими попросту не рассмотрено, и картина была бы иной, обладай они сведениями, имеющимися у автора настоящей публикации.

Еще одной мерой сохранения памяти об архимандрите стали два сборника воспоминаний о нем под редакцией Л.В. Бурмистровой [38, 39], частично повторяющие друг друга. Показательна также публикация О. Орловой [40].

Однако в массовом сознании архим. Иннокентий, по-видимому, остается недооцененным¹. Подавляющее большинство лично знавших его сокрушаются по поводу потускнения припоминаний о нем и малоизвестности в публичном поле (особенно среди молодежи). Именно такие люди, собравшиеся на могиле о. Иннокентия в день его поминаения (12 июля 2020 г.), решили составить книгу воспоминаний о видном церковном деятеле с целью сохранить память о нем и обобщить разрозненные дотоле сведения. Автора данных строк попросили координировать эту работу.

В предпринимаемом мемориальном проекте затрагиваются многие вопросы, почти не освещавшиеся ранее, включая академические исследования. Здесь нет задачи специально «презентовать» проект: только показать его сопричастность к попыткам сохранить память об учёном монахе. Поэтому ограничимся обозначением лишь некоторых проблем. Среди них — биографические и послужные сведения (в том числе личности духовных наставников и учителей). Далее — научные и издательские проекты: Русская патристика, сотрудничество со светскими учеными; краеведение и его воспитательная роль и др. В поле зрения попадают также: «Греческая программа» (не только Афон), «Синайский проект», связи с Сирией и Святой землёй; т.н. «Миссия “Истоки”» (1990); Соловки; Аляска; Волоколамские духовно-просветительские и образовательные проекты; вклад и участие в праздновании 1000-летия Крещения Руси; общественно-патриотическая деятельность; Музей Библии; активность по возрождению духовной жизни. Отдельный аспект — благотворное влияние архимандрита на общавшихся с ним. Предполагается затронуть тему нападения в Иосифо-Волоцком монастыре

¹ Показательно, что Википедия неявно относит собственную статью о нем лишь ко второстепенным по значимости для читателей вики-проекта «Православие» («Проект “Православие” (уровень 2, важность средняя)» [41]. Думается, такая оценка может свидетельствовать не только о важности текста для обывателя, но косвенно и об интересе к его личности также авторов и исследователей: в противном случае заинтересованные редакторы-составители быстро исправили бы все огрехи и недоработки статьи, доведя ее до более высоких вики-показателей.

и последовавшие за этим события, пребывание на Кипре, Св. Земле и Синае, а также последние месяцы жизни в Новоспасском монастыре¹.

Собранные материалы позволяют рассмотреть большинство из этих вопросов в аспекте повседневности, что является перспективным направлением в науках исторического опыта (см.: [42; 43; 44]). Воспоминания уместно дополнять сведениями, почерпнутыми из научных публикаций, личных исследований самого ученого инок и архивными изысканиями. Существенно, что в рамках работы акцентируется христианское, духовное измерение личности о. Иннокентия, чуткого к живому опыту богообщения, почитавшего самого себя не более чем «лопатой в руке Господа Бога» [40] и видевшего повсюду действие воли Божией. Сквозь эту призму целесообразно проследить различные стороны его жизни и деятельности, что позволит помочь понять целостный характер личности архимандрита, видевшего всю свою деятельность подчиненной христианскому духовному служению и в его понимании являвшейся ее аспектом, в том числе миссионерским.

Также важно выявить, собрать в одном месте и максимально полно издать научное наследие архим. Иннокентия, а также интервью с ним. Вышедший в 2008 г. сборник [2] содержит лишь некоторые публикации архимандрита, соответственно, оправдано создание в веб-сети дата-банка исследовательской и мемуарной литературы о нем.

Отдельной стороной мемориального проекта является поддержание групп по сбору воспоминаний, посвященных отцу Иннокентию (См.: [47; 48]), в социальных сетях «Facebook» (FB) и «В Контакте» (VK), где публикуются фрагменты мемуаров, выдержки из опубликованных материалов, включая фото и видео, тексты самого архимандрита, а также некоторые собственные находки — в том числе из архивного фонда о. Иннокентия, хранящегося в ОР РГБ.

Аккумуляция воспоминаний людей, лично общавшихся с архимандритом, его публикаций в региональной прессе (интервью, частные письма, обращения в официальные инстанции в защиту православных храмов, сведения о помощи в формировании православных общин, фото-, аудио-, видеоматериалы и т.д.), размещение в собственных социальных сетях ссылок на мемориальные группы FB и VK [45; 46], по нашему мнению, будет содействовать сбору сведений о русском ученом монахе².

Работа над наследием о. Иннокентия (за пределами мемуаров) сопряжена с рядом методологических аспектов. Исследование научно-педагогической и общественной деятельности архимандрита предполагает, среди прочего, ее рассмотрение в историческом контексте, выявление достигнутых им результатов, концептуальных находок, поставленных проблем, а также, по возможности, их сопоставление с текущим положением дел в данных областях.

¹ Конечно, действительность может внести корректировки в эти планы.

² Сведения можно присылать на электронную почту: dvsolodukhin1@gmail.com. Автор приглашает к сотрудничеству всех читателей данного текста.

По мысли Г.-Г. Гадамера, одного из основателей современной герменевтики и немецкой школы истории понятий (Begriffsgeschichte), знание эволюции понятий, помимо всего прочего, призвано служить уже нашим собственным философским поискам [см.: 47, с. 16-26]. В этом смысле значима не омертвевшая абстрактная история, содержащаяся в схоластических научных исследованиях, учебниках и древлехранилищах и почти не имеющая связи с настоящим, а история «действующая» [43, с. 404-445], продолжающаяся в нас в «большом времени» (М.М. Бахтин) [44].

Список литературы

1. Просвирнин, свящ. Анатолий. Труды архимандрита Леонида (Кавелина) (1822-1891) [С приложением библиографии его трудов] // БТ. М., 1972. №9, с. 226-240.
2. [Архим. Иннокентий (Просвирнин)] Блаженны чистые сердцем: [сб. ст.] / Сост. О.В. Курочкиной. М.: ИХТИОС, 2008. 447 с.
3. Дмитриевский А.А. Очерк о жизни и деятельности архимандрита Леонида (Кавелина), третьего начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, и его научные труды по изучению православного Востока. Подготовка текста: архим. Иннокентий (Просвирнин), игум. Сергей (Данков). / Предисловие Н.Н. Лисового // БТ. 2001. Вып.36, с. 67-175.
4. Депутатская программа митрополита Питирима // ЖМП. 1989. №7.
5. «Распространять положительный опыт, накопленный нашим поколением»: издательская деятельность русской православной церкви. (Беседа с заместителем главного редактора «Журнала Московской Патриархии» архимандритом Иннокентием) // Демократический журналист. 1989. Декабрь, с. 12-13.
6. Иннокентий (Просвирнин), архим. Русская патристика (постановка вопроса) // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990, с. 183-189.
7. Сафонов Дм., свящ. Архимандрит Иннокентий (Просвирнин): к 25-летию со дня кончины // Сорок сороков. Русская православная церковь. Московская епархия (официальный сайт). — URL: <http://moseparh.ru/arximandrit-innokentij-prosvirnin-k-25-letiyu-so-dnya-konchiny.html> (дата обращения: 15.08.2021)
8. Балабонкин И., свящ. Жизнь и деятельность архимандрита Иннокентия (Просвирнина) // XVI городские Ефремовские чтения. К 25-летию со дня преставления архимандрита Иннокентия (Просвирнина): сб. ст. [сост., авт. вступ. ст. Н.С. Левшина]. Омск, 2018. 318 с.
9. Медведева Л.П. Тысячелетнее мгновенье // ЦВ. 2008. №10(383). Май.
10. Медведева Л.П. Питиримовские Минеи. — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Pitirim_Nechaev/predannyj-sluzhitel-tserkvi/4 (дата обращения: 15.08.2021)
11. Сафонов Д.В., Лисовой Н.Н. Долг неоплатный. (Беседа Д.В. Сафонова с Н.Н. Лисовым, посвященная памяти доцента МДА архимандрита Иннокентия (Просвирнина) // БВ. 2010. №11-12, с. 982-1006.
12. Алексей (Фролов), еп. Орехово-Зуевский, наместник Новоспасского монастыря. «Архимандрит Иннокентий Просвирнин — краевед и археограф». Доклад, прочитанный 21 января 1997 г. на «Рождественских чтениях» // Памяти архимандрита Иннокентия. М.: Новоспасский монастырь. 1999, с. 11-18.
13. Предисловие публикатора (к ст. Труды и дни архиепископа Димитрия (Самбикина)) — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Innokentij_Prosvirnin/trudy-i-dni-arhiepiskopa-dimitrija-sambikina/ (дата обращения: 15.05.2021.)
14. ОР РГБ. Ф. 862. К. 16-20. // Фонд №862. Опись архива Иннокентия (Просвирнина, Анатолия Ивановича), архимандрита (материалы конца XIX в. – 1990-х гг.). Т.1. К. 1-49. /

- Обработан О.В. Курочкиной в 2003-2004 гг. Описание составлена О.В. Курочкиной. М., 2005. 315 с, с. 87-88.
15. Соломина О.Л. Архимандрит Иннокентий (Просвирнин) и предпринятое им издание Русской Библии [2010] — URL: https://azbyka.ru/otechnik/Innokentij_Prosvirnin/arhimandrit-innokentij-prosvirnin-i-predprinjatoe-im-izdanie-russkoj-biblii/ (дата обращения: 15.08.2021)
 16. Овсянников В.П. Слово памяти архимандрита Иннокентия (Просвирнина) // БВ. 2010. №11-12, с. 963-981.
 17. Сергей (Данков), иером. Архимандрит Иннокентий (Просвирнин) // ЖМП. 1995. №5, с. 58-60.
 18. Иннокентий (Просвирнин Анатолий Иванович) // ПЭ. Т.23: М., 2010, с. 19-21.
 19. Биографический словарь миссионеров Русской Православной Церкви / [авт.-сост. свящ. Сергей Широков]. М.: Белый Город, 2004. 447 с.
 20. Русская Православная Церковь XX век: к 1020-летию Крещения Руси [Энциклопедия] / [О.Ю. Васильева (рук.) и др.; гл. ред. и рук. проекта архим. Тихон (Шевкунов)]. М.: Сретенский монастырь, 2008. 793 с.
 21. Иннокентий (Просвирнин) // Википедия. Свободная энциклопедия. — URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Иннокентий_\(Просвирнин\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Иннокентий_(Просвирнин)) (дата обращения: 15.08.2021).
 22. Архимандрит Иннокентий // Блог священника Михаила Владимировича. Публ. 4.01.2021 — URL: <https://www.vladimirov.us/архимандрит-иннокентий/> (дата обращения: 15.08.2021)
 23. Осипов Ю.А. Все старое в огонь! [Пост на Фейсбуке 17 апреля 2021 г.] — URL: <https://www.facebook.com/groups/innokentiy/permalink/506398960369277/> (дата обращения: 15.08.2021)
 24. Шмидт С.О. Памяти архимандрита Иннокентия (Просвирнина) // ОА. 1994. №6. С. 117-120.
 25. Турилов А.А. Архимандрит Иннокентий (Просвирнин, 1940-1994) // АЕ за 1994 г. М., 1996, с. 372-373.
 26. Архимандрит Платон (Игумнов). Надгробное слово, произнесенное 14 июля 1994 г. в Спасо-Преображенском соборе Новоспасского монастыря при отпевании архимандрита Иннокентия // Памяти архимандрита Иннокентия: К 5-й годовщине со дня кончины. М., 1999, с. 1-5.
 27. Курочкина О.В. Воин Христов: Последний год жизни архимандрит Иннокентия (Просвирнина) // Новая книга России. 2007. №10, с. 42-47.
 28. Аксенова Г.В. «Труженик русской богословской науки»: о научно-просветительском подвиге архимандрита Иннокентия (Просвирнина). К 80-летию со дня рождения // ППС. М.: «ИНДРИК», 2019. Вып.117, с. 237-284.
 29. Соломина О.Л. Музей Библии в Иосифо-Волоколамском монастыре и его директор // Прп. Иосиф Волоцкий и его обитель. [М.], 2008, с. 370-379.
 30. Ревнитель православного просвещения: обзор архива архимандрита Иннокентия / сост. О.В. Курочкина. М.: [б. и.], 2005. 54 с.
 31. Серафим (Катышев), иером. Петушки обетованные: в трех книгах. 2-е изд. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2019. 720 с.
 32. Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф (Чернов). Письма священнику Анатолию Просвирнину (публ. архимандрита Макария /Веретенникова/) // МЖ. 2013. №8(272) Август, с. 24-31.
 33. Федулов К., свящ. Вклад в издательскую деятельность Русской Православной Церкви архимандрита Иннокентия (Просвирнина) /Магистерская диссертация/ Держинский, 2020. — URL: <http://www.nupds.ru/images/book/Mag2020/Fedulov.pdf> (дата обращения: 15.08.2021)
 34. Памяти архимандрита Иннокентия (Просвирнина, 1940-1994) // Региональный общественный фонд «Память мучеников и исповедников Русской православной Церкви»

- 02.08.2009 — URL: http://www.fond.ru/index.php?menu_id=372&news_content_id=13 (дата обращения: 15.08.2021)
35. Архимандрит Иннокентий (Просвирнин). Обзор раздела. // Сайт Новоспасского монастыря (старая версия) — URL: http://www.spasnanovom.ru/KB/lib/arhimandrit_Innokentij (дата обращения: 15.08.2021)
36. Архимандрит Иннокентий (Просвирнин). Избранные труды. // Сайт Новоспасского монастыря (старая версия) — URL: http://www.spasnanovom.ru/KB/pubs/podvizhniki_bлагоchestija/ (дата обращения: 15.08.2021)
37. «Ревнитель православного просвещения» (Док. фильм. Авторы: О. Курочкина, Е. Космочевская, М. Астраханцев; 2015) URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FJbeYIXINHg> (дата обращения: 15.08.2021).
38. Архимандрит Иннокентий (Просвирнин) в воспоминаниях духовных детей и учеников / Сост.: Л.В. Бурмистрова. Серг. П., 1998.
39. Отец Иннокентий (Просвирнин 1940-1994): кн. памяти / сост. Л.В. Бурмистрова / Под общ. ред. Глушковой В.Г. М.: ИПЦ Глобус, 2004. 290 с.
40. Орлова О. Лопата в руках Господа Бога. Памяти архимандрита Иннокентия (Просвирнина) [2019] — URL: <https://pravoslavie.ru/122359.html> (дата обращения: 15.08.2021)
41. Иннокентий (Просвирнин). Обсуждение // Википедия. Свободная энциклопедия. — URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Обсуждение:Иннокентий_\(Просвирнин\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Обсуждение:Иннокентий_(Просвирнин)) (дата обращения: 15.08.2021).
42. Дильтей В. Введение в науки о духе: Опыт полагания основ для изучения общества и истории / Пер. с нем. под ред. В.С. Малахова. // Собр. соч.: в 6 т. Т.1. М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. 762 с.
43. Гадамер Г.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики: Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 699 с.
44. Махлин В.Л. Большое время: Подступы к мышлению М.М. Бахтина. Siedlce: Uniwersytetu Przyrodniczo-humanistycznego w Siedlcach, 2015. 175 S. (Opuscula Slavica siedlcensia; T.8).
45. Вспоминая отца Иннокентия (Просвирнина) // Фейсбук. — URL: <https://www.facebook.com/groups/innokentiy> (дата обращения: 15.08.2021)
46. Вспоминая отца Иннокентия (Просвирнина) // В контакте: https://vk.com/innokentiy_prosvirnin (дата обращения: 15.08.2021)
47. Гадамер Г.-Г. История понятий как философия. (В.В. Биbihина) // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991, с. 16-26.

III. АРХИВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

Для цитирования: Матонин В.Н. К истории книжных хранилищ Свято-Андреевского скита на Афоне и Спасо-Преображенского монастыря на Соловках //

URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2022/s/articles/3_1.pdf

DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2022.00.013

УДК 930.253

К ИСТОРИИ КНИЖНЫХ ХРАНИЛИЩ СВЯТО-АНДРЕЕВСКОГО СКИТА НА АФОНЕ И СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ НА СОЛОВКАХ

В.Н. Матонин¹

¹ ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»,
г. Архангельск, Российская Федерация
E-mail: matoninv@yandex.ru

Соловецкий Спасо-Преображенский монастырь в России и Святую Гору Афон в Греции окружает водно-небесная стихия. Линия горизонта подчеркивает самое главное — напоминает о пути к спасению. На Соловках небо опускается на землю. На Афоне земля устремляется к небу. Соловки — архипелаг, Афон — полуостров, с севера прикрытый горами.

На Соловках до появления православного монастыря было древнее святилище, о котором свидетельствуют каменные лабиринты и курганы. На Афоне в дохристианские времена — капище Аполлона. Святая Гора Афон — географическая и духовная вертикаль полуострова. На Большом Соловецком острове есть гора Секирная с Секиро-Вознесенским храмом-маяком. На Анзере, одном из островов Соловецкого архипелага, — гора Голгофа с Голгофо-Распятским храмом на вершине, на острове Большая Муксалма — гора Фавор с Фаворской часовней. Велико значение Афона в истории Византии, а Соловков — в истории России. На Афоне и на Соловках сосуществовали различные формы монашеской жизни: пустыни, скиты, киновии. Изгнание карельской жены с Соловков и предназначение Бабьего острова (одного из островов архипелага) соотносится с запретом на посещение Афона женщинами. Соловецкое старообрядческое восстание («сидение») в 1668-1676 гг. сопоставимо с бунтом имяславцев в русском Свято-Андреевском скиту в 1912-1913 гг. Имея богатую историю, Соловецкий монастырь и Свято-Андреевский скит на Святой Горе Афон были хранителями древних манускриптов, рукописных и печатных книг, летописей и архивов.

Русские монахи на Святой Горе появились в начале XI в. 1016 год признан временем основания на Афоне русского монастыря Святого Пантелеимона. Опыт иноческой жизни здесь получили отцы русского монашества, святые: прп. Антоний Печерский (†1073), прп. Максим Грек (†1556), митр. Киевский и

всёя Руси Киприан (†1406), прп. Нил Сорский († 1508), прп. Паисий Величковский (†1794). В начале XX в. на Афоне спасались более 4000 русских монахов. Они были насельниками одного монастыря, четырех скитов и более шестидесяти келий [1, с. 17].

Богатые славянскими рукописями святогорские монастыри привлекали исследователей церковных древностей. Невозможно переоценить вклад архим. Леонида (Кавелина) (†1891) в изучение рукописного собрания монастыря Святого Павла («Агиу Павлу») [2, с. 50-78].

Начиная с 1859 г., о. Леонид несколько раз посещал Святую Гору, изучая книги и древние манускрипты святогорских обителей. Он подготовил изданное в 1875 г. описание состава книгохранилища монастыря Святого Павла. Согласно имевшемуся к приезду архим. Леонида каталогу, в библиотеке насчитывалось 180 рукописных и 45 печатных книг, сгруппированных по разделам: Священное Писание; Книги богослужебные; Писания святых отцов; Печатные книги [3]. В 1902 г. в монастыре Святого Павла случился пожар, в котором библиотека сгорела.

Неоценимое значение для православных христиан из России имел русский святогорский Свято-Андреевский скит и его книжное собрание. История Свято-Андреевского скита началась с прибытия в Карею в середине XVII в. свт. Афанасия III Пателария, Патриарха Константинопольского (†1654), вынужденно оставившего Царьград. Он построил на Святой Горе келию с храмом в честь прп. Антония Великого (†356), где надеялся жить и молиться до конца дней своих. Однако жизнь его прервалась в 1654 г. на Руси, где он умер в Лубенском Преображенском монастыре. В 1768 г. другой бывший Вселенский Патриарх Серафим II (†1779) построил на месте келии свт. Афанасия III Пателария новую келию (названную *Серай*, по-турецки — «дворец»), посвятив ее двум святым — ап. Андрею Первозванному (†60) и прп. Антонию Великому. В 1841 г. у Ватопедского монастыря Серай приобрели двое русских монахов — старцы Виссарион (Толмачев) и Варсанофий (Вавилов). По их ходатайству в 1849 г., согласно грамоте Патриарха Константинопольского Анфима VI, келия была преобразована в общежительный скит. Первым его дикеем¹ (настоятелем) стал иером. Виссарион. В центре новообразованного скита был воздвигнут величественный Андреевский собор с приделами в честь св. блгв. кн. Александра Невского (†1263) и св. Марии Магдалины († I в.). Собор заложен в 1867 г. Великим князем Алексеем Александровичем (1850-1908). Строительство собора стало выражением благодарности Господу за чудесное спасение русского императора Александра II (1818-1881) при покушении на него 25 мая 1867 г. польского националиста Антона Березовского. Уже через три года собор освятили. Величественный храм сооружен из местного гранита и мрамора по проекту петербургского архитектора М.А. Шурупова (1815-1901). Здесь хранится великая христианская

¹ Дикей — выборный настоятель монашеской общины в афонских скитах. (*прим.ред.*)

святыня — глава св. ап. Андрея. Среди наиболее известных ктиторов скита следует отметить члена Российской Академии Наук П.И. Севастьянова (1811-1867) и золотопромышленника И.М. Сибирякова (1860-1901). Впоследствии Сибиряков принял на Афоне постриг с именем Иоанн, а потом схиму с именем Иннокентий. В нач. XX в. численность русских иноков в скиту превышала 500 человек. Здесь служили в четырнадцати церквях. Андреевский скит имел подворья в Константинополе, Санкт-Петербурге, Одессе, Ростове-на-Дону, издавал журнал «Наставления и утешения веры христианской» [1, с. 259-275].

Начало разорения Свято-Андреевского скита было вызвано движением имяславцев. Имяславие¹ — восточно-христианская философско-богословская концепция, согласно которой Божье имя является не условным обозначением, а объективным выражением трансцендентальной действительности, т.е. «местом», где реально присутствует Бог [4]. Сторонники имяславия подчеркивали, что имя *Иисус*, неустанно произносимое в Иисусовой молитве, относится не только к человеческой природе второй Ипостаси Троицы, но и к природе Божией [5; 6]. Движение имяславцев в Свято-Андреевском скиту возглавил в 1912-1913 гг. иеросхим. Антоний (Булатович), бывший опальный гусар (1870-1919). После происшедших в скиту раскола и смуты более половины иноков были насильственно выселены с Афона.

В сентябре 1926 г. греческое правительство издало закон, в соответствии с которым все афонские монахи, независимо от их национальности, стали подданными Греции. Постепенно осложнялся въезд паломников из славянских стран. Первая Мировая война и революция в России привели к тому, что связь Свято-Андреевского скита с Россией окончательно прервалась. До революции в Пантелеимоновом монастыре насчитывалось 2000-3000 монахов, в 1926 г. их было 650, в 1938 г. — около 300, в 1955 г. — менее 100, в 1968 г. — 27 [7, с. 33]. В такой же пропорции уменьшалось количество братии Свято-Андреевского скита. В 1958 г. пожар разрушил западную часть зданий скита. В 1968 г. преставился настоятель скита — дикей Михаил. В 1971 г. умер последний русский монах о. Самсон. Он доживал свой век в качестве сторожа опустевшей обители. В 1992 г. в скиту поселилась грекоязычная братия. Ныне скит приписан к Ватопедскому монастырю, дикеем которого является проигум. Ефрем².

Во время реставрационных работ на территории опустевшего Свято-Андреевского скита были обнаружены библиотека и архив, состоящие из книг и брошюр (около 5 000), периодики и документов XIX – начала XX вв. на русском и церковнославянском языках. Рукописей и писем, находящихся в папках, — около 184 000 единиц хранения. По распоряжению игумена

¹ Или *ономатоксия* (с греч. «имя» — «название» — «хвала»)

² *Ефрем, проигум.* Краткая история Свято-Андреевского скита. Ксерокопия рукописи.

кириархального¹ монастыря Ефрема (Куцу) в 2007 г. книги и документы были перевезены в Ватопед.

В мае 2017 г. послушник брат Вячеслав и автор данной статьи получили благословение на работу по систематизации библиотеки и архива Свято-Андреевского скита. В результате была составлена Опись с рекомендациями священноначалию по хранению и возможному изданию уникальных для историков церкви материалов [8].

Меньшая часть архива распределена по папкам и хранится на стеллажах, большая часть осталась в фанерных ящиках и на момент подготовки Описи, представленной в [Приложении 1](#) (с.153) к данной статье, не была разобрана.

Архив и библиотека русского Свято-Андреевского скита являются исторической и культурной ценностью для исследования истории духовной и хозяйственной жизни монашества на Святой Горе Афон в XIX–XX вв. Изучение документов из папки «Кириякон» (о строительстве собора) дает полную картину возведения храма, его архитектурных особенностях, благодетелей и строителях. Материалы о подворьях скита, его внешних связях с Иерусалимом, Константинополем, Одессой, Ростовом, обителями Святой Горы и Греции свидетельствуют о ремеслах и хозяйстве скита, о миссионерской деятельности, паломниках и жертвователях.

Особый интерес для исследователей внутренней жизни скита представляют монашеские правила и типиконы.

Библиотека хранит редкие книги: «Наставления о молитве и трезвении», «Описание чудотворных икон Пресвятой Богородицы и Её жития», труды прпп. Нила Сорского и Максима Грека, монография А. Дмитриевского «Богослужения в Русской Церкви XVI века»².

Кроме богослужбных книг, в библиотеке много русских журналов и газет начала и середины XX в., есть также светская литература, паспорта монахов, переписка на разных языках за 1870-1910 гг. и большое количество хозяйственных документов.

Непростую судьбу имеет и библиотека Соловецкого Спасо-Преображенского монастыря — одного из крупнейших хранилищ книжных изданий и древних рукописей в России. В 1854 г. значительная часть библиотеки была вывезена в Антониево-Сийский монастырь в связи с опасностью нападения англичан, а позднее — передана в Казанскую духовную академию. Остальные книги вывезены на материк после закрытия монастыря или сгорели 1923 году при пожаре. В настоящее время самый большой фонд соловецких рукописных и печатных книг находится в Русской национальной библиотеке (Ф. 717).

¹ В православии — поместная церковь или монастырь, получившие самостоятельность в вопросах внутреннего управления от той или иной автокефальной церкви (*прим.ред.*)

² Восстановить выходные данные автору не представляется возможным. — В.М.

Описи соловецкого книгохранилища известны и большей частью изучены [9; 10; 11; 12].

В книге 1844 г. «Истина святой Соловецкой обители противъ неправды Челобитной, называемой Соловецкой, о вере» (без указания автора) опубликовано приложение под названием «Выписка изъ описи библиотеки соловецкой о старинных книгахъ, писанныхъ и печатанныхъ до книжнаго, при патриархе Никонъ исправления» [13]. Общее содержание книги представляет собой построчное цитирование Челобитной Соловецкой братии 1668 г. государю Алексею Михайловичу (1629-1676) с подробным обличением сторонников «старой веры» и апелляцией к текстам из Соловецкого книжного хранилища, написанным до реформы Патриарха Никона (1615-1681). Автором сочинения является уроженец Архангельска архиеп. Воронежский и Задонский Игнатий (†1850). Будучи ранее епископом Олонецким и Петрозаводским, преосв. Игнатий (в миру Матвей Афанасьевич Семенов) в 1829 г. основал Олонецкую духовную семинарию. Кроме того, он известен как автор трудов по истории русской Православной Церкви и литургике. Его труд «Истина святой Соловецкой обители...» был дополнен и переиздан в Санкт-Петербурге, в типографии департамента внешней торговли в 1847 г., но уже без приложения в виде «Выписки изъ описи библиотеки Соловецкой...»

Опись, из которой сделана «Выписка...», датирована 1676 г. — годом подавления Соловецкого восстания и разорения обители стрельцами воеводы Ивана Мещеринова. Опись монастырского имущества фиксирует в этот период значительное уменьшение фондов Соловецкой библиотеки. Это обстоятельство придает «Выписке...» особое значение как историческому источнику. В документе обозначены: порядковый номер книг и рукописей; номер в библиотеке; место издания или писания; время издания или письма, откуда книга поступила в библиотеку. «Выписка...» в книге представлена на 65 страницах и включает в себя 1378 наименований [13, с. 7].

В [Приложении 2](#) (с.164) к данной статье указаны наименования книг из «Выписки...», в отдельных случаях — их количество, а также источник поступления. Имена жертвователей в каждом из разделов Приложения 2 названы нами один раз, хотя их пожертвования могли быть многократными. Полная публикация «Выписки...» в рамках научной статьи невозможна. Даже в сокращенном варианте «Выписка...» является историческим источником, позволяющим исследовать духовную жизнь знаменитого монастыря, проанализировать социальный состав его вкладчиков в XV–XVII вв., среди которых были — ученик прп. Зосимы старец Досифей († нач. XVI в.), свт. Филипп, митр. Московский (†1569), протопоп Сильвестр († ок. 1566), член Избранной Рады, редактор «Домостроя» и опальный духовник царя Ивана Васильевича Грозного, сам царь Иван Васильевич (†1584), Новгородский митр. Исидор (†1619), Авраамий Палицын (†1626), Патриарх Московский Иосиф (†1652), прп. Елеазар Анзерский (†1656), царевна Мария Алексеевна (†1723), игумены и старцы русских монастырей.

Соловецкая библиотека объединила пожертвования от гонимых и гонителей, иосифлян и нестяжателей, святых и тех, кто искал спасения. Расцвет монастырской книжности на Афоне и на Соловках соответствовал уровню духовности, культуры и экономики.

Соловецкий монастырь и Свято-Андреевский скит на Святой Горе Афон разделены географическими и государственными границами, но символом их духовного единства являются книжные собрания и архивы. Сегодня, как никогда, очевидно, что нежелание изучать и умножать наследие прошлого не освобождает современников от ответственности за будущее.

Список литературы

1. Присакару В. Святая Гора Афон — молитвенница вселенной: Путеводитель. Кишинев: Tipografia Centrala, 2015. 347 с.
2. Леонид (Кавелин), архим. Славяно-сербские книгохранилища на Святой Афонской горе, в монастырях Хилендаре и Святом Павле, описанные архимандритом Леонидом. М.: Имп. Общ-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1875. [2], 80 с.
3. Кащеев А.А. Архимандрит Леонид (Кавелин) и собрание славянских рукописей в библиотеке монастыря Святого Павла на Афоне // Библиосфера. 2017. №2, с. 53-58.
4. Оболевич Т. От имяславия к эстетике. Концепция символа Алексея Лосева. Историко-философское исследование. М.: Изд-во ББИ, 2014. 443 с.
5. Антоний (Булатович А.К.), иеросхим. Апология веры во Имя Божие и во Имя Иисус. М.: Печатня А. Снегиревой, 1913. XIV, [2], 189 с.
6. Переписка священника Павла Александровича Флоренского и Михаила Александровича Новоселова: С присоединением писем иеросхимонаха Германа Зосимовского, иеросхимонаха Антония (Булатовича), иеромонаха Пантелеимона (Успенского), В.М. Васнецова, Ф.Д. Самарина, Ф.К. Андреева, С.Н. Дурьлина, И.П. Щербова. Кострома: Купина; Томск: Водолей, 1998. 286 с.
7. Любомудров А.М. Святая Гора Афон в судьбе и творческом наследии Бориса Зайцева // Зайцев Б.К. Афины и Афон. Очерки, письма, афонский дневник / Сост., вступ. ст., подготовка текста и комментариев А.М. Любомудрова. СПб.: Росток, 2011, с. 5-40.
8. Матонин В.Н. Библиотека и архив Свято-Андреевского скита на Святой Горе Афон // «Восстанет цесарь в опустевшей земле»: Сб. науч. ст. к 70-летию профессора Н.С. Борисова. СПб.: Алетейя, 2020, с. 314-332.
9. Порфильев И.Я. О Соловецкой библиотеке, находящейся ныне в Казанской Духовной академии // Труды IV Археологического съезда в России. Т.2. Отд.4. Доп.1. Казань, 1811, с. 1-20.
10. Белокуров С.А. Материалы для прусской истории: библиотека и архив Соловецкого монастыря после осады 1676 года по современным описям // Чтения в Общ-ве истории и древностей российских. Книга 1. М., 1887, с. 1-80.
11. Кукушкина М.В. Монастырские библиотеки Русского Севера : Очерки по истории книжной культуры XVI–XVII вв. Л.: Наука, 1977. 223 с.
12. Тутова Т.А. Из истории архива Соловецкого монастыря // Археографический ежегодник за 1983 г. М.: Наука, 1985, с. 58-67.
13. Истина Святой Соловецкой обители против неправды Челобитной, называемой Соловецкой, о вере. Святой Соловецкой обители приношение. СПб., 1844. 278 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1
ОПИСЬ БИБЛИОТЕКИ И АРХИВА
СВЯТО-АНДРЕЕВСКОГО СКИТА 2017 г.¹

Журналы

1. Душеполезные размышления. Ежегодное издание Свято-Пантелеймонова монастыря.
2. Журнал Московской патриархии. Подборка с 1952 г.
3. Православная жизнь. Ежемесячное издание монастыря Святой Троицы в США. Приложение к журналу «Православная Русь». 1956–1961.
4. Наставления и утешения святой веры христианской. Издание Свято-Андреевского скита. 1890, 1906 и т.д.
5. Троицкие листки. Духовно-нравственное чтение для народа. Свято-Троицкая Лавра, 1900.
6. Известия Императорской академии Наук, 1901.

Газеты

1. Русская речь, 1912 и др. годы. Подборка в первоначальной упаковке.
2. Новое время. Подборка за несколько лет (вт. половина XIX в.).
3. Свет (вт. пол. XIX – нач. XX вв.).
4. Знамя (вт. пол. XIX – нач. XX вв.).
5. Всероссийский Церковно-общественный вестник (вт. пол. XIX – нач. XX вв.).

Священное Писание

1. Библия — 29 кн.
2. Евангелие (на русском и церковнославянском языках) — 207 кн.

Герменевтика

1. Толкование Священного Писания — 98 кн.
2. Феофан Затворник. Толкование Посланий апостола Павла — 66 кн.

Богослужebные книги (XIX – нач. XX в.)

1. Пролог — 27 кн.
2. Часослов, катехизис — 117 кн.
3. Последование ко причастию — 71 кн.
4. Типикон — 5 кн.
5. Апостол — 38 кн.
6. Месяцеслов — 28 кн.
7. Ирмологий — 28 кн.

¹ Описание составлено послушником Ватопедского монастыря братом Вячеславом и автором статьи В.Н. Матониным. Книги и материалы архива произвольно разделены составителями Описи на группы в соответствии с их содержанием, традиционно выделяемыми жанрами и практическим назначением.

8. Требник — 50 кн.
 9. Триодь (цветная, постная) — 30 кн.
 10. Октоих — 40 кн.
 11. Минеи — 80 кн.
 12. Службы разным святым — около 150 кн.
 13. Чин Божественной литургии свт. Иоанна Златоуста, свт. Василия Великого, Преждеосвященных Даров — 124 кн.
 14. Молитвословы, каноники, правильники — 333 кн.
 15. Акафисты и службы различным святым (мягкий и твердый переплет) — 1064 кн.
- Всего — около 2184 кн.

Патерики

1. Афонский патерик. Свято-Пантелеймонов монастырь, 1865. — 16 кн.
 2. Древний патерик. Свято-Пантелеймонов монастырь, 1891. — 28 кн.
 3. Игнатий Брянчанинов. Отечник. СПб., 1880. Переиздания 1891, 1903 и т.д. — 25 кн.
- Всего — 69 кн.

Жития святых

1. Жизнеописание отечественных подвижников благочестия XVIII–XIX вв., 1909. Подобраны по дням памяти святых на протяжении года. — 56 кн.
 2. Собрания житий святых. Издание Киево-Печерской лавры, 12 томов, 1856.
 3. Собрания житий святых на церковно-славянском языке, 1854. — 12 томов.
 4. Жития святых Российской церкви: русских, иверских и славянских. СПб., 1859.
 5. Различные жития святых в твердом переплете. — 139 кн.
- Всего — 150 кн.

О Пресвятой Богородице

1. Слава Пресвятей Владычице нашей Богородице. Описание чудотворных икон и Ее житие. М., 1853.
 2. Вышний покров над Афоном. Издание Свято-Пантелеймонова монастыря, М., 1902.
- В совокупности — 80 кн.

Творения святых отцов

1. Авва Дорофей — 45 кн.
2. Авва Исая. Слова. М., 1883. Есть также издание 1885 г. — 24 кн.
3. Авва Исихий. 1883. — 6 кн. + 5 брошюр.
4. Амвросий Медиоланский — 5 кн.
5. Антоний Великий — 6 кн.
6. Варсонофий и Иоанн — 20 кн.
7. Василий Великий — 33 кн.

8. Дмитрий Ростовский – 86 кн. (из них 44 «Алфавит Духовный»)
 9. Добротолюбие — 38 кн. + 4 брошюры
 10. Ефрем Сирин. М.: Синодальная типография, 1856. В твердом переплете и в виде брошюр — 22 книги. Содержание: Псалтирь, духовные суждения. 20 кн. + 19 книг с его Псалтырью + 29 брошюр.
 11. Игнатий Брянчанинов — 39 кн.
 12. Иоанн Дамаскин — 3 кн.
 13. Иоанн Златоуст — 55 кн.
 14. Иоанн Кронштадтский — 22 кн.
 15. Иоанн Лествичник. Лествица. Различные издания: 1854, 1862, 1900. — 60 кн.
 16. Иоанн Максимович. Илиотропион. Издание Киево-Печерской лавры, 1896. Переиздания. — 7 кн.
 17. Иоанн Максимович, архиепископ Черниговский. Царский путь Креста Господнего. Троице-Сергиева лавра, 1904.
 18. Иоанн Мосх. Луг духовный. Троице-Сергиева лавра, 1896. — 3 кн.
 19. Исаак Сирин. Духовно-подвижнические слова. М., 1854. Переиздания. — 25 кн.
 20. Иустин Философ. Разговор с Трифоном иудеем. Киево-Печерская лавра, 1866. На церковнославянском языке. — 3 кн.
 21. Кассиан Римлянин. Издание Свято-Пантелеймонова монастыря, 1892. Переиздания. — 17 кн.
 22. Кирилл Иерусалимский — 2 кн.
 23. Макарий Египетский — 9 кн.
 24. Макарий Оптинский — 3 кн.
 25. Максим Грек — 4 кн.
 26. Максим Исповедник — 9 кн.
 27. Марк Подвижник — 3 кн.
 28. Никодим Святогорец. «Невидимая брань» — 76 кн.
 29. Нил Афонский — 4 кн.
 30. Нил Синайский — 5 кн.
 31. Нил Сорский — 22 кн.
 32. Паисий Величковский — 33 кн.
 33. Палладий Иеропольский — 1 кн.
 34. Патриарх Каллист и сподвижник его Игнатий Ксанфопул — 8 кн.
 35. Петр Дамаскин — 5 кн.
 36. Симеон Новый Богослов. Собрание сочинений. — 38 кн.
 37. Тихон Задонский — 4 кн.
 38. Феодор Студит — 18 кн.
 39. Феофан Затворник — 432 книги + брошюры.
 40. Филарет Московский — 3 кн.
 41. Фома Кемпийский — 1 кн.
- Всего книг — 1256 кн.

Аскетические сборники

1. Училище добродетельной жизни.
 2. Цветник духовный.
 3. Маргарит.
 4. Митерикон (жития святых женщин).
 5. Дух и заслуги монашества для Церкви и общества.
 6. Наставления о молитве и трезвении.
 7. В объятиях отчих. Дневник инока.
 8. Письма Святогорца к друзьям о Святой горе Афонской. М., 1895.
 9. Пролог в поучениях. Синаксарий. Благодетельные поучения и евангельское чтение на каждый день года. Издания 1900, 1912 гг.
 10. «Восстани спяй». Сборник поучений.
 11. Камень веры.
 12. Черты деятельного благочестия.
 13. Старческие советы некоторых отечественных подвижников благочестия XVIII–XIX веков. Издание Свято-Пантелеймонова монастыря, 1913.
 14. Училище благочестия. Примеры христианских добродетелей. СПб., 1853.
 15. Петр, епископ. Путь ко спасению. Оптина пустынь, 1885.
 16. Монашеская жизнь в поучениях святых отцов. Вильно, 1901.
- Всего — 283 книги + 51 брошюра.

Богословие

1. Православно-догматическое богословие. Беседы протоиерея Евгения Попова. Пермь, 1880.
2. Краткие поучения. Киево-Печерская лавра, 1855.
3. Православие и не православие. Свято-Пантелеймонов монастырь, 1887.
4. Митрополит Макарий Московский. Православно-догматическое богословие. В 2-х томах. СПб., 1895.

Литургия

1. Вениамин, архиепископ Нижегородский и Арзамасский. Новая скрижаль. СПб., 1870.
 2. Дмитриевский А. Богослужение в Русской Церкви XVI века. Часть I. Казань, 1884.
 3. Протопопов Д.И. Объяснение литургии. М., 1904.
 4. Иеродиакон Евгений. Объяснение литургии преждеосвященных даров. СПб., 1883.
 5. Соколов М. Богослужение православной церкви. Руководство. СПб.
 6. Булгаков С. Настольная книга священно-церковнослужителя. Киев, 1913.
- Всего книг по Богословию и Литургии — 43 книг и брошюр в большом количестве.

История Священного Писания

1. Матвиевский П., протоиерей. Евангельская история. Издание Свято-Пантелеймонова монастыря, 1912.
 2. Соколов А. Священная история в простых рассказах. СПб., 1905.
 3. Лебединский П.С. Иисус Христос Сын Божий Спаситель мира. М., 1896.
 4. Попов Е., протоиерей. Земная жизнь Иисуса Христа. СПб., 1893.
 5. Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический. СПб.
 6. Тихвинский Николай, протоиерей. Земная жизнь Иисуса Христа. М., 1888.
 7. Книга премудрости Иисуса сына Сирахова. Перевод. СПб., 1860.
 8. Михайловский В. Библейский богословский словарь. СПб., 1899. — 5 изданий.
 9. Зонтаг Анна, урожденная Юшкова. Священная история для детей Нового и Ветхого Завета. Часть II. Издание шестое, тщательно исправленное. СПб., 1853.
 10. Иисус Христос на Голгофе, или сем Слово Его на кресте. Изд. III. М.: типография В. Готье, 1853.
 11. Смолин Иоанн, диакон. Миссионерский щит веры от сектантских лжеучений, СПб.
- Всего книг — 31 кн.

Имяславие

1. Троицкий С.В. О именах Божиих и имябожниках. СПб., 1914. — 2 кн.
 2. Никон, архиепископ. Имябожники. Троице-Сергиева лавра, 1914.
 3. Буланович Антоний. Апология веры во Имя Божие и во Имя Иисус. М., 1913.
 4. Чиннов Г., епархиальный миссионер. По поводу современных споров от Имени Божиим. Одесса, 1913.
 5. Петровский С., протоиерей. Имя Божие есть Сам Бог? Беседа. Издание Андреевского скита, 1913.
 6. Пахомий, монах. История Афонской смуты, или имябожеской ереси. СПб., 1914.
 7. Божественно ли имя Иисус? Голос из кельи старца Киево-Печерской обители.
- Всего — 2 кн. + брошюры.

Каноническое право

1. Книга правил святых апостолов, святых соборов вселенских и поместных и святых отец. М., 1874. — 2 кн.
 2. Пролович А. Сборник законов о монашествующем духовенстве. М., 1897. — 1 кн.
- Всего — 3 кн.

История

1. Зверев Б.И. Страницы русской морской летописи. М., 1960.
2. Чичагов Л.М., священник. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря Нижегородской губернии. М., 1896.

3. Филиппова М.А. Патриарх Никон. Исторический роман. В двух томах. СПб., 1899.
4. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. В трех томах. Белград, 1939.
5. Книги по истории Афона. — 22 кн.
Всего — 66 кн.

Путеводители

1. Путеводитель в Палестину, по Иерусалиму, Святой земле и другим святыням Востока. Издательство Андреевского скита. Одесса, 1890.
2. Павловский А.А. Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи и Афону. Нижний Новгород, 1907.
Всего — 42 кн.

Языки, словари, грамматика

1. Кошанский Н. Латинская грамматика с примерами для чтения и словарем. СПб., 1842.
2. П-ов Г., священник. Грамматика латинского языка. Учебник по греческому языку. Новая полная практическая грамматика греческая, изданная Никитинским. Часть I. М., 1817.
3. Кесизоглу Н. Самоучитель русского и новогреческого языков. Одесса, 1899.
4. Черный Э. Греческая грамматика гимназического курса. Часть I. Этимология. Издание девятое, исправленное. М., 1894.
5. Григорьевский М. Курс греческого языка по Курциусу и Коху. Часть I. Этимология. СПб., 1892.
6. Греческо-русские и русско-французские словари.
Всего книг — 40 кн. + брошюры.

Справочники

1. Вся Россия. — Сборники 1912, 1918 гг.
2. Весь Петербург. — Сборники 1897, 1908 гг.
3. Адресные книги различных губерний за 1869, 1886, 1887, 1887, 1891 гг.
4. Справочная книга о купцах. 1879.
5. Памятная книга Ломженской губернии, 1887.
6. Ежегодник Министерства иностранных дел за 1885, 1893, 1894, 1895, 1896, 1899, 1901, 1902 гг. — 10 кн.
Всего — 71 кн.

Нотные партитуры

1. Церковно-певческий сборник. Литургия. 3 голос. Том II. СПб., 1901.
2. Бахметьева Н.Б. Обиход нотного церковного пения. Голос дискант. СПб., 1869.
3. Обиход... Голос альт. СПб., 1869.

4. Обиход... Голос бас. СПб., 1869.
 5. Всенощное бдение. В 2-х томах.
 6. Рукописные церковные произведения. Херувимская Ростовская.
 7. Погословики. Бас. Рукопись (Милость мира Омская, Херувимская Дивногорская, Херувимская Московская).
- Всего — 38 кн.

Календари

1. Русский календарь М. Суворина за 1880, 1883, 1884, 1887, 1902, 1903, 1905, 1906, 1907, 1915 гг.
 2. Всеобщий календарь. Издание Германа Гоппе, СПб. За 1869 и последующие годы, за 1899, 1900, 1907, 1908 гг.
 3. Кавказский календарь под ред. Кондратенко. Тбилиси, 1897, 1898, 1900, 1901 и последующие годы.
- Всего — 50 кн.

Медицина

1. Лори И. Гомеопатическая домашняя медицина. Под ред. Б.Е. Брезоля. СПб., 1892.
 2. Вальдербург Л., доктор. Руководство к прописыванию лекарств. СПб., 1883.
 3. Андриевский Д. Школа здоровья. Полный курс медицины. М., 1899.
 4. Эвальд С.А., профессор Берлинского университета. Руководство по общей и частной рецептуре. Харьков, 1903.
- Всего — 20 кн.
Итого книг и брошюр — около 5 000.

Документы

Экономика, бухгалтерия

1. Счета монастыря и келий. 1886.
2. Келиотская денежная книга. 1872–1873.
3. Денежные суммы Андреевского скита. 1872–1873.
4. Личные счета монастырей, скитов и келиотов. 1875.
5. Одесса келиотская. 1874. — 2кн. Деньги, полученные Андреевским скитом для различных келий. Счета монастырей и келиотов за 1873 г.
6. Книга приходов и расходов Андреевского общежительного скита за различные годы. 1891.
7. Расходная книга 1874–1883; с 1886–1889; 1891, 1893. — 20 книг за различные годы.
8. Дубликатная книга прихода по главной кассе. 1891–1896.
9. Приказания настоятеля Андреевского скита на покупки для обители в Одессе и в Константинополе. 1888–1891.
10. Книжка на записку различных требований в Константинополь. 1884–1889.
11. Покупки в августе 1896–1897 гг.

12. Приходно-расходная книга 1875 г. Из содержания: Донская поездка.
13. Книги на различные покупки 1895–1896 гг.; 1893–1895 гг.
14. Приход-расход главной кассы. 1903.
15. Вторая книга главной кассы с 1882 г.
16. Третья книга кассы. 1876 г.
17. Счета Одессы. 1875–1876.
18. Долговая книга. 1909 г.
19. Добавочная книга на записку прихода-расхода за 1884–1885.
20. Приходно-расходная книга 1887 г.
21. Приход-расход за 1884 г. (при первом игумене), 1846, 1848, 1849, 1851–1857 гг.
22. Книга долговая иеромонаха о. Иезекииля с 1879–1882 гг. Из содержания: имена, фамилии дарителей, где собирали милостыню (села Калиновка, Серные воды; ст. Кундравицкая Троицкого уезда; ст. Тымымово ближайшая к Самаре).
23. Синодико-долговая книга № 3. Из содержания: имена благодетелей, неполные суммы за посылающих за имена на поминовение в 1880 г.; выписка из чиноположения о вечных поминовениях обители с прейскурантом.
24. Счета обители по заказам № 1. 1911–1914. Из содержания: суммы, полученные и потраченные; на что потрачено и за что получено.
25. Опись при сдаче сохранной кассы Андреевского скита за 1914 г. по книгам и на лицо.

Промыслы, ремесла, быт

1. Кузница в 1888 г. Покупки, расходы.
2. Дохиарня (продуктовый склад). 1900.
3. Живописцы. Покупки, расходы.
4. Рукоделье.
5. Сапожня.
6. Рухальня. 1887 и др. годы.
7. Аптека и больница. 1877.
8. Строительные материалы.
9. Милостыня.
10. Книжная лавка.
11. Книга для отправки посылок в Россию. Март 1880.
12. Канцелярская книга.
13. Книга прихода частного и строительных материалов. Счета за 1876 г.
14. Книга «Поездка иеромонаха Виталия». Сбор милостыни для скита. Расход с 05.02.1899 по 3.08.1899.
15. Счета на доставку в скит строительных материалов. 1875.
16. Оргаты (неправильно написанное греческое слово). Наемные рабочие. Их списки в алфавитном порядке в 1901–1907 гг. — 9 книг.
17. Эргаты поденные. 1899.

18. Эргаты кутура. 1899. Содержание: имена рабочих и их зарплата. — 2 книги.
19. Эргаты кутура. 1898–1899.
20. Поденные книги: за 1897 — 2 кн.; 1895 — 1 книга.
21. Книга всех рабочих людей за 1902, 1903–1904, 1904–1905, 1905–1906, 1907, 1909–1910, 1911–1912, 1913–1914 гг.
22. Книга для записи рабочих дней мастеров по каменной части. Из содержания: когда и сколько получили мастер Василий, мастер Георгий Антанас Косте.
23. Счета рабочих людей за 1872 г. Из содержания: суммы столярам, фординарам, воловщикам, кузнецам, эргатам, литографу, столярам.
24. Счета сапожни (мастер Дмитрий Болгарин — 103 лева), дохиарни, рухальной.
25. Документы о заказах в иконописную мастерскую за 1864, 1873, 1910 и др. годы.
26. Экономическая книга по иконной лавке.

Счета и чеки

78 папок за 1903, 1923, 1936 и др. годы

1. Счета с иконной лавки.
2. Облигации.
3. Банковские счета — 1 папка. Содержание: французские облигации; бумаги русско-английского банка «Экспресс», находящегося в Берлине, банковские билеты.

Корреспонденция, посылки

1. Исходящая 1865 г. (при игумене Феодорите) для записи исходящих бумаг. Из содержания: памятная тетрадка с именами и адресами благотетелей.
2. Исходящая книга для записи официальных бумаг. 1868–1876. Корреспонденция пронумерована. Содержание: исходящий реестр официальных документов, свидетельства, письма, копии деловых бумаг.
3. Алфавит, исходящий для книги за 1872–1873 гг. Из содержания: имена адресатов, дата отправки корреспонденции.
4. Книга для записывания посылок. 1894. Содержание: от кого получена, кому отправлена с датой прихода парохода.
5. Отправка писем и получение о них. 1850. Новорусский Ватопедский скит. Содержание: корреспонденция в Москву, в СПб., в Лавру — кому и что отправлено. Пример: князю Волконскому в СПб. В благодарение за сбор.
6. Посылочные книги.
7. Письма благодарностей и расписки жертвователям. Содержание: печатные бланки со словами благодарности. «Приняли сумму...», «благодарим...».

Канцелярия

1. Алфавиты исходящих книг и ответов.

Поминальные записки и синодики

10 папок, разные годы.

1. Печатные бланки с прејскурантом записок «за упокой».
2. Кончина и погребение игумена Иосифа. Печатные информационные листы. — 1 папка.
3. Рекламные листы с предложениями о поминовении и прејскурантом. — 4 папки.
4. Рукописные синодики в твердой обложке — 235 кн.

Документы на греческом языке

13 папок.

1. Переписка с греческими монастырями.
2. Письмо в министерство сельского хозяйства Греции.
3. Письма официальным лицам.

Братия

1. Картоотека всех русских монахов на Святой Горе Афон. — 4 папки. Содержание: ФИО, монашеское имя, откуда родом, где выдан паспорт и его номер, место проживания (келия, обитель, квартира), монашеский сан, образование, национальность (сербы, молдаване, русские).
2. Заграничные и русские паспорта русских монахов. Указаны ФИО, рост, цвет волос, особые приметы, образование. — 3 папки.
3. Братские списки в разные годы. Содержание: монашеское имя, время преставления; списки пустынников, получающих хлебный пай; некрологи; списки соборных старцев; епитропы — руководящие должности.
4. Монашеские правила и типиконы (уставы) — 1 папка.

Подворья Андреевского скита

Документы на русском, турецком, французском языках.

1. Подворье в Одессе — 4 папки.
2. Подворье в СПб. — 3 папки.
3. Метох Нузла (Греция) — 3 папки.
4. Ростов — 1 папка.

Внешние отношения Скита

1. Хилендар. Переписка с сербским монастырем. — 1 папка.
2. Иерусалим. Письма, документы. — 1 папка.
3. Сербская церковь. — 1 папка.
4. Ватопед. Документы. Перевод с греческого на русский язык. — 1 папка.

Разное

Документы без точной хронологии — 5 папок.

1. Письма за 1921 г., записная книжка, просьбы к игумену, благодарности игумена.
2. Кириякон — 1 папка. Документы о строительстве собора Андрея Первозванного, акт освящения собора; свидетельство о посещении скита Великим Князем Алексеем Александровичем в 1867 г.

3. Святыни — 1 папка. Свидетельства о святынях, хранящихся в обителях и отправляемых кому-либо. Заказы на копирование чудотворных икон. Подарки икон благодетелям. Благодарности за пожертвование.
4. Документы на турецком языке — 2 папки.
Рукописи и письма за 1870-1910 гг. В каждой папке, примерно, 700 писем.
Всего единиц хранения рукописей и писем — около 184 000.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2
ИЗ ОПИСИ АРХИВА И БИБЛИОТЕКИ
СОЛОВЕЦКОГО МОНАСТЫРЯ 1767 Г.

Апостол — 48 книг от 1485 до 1648 гг., в том числе вклады инока Кирияка, старца Феодосия Кожеозерского, старца Леонида Балакшина, боярина Феодора Толочанова, игумена Соловецкого Феодосия, Филиппа Митрополита Московского и его ученика Иакова.

Библия и Евангелие — 56 книг, датируемые от 1292 г. до XVII в. Среди них — вклады Маркелла, архиепископа Вологодского и бывшего игумена Соловецкого, Митрополита Московского Филиппа, царя Иоанна Васильевича Грозного, Митрополита Новгородского Исидора.

Псалтирь — 82 книги XV–XVII вв. Среди них — вклады ученика преподобного Зосимы игумена Досифея, Митрополита Московского Филиппа, старца Авраамия Палицына, старца Сильвестра.

Богослужбные книги XV–XVII вв.: акафисты, канонники, минеи, молитвословы, прологи, святцы, триоди, требники, октаи (или осьмогласники), уставы церковные, уставы о Панагии, часословы, месяцесловы, трефолой (службы избранным святым), часы в навечерие Рождества Христова, Богоявления и в Великий Пяток, паремии, обиходы нотные, обиходники, правильники, праздники нотного демественного пения, последования Елеосвящения; Службы Тихвинской Богородице, Грузинской Богородице, Служба Зосимы и Савватия, Служба на обретение мощей Германа Соловецкого, Иоанна и Логина Яренгских, Службы святым Филиппу Митрополиту Московскому, Герману Соловецкому, Иоанну и Логину Яренгским; Службы Святителю Николаю и Филиппу, Сергию и Никону Радонежским, святым Димитрию и Феодору Стратилату, Епископу Новгородскому Никите, Князю Всеволоду Псковскому, преподобным Сергию и Вакху, всем святым, преподобному Михаилу Малеину;

Чин ставления на Княжение Великих Князей Русских, Чин Царскому величанию Царя Бориса Годунова, Чин на освящение Церкви.

Среди них вклады Пана Андрея Голубовского, Царя Иоанна Васильевича, князя Дмитрия Пожарского, игумена Гурия, Архиепископа Суздальского Иосифа, старца Захария Оничкова, старца Фирса, старца Никиты Котельникова, священноинока Фирса, священноинока Старичанина, старца Алексея Булатникова, старца Иоанникия Буйнова, Саввы Стороржевского Монастыря Архимандрита Никанора, Ариепископа Вологодского Маркелла (бывшего Игумена Соловецкого), иеродиакона Арсения, старца Головщика Ионы, Игумена Антония, игумена Феодосия, игумена Алексея Юренева, священноинока Досифея, Митрополита Московского Макария 1-го,

Митрополита Московского Исидора, Арсения Боброва, Архиепископа Рязанского Филофея, преподобного Елеазара Анзерского Чудотворца.

Книги Отеческие XV–XVII вв.: Поучения Аввы Дорофея, Беседы на деяния апостольские, Лествица, Ефрема Сирина поучительные слова, Лимонарь, Маргарит Иоанна Златоустого, Архиепископа Кирилла Иерусалимского поучительные слова;

Книга о постничестве Василия Великого, История святого Иоанна Дамаскина, Номоканон, О вере единой Православной, прологи, Андриатис, Беседы на евангелистов, Поучительные слова, Главник (собрание аскетических поучений), Григорий Солунский о Флорентийском соборе, Дионисий Ареопагит о небесном Священноначалии, Диалектика преподобного Иоанна Дамаскина;

Евангелие воскресное и толкование апостольских посланий, Евангелие толковое повседневное, Житие преподобных отцов Зосимы и Савватия Соловецких, Житие Святого Филиппа Митрополита Московского, Жития Святого Папы Римского Климента и других святых, Повесть о перенесении мощей Преподобных Сергия и Германа Валаамских, собрание поучений, Измарагд, Небеса Иоанна Дамаскина;

Похвальные слова Соловецким чудотворцам, Обличительные слова Иосифа Волоколамского на Новгородских еретиков, Кормчая книга, Лапсаик (патерические повести), минеи, Слова Максима Грека, Тактикон (Никона Черныя Горы книга), Поучения Нила Сорского, Патерик скитский, прологи, патерики, послания, поучения, толкования, Титель (правила апостолов), Цветник, Шестоднев Василия Великого.

Среди этих книг — вклады инока Феодосия Хрущова, Иринарха Соловецкого, казначея Симона, старца Ефрема Квашнина, старца Моисея Амирева, иноземца Петра Лукиянова, Ивана Харламова да казанца Шубина, старца соборного Ефрема старца Никиты Котельникова, старца Мафея Чекуева, Патриарха Московского Иосифа, архимандрита Хутынского Дионисия, царевны Марии Алексеевны, старца Иллариона Суздальца, дьяка Максима Матюшкина, уставщика Максима Семенова, старца Иосифа Сороцкого, Архиепископа суздальского Иосифа, соборного старца Иллариона, старца Александра Булатникова, старца Арсения Тверитина, старца Савватия, старца Сергия Москвитина, Патриарха Московского Иосафа, Архимандрита Дионисия, старца Иосафа Сороцкого, Архимандрита Ипатского Сергия, Архиепископа Рязанского Филофея, священника Сильвестра, старца Александра Булатникова, Архиепископа Вологодского Маркелла, боярина Димитрия Львова, ученика преподобного Зосимы игумена Досифея, Авраамия Палицына, преподобного Елеазария Анзерского, старца Савватия Обрютина, царя Иоанна Васильевича Грозного, Юрия Ищина, Саввы Сторожевского, старца Васьяна Напольского, старца Боголепа, старца Вендикта Литовского, бывшего Ипатского Архимандрита старца Сергия, старца Савватия Обрютина, священноинока Досифея, Соловецкого игумена Иакова, Преподобного

Чудотворца Соловецкого Зосимы, Князя Димитория Михайловича Пожарского, дьяка Богдана Дементьева, дьяка Якова Шошина, Новгородского Митрополита Макария 1-го, инока Павла, Архиепископа Псковского и Изборского Иосафа, старца Илии, Архимандрита Хутынского Дионисия, старца Моисея Амирева, Дружины Стряпчего, Иллариона Суздальского, старца Евтихия, священника Елевферия, старца Созонта, старца Геласия Уставщика.

Соборники и Сборники XV–XVII вв.: поучения, повести, хронографы, рассказы о странствованиях, жития, буквари, выписки из книг, летопись (до 7200 г.), творения, изъяснения, статьи, жития, писания Святых Отцов, службы.

Среди этих книг — вклады Ипатского Архимандрита Сергия, старца Моисея Амирева, Дружины Стряпчего, Архимандрита Варфоломея, Иллариона суздальца, старца Евтихия, священника Елевферия, старца Созонта, старца Геласия Уставщика, священноинока Досифея, Митрополита Новгородского Исидора, Преподобного Елеазара.

Книги гражданские XVI–XVII вв.: Славянская грамматика, Уложение царя Алексея Михайловича, Диоптра (зерцало жития человеческого), Лексикон Словено-Росский, Статут Княжества Литовского, Травник на Богемском языке, Лексикон речений иностранных в Святых книгах, Алфавит, Зерцало великое, Десидерий (стеся к любви Божией), Зерцало Богословия, Зерцало зрительное, Златая цепь (собрание назидательных поучений), Беседование души с потью, Катехизис, Космография (всемирное описание земель и наименований степеней в округах небесных), Кормовая книга Соловецкого монастыря, Летописец (выписка из Статейной книги), Летописец краткий, Лечебник, Обличение на Латин, Обличение на ересь Феодосия Чернца Косого, Обличение на Люторы, Об осаде Троицко-Сергиева монастыря, Описание Псково-Печерского монастыря, Описание большого чертежа Московского государства, Повесть о великих и преславных чудесах, Риторика на славянском языке, Стоглав (соборные вопросы и ответы), Степенная книга, Сказание о Царьграде и о взятии оногo от Турецкого Махмета, Уложение царя Алексея Михайловича, Хронограф, Хождение в Иерусалим Трифона Коробейникова и Арсения Суханова, нотные книги IV века старинного демественного пения под названием Трезвонов, Триодей и проч.; Слова похвальные на перенесение мощей Св. Филиппа Митрополита Московского в Соборную Соловецкого Монастыря Церковь из Отроча монастыря в Соловецкий, Послания Игнатия Митрополита Тобольского по своей епархии противу раскольников, Синаксарь, Поучение к новонаначальному монаху, правила, воспоминания, послания, поучения, Шестоднев, толкования.

Среди этих книг — вклады дьяков Шолкаловых, преподобного Иринарха Игумена Соловецкого, Ипатского Архимандрита Сергия, Митрополита Тобольского Игнатия.

Для цитирования: Севастьянова С.К. Главная опись Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря 1875 г. и книги Патриарха Никона //

URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2022/s/articles/3_2.pdf

DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2022.00.014

УДК 002.2; 930.254

ГЛАВНАЯ ОПИСЬ ВОСКРЕСЕНСКОГО НОВО-ИЕРУСАЛИМСКОГО МОНАСТЫРЯ 1875 Г. И КНИГИ ПАТРИАРХА НИКОНА

С.К. Севастьянова¹

¹ Сибирский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, г. Новосибирск, Российская Федерация
E-mail: sevask@mail.ru

Введение

Состав библиотеки в основанном Патриархом Никоном (1615-1681) Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре (1657) не являлся предметом специального научного интереса. Единственная попытка очертить пути формирования книгохранилища принадлежит архим. Леониду (Кавелину) (1822-1891) [1, с. 1-15]. Изучив описи монастырского имущества XVII–XIX вв., он проследил «движение» многих экземпляров и определил количественный состав библиотеки со времен Патриарха Никона до своего настоятельства в подмосковном Новом Иерусалиме (1869-1877) [1, с. 2-3, 10-15]. Однако содержательный анализ книг он не проводил.

Значительная часть заложенной Святейшим Никоном библиотеки сегодня находится в ГИМ [4]. В XIX в. Воскресенское собрание было открыто научному миру известными в то время палеографами и археографами и первыми составителями его научных описаний — архимандритами Амфилохием (Сергиевским-Казанцевым) (в 1856-1860 гг. настоятель Воскресенского монастыря, †1893) [5; 6], Леонидом (Кавелиным) [1; 2; 3], П.М. Строевым (1796-1876) [7] и И.П. Сахаровым (1807-1863) [8]. Однако не менее важными источниками о книжных сокровищах и вкладах Патриарха Никона являются монастырские описи. Сохранились три из них: две XVII в. — 1679 г. и 1685 г.; одна XIX в. — 1875 г.¹ Эта последняя (далее: [Опись 1875 г.](#)) и стала предметом настоящего исследования. Из библиотечного раздела Описи 1875 г. нами выделены отмеченные пометами Патриарха Никона манускрипты и охарактеризованы особенности их презентации в сравнении с описаниями указанных авторов.

¹ РГАДА. Ф. 1625 (Воскресенский Ново-Иерусалимский мон.), Оп. 1. Д. 32.

Краткая характеристика Описи 1875 г.

В XIX в. составление описей монастырского имущества было инициировано императорскими указами и синодальными распоряжениями как часть актуализированной в то время государственной программы сохранения культурно-национального наследия. «Главная Опись Воскресенского Новой Иерусалим именуемого монастыря, составленная в 1875 году» (Л. I) представляет собой рукопись в лист, писаную аккуратной скорописью светлорыжевными чернилами несколькими почерками. Заверена по листу архим. Леонидом. Состоит из трех частей, индивидуально пронумерованных и собственноручно подписанных архимандритом, иером. Венедиктом, казначеем иером. Антонием. Каждая часть имеет запись одинакового содержания о свертке монастырского имущества с данными предыдущих описей, утвержденную подписями «Московской Святейшего Синода Конторы Членов» Игнатия, еп. Можайского (в 1866-1877 гг.; †1883), протопресвитера Московского Успенского собора (с 1856 г.) Димитрия Новского (†1879) и секретаря, чья подпись неразборчива. Части скреплена круглой печатью красного воска [9].

Вторая часть Описи 1875 г. посвящена «книгохранилищу и письменности» Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря. Характеризуя состав библиотеки, руководство обители ориентировалось на форму, разработанную членом Святейшего Синода Филаретом (Дроздовым), митр. Московским (†1867) [10, с. 86-90(№70)]. Описание манускриптов строилось по знакомой и современным палеографам и хранителям рукописей схеме: название, размер, материал, почерк, объем, дата, содержание, переплет; наличие записей и помет. С разной степенью полноты книги характеризовались детально.

В 69 рукописях — 23 пергаменных и 46 на бумаге — отмечено наличие вкладной записи Патриарха Никона, но ее текст не приведен. Механическая фиксация вкладных помет вносила свою лепту в память об устройстве духовной жизни обители, целью которого была забота о повышении духовно-образовательного уровня насельников обители и их богословской грамотности. Содержание же других надписей и заметок помогали осмыслить масштаб и глубину замысла Патриарха Никона о Воскресенском монастыре Нового Иерусалима как центре православной жизни России, где в виде редчайших книжных сокровищ христианского Востока и древней Руси аккумулировалась многовековая и разноликая культурная жизнь и духовная история Вселенского Православия.

Опись 1875 г. и научные опыты описания рукописей в XIX вв.

Первые научные опыты описания рукописей появились в конце XVIII в. [11, с. 711-712]. Однако зарождение научной методики характеристики рукописных книг монастырских библиотек следует связать с деятельностью Комиссии печатания государственных грамот и договоров при Московском архиве Коллегии иностранных дел (1811). Внутри этой организации возник так называемый Румянцевский кружок. Направлением его работы под

руководством основателя, государственного канцлера графа Н.П. Румянцева (1754-1826), стали научные, в первую очередь, исторические разыскания. Именно тогда, как считают исследователи, произошло становление русской науки и русского гуманитарного знания. Были обследованы 170 архивов и библиотек России и зарубежья, составлены их каталоги. Содержание проделанной работы отвечало цели археографических исследований, сформулированной П.М. Строевым: ввести в оборот найденные источники и как можно шире познакомить с ними научное сообщество [12].

В рамках реализации этой программы книги Ново-Иерусалимского монастыря не могли не привлечь внимание академических ученых. Первое научное описание библиотеки сделано П.М. Строевым в 1818 г. От начальника Московского архива иностранной коллегии А.Ф. Малиновского (1762-1840) ученый получил задание составить ее подробную опись, «взявъ въ образецъ Маттея каталогъ Греческихъ манускриптовъ»¹ [7, с. I, VI].

Немецкий филолог-классик, палеограф Христиан Фридрих Маттеи (1744-1811) составил печатный каталог греческих рукописей московских Синодального и Типографского собраний. Описание манускриптов включало: номер рукописи в библиотеке; материал, на котором она написана; формат; количество листов; содержание; место, где рукопись находилась прежде; кем и в какое время написана; сведения о владельцах; палеографические наблюдения; комментарии и заметки о связанных с ней печатных изданиях [13]. Работа П.М. Строева, описавшего книги Нового Иерусалима в соответствии с методикой Маттеи, была опубликована в 1891 г. [7, с. 237-285]. Но в 1842 г. без упоминания имени историка она издана И.П. Сахаровым.

Сахаровское издание состоит из 140 номеров XIII–XVIII вв. Рукописи поделены: на пергамене (33 ед.) и на бумаге — хлопчатой (6) и простой (101). Последний блок имеет 12 разделов в соответствии с содержанием и назначением книг. Манускрипты характеризуются по названию, дате, формату, почерку, объему. В ряде случаев указываются: прежнее место нахождения книги, имена писцов, владельцев и вкладчиков, физическое состояние, пометы и состав. В 25 рукописях (а не 58, как сказано в издании) отмечена вкладная запись Патриарха Никона; ее текст издан [8, с. 21-22].

Описание П.М. Строева из 143 ед. XI–XVIII вв. дополнено «Изборником» 1073 г. вел. кн. Святослава Ярославича (†1076), сборником XVI–XVII вв., часть которого занимает «Лествица» прп. Иоанна, игум. Синайского монастыря (†649), и «тетрадкой» «по молебнѣ Пресвятой Богородицѣ» времени правления имп. Екатерины II [7, с. 242, 265, 276]. В издании П.М. Строева нет ни тематического, ни хронологического деления книг, зато в нем представлены все обязательные элементы характеристики рукописных книг как единой, сформировавшейся схемы их описания и исследования, поэтому оно отличается большей информативностью. Например, ученый отметил пергаменную

¹ Здесь и далее цитаты из печатных источников воспроизводятся в орфографии оригинала.

рукопись Евангелия недельного со скрепой Патриарха Никона [7, с. 237, №2], которая еще находилась в монастыре при архим. Амфилохии, но уже не вошла в позднейшие описания. В 62 (а не 56, согласно предисловию) рукописях мы отметили подпись от имени Патриарха Никона: 22 экз. на пергамене и 40 на бумаге. Ее текст, «одинаковый во всѣхъ его рукописяхъ», издан [8, с. VII].

Архим. Амфилохий (Сергиевский-Казанцев)— известный в свое время специалист по славянской и греческой палеографии, охарактеризовал сначала 32 пергаменные книги и 8 (из 96) бумажных [5]. Эти материалы, дополненные характеристикой печатных книг, вышли отдельным изданием [6]. Ученый архимандрит разделил книги и архивные материалы на три группы: манускрипты на пергамене (32 ед. и 2 свитка) и бумаге (до и после 1700 г. — 195 и 14 соответственно) и книги печатные (до и после 1700 г. — 128 и 7 номеров соответственно). Описание рукописей, сделанное о. Амфилохием, близко Строевскому: все обязательные пункты характеристики манускриптов, чрезвычайное внимание к деталям, полнотекстовые записи и пометы с использованием при воспроизведении специальных шрифтов.

Несмотря на отсутствие у о. Амфилохия специального образования, а потому наличие в его филологических наблюдениях неточностей [14], именно он привлек внимание ученой общественности к книжным сокровищам Воскресенского монастыря, ввел в научный оборот редкие тексты и особые редакции. Архимандрит охарактеризовал 71 (23 на пергамене и 48 на бумаге) рукопись с подписью Патриарха Никона; текст записи издал дважды. Каталогизируя книги Никона по описанию о. Амфилохия, мы не учитываем те из них, в принадлежности которых Патриарху ученый сомневался [см.: 15].

В 1871 г. о. Леонид подготовил описание библиотеки Воскресенского монастыря; позже опубликовал и фрагменты Описи 1875 г. с характеристикой книг [2, с. 330-366; 3, с. 330-353]. Эти издания и библиотечный раздел Описи 1875 г. объединяются в комплекс нарративов о «жизни» книгохранилища Ново-Иерусалимского монастыря от рождения при Патриархе Никоне до практически заключительного этапа в середине 1670-х гг., когда 500 книг — костяк Воскресенского собрания, возвращены в Патриаршую ризницу.

Проанализировав датированные вкладные записи, архим. Леонид отнес начало Воскресенской библиотеки не к 1657 г., когда монастырь стал соименным палестинской святыне, а к 1661 г. — тогда Патриарх выделил рукописи и книги из «собственной (Верховой) библиотеки» и подписал их. Текст вкладной записи издан [1, с. 2-3].

Проявляя интерес к личным вложениям Патриарха, о. Леонид следовал «съ полнымъ довѣріемъ» описаниям архим. Амфилохия и датировкам М.М. Срезневского [1, с. 15-16]. Архимандрит выявил 47 книг с подписью Никона (22 на пергамене и 25 на бумаге) и еще 6 ед. (1 на пергамене и 5 на бумаге), не упомянутых в описи монастырского имущества 1680 г. [1, с. 10-14]. Изучив описание о. Леонида, мы обнаружили в нем 60 рукописей с вкладными пометами Патриарха: 23 на пергамене и 37 на бумаге.

Примеры количественных и содержательных различий в характеристиках книг с подписями Патриарха Никона можно объяснить разными задачами. Архим. Леонид пытался восстановить их число. Стремясь раскрыть замысел Святейшего о подмосковном Новом Иерусалиме, повлиявший на состав монастырской библиотеки, архим. Амфилохий приписывал Никону пометы разных почерков, увеличивая количество его книжных вложений. И.П. Сахаров, стремясь быть первоиздателем уникальных сведений о Воскресенской библиотеке, оказался небрежным публикатором, допустившим опечатки и ошибки при характеристике книг, сделавшие его издание не востребовавшимся уже в XIX в., а сегодня — малоизвестным ученому миру.

Первыми и единственными в XIX в. подлинно научными описаниями библиотеки Воскресенского монастыря являются труды архим. Амфилохия и П.М. Строева. Ставшие в свое время образцовыми в своем следовании сформировавшейся в 1810-1820-х гг. на основе европейского и отечественного палеографического опыта схеме описания и изучения манускриптов и рукописных памятников [11, с. 716], они до сих пор остаются эталоном четкости и внутренней организации описи, внимания к деталям и исчерпывающей информативности, служат основой для исследования Воскресенского собрания.

Заключение

Таким образом, значительная часть рукописных книг с вкладными пометами Патриарха Никона представляют собой богослужебные манускрипты на пергамене, т.е. содержащие не современную Никону, а древнейшую литургическую практику. Это Евангелия и Апостол апракос, Псалтирь и Служебники с текстами литургии свт. Иоанна Златоуста, Минеи праздничные и служебные почти полного годового круга, постные и цветные Триоди, Октоих и Ирмологии. Церковное право представлено уставными сборниками на пергамене и бумаге, а также сводом гражданских и церковных законов византийского канониста Матфея Властаря (1290-1360). Большое место занимают святоотеческие сочинения — беседы и толкования на Евангельские тексты и апостольские послания свт. Иоанна Златоуста, Феофана Болгарского, слова свт. Григория Назианзина, прпп. Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника, Никона Черногорца. Житийная и патериковая литература представлена описаниями жизни насельников Соловецкого, Киево-Печерского и Псково-Печерского монастырей. В истории этих монашеских общежитий Патриарх Никон обнаруживал типологическую, символично-метафорическую и сюжетно-зодческую близость с Воскресенским Новым Иерусалимом. А в истории Руси и мира, изложенной в летописях и хронографах, Святейший находил параллели с современными ситуациями и обучал учеников присущему ему самому объемному, пространственно-временному видению событий.

Очевидно, что библиотека в подмосковной обители имела специфику формирования. Древняя богослужебная традиция погружала насельников

монастыря в сложную многоплановость и цикличность вечно длящегося литургического действия. А традиционный набор святоотеческих поучений утверждал богословские основы веры: дополненные церковным и гражданским законодательством они удерживали умонастроения монахов в догматической строгости, не допускали вольномыслия и отступления от православного канона. Благодаря редчайшим манускриптам с глубочайшим духовным содержанием насельники Нового Иерусалима становились начитанными в святынях отцов и агиографии, библейско-богословской литературе и церковном законодательстве, дабы быть способными осмыслить Русскую Церковь в ее единстве и оплотом Вселенского Православия.

Список литературы

1. Леонид, архим. Описание славяно-русских рукописей книгохранилища ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря и заметки о старопечатных церковно-славянских книгах того же книгохранилища. М.: Унив. тип. (Катков и К^о), 1871. 75 с.
2. Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря, составленное по монастырским актам, составленное настоятелем оною, Д. Чл. Общ-ва Архим. Леонидом. Главы II–VIII // ЧОИДР. М.: Унив. тип. (Катков и К^о), 1874. Окт.-дек. Кн. IV, с. 125-366.
3. Историческое описание ставропигиального Воскресенского Новый Иерусалим именуемого монастыря, составленное по монастырским актам настоятелем оною архимандритом Леонидом. М.: Унив. тип. (Катков), 1876. 780 с.
4. Щепкина М.В., Протасьева Т.Н. Сокровища древней письменности и старой печати: Обзор рукописей русских, славянских, греческих, а также книг старой печати ГИМ. М.: Сов. Россия, 1958.
5. Описание рукописей Воскресенского ставропигиального первоклассного, именуемого Новый Иерусалим, монастыря, писанных на пергамене и бумаге // ИОРЯС. СПб.: Тип. Имп. АН, 1858. Т. VII. Вып.4. Стб. 257-288; 1859. Т. VIII. Вып.1. Стб. 89-112; Вып.2. Стб. 186-202.
6. Амфилохий, архим. Описание Воскресенской Новоиерусалимской библиотеки. М.: Синод. тип., 1875. 230 с.
7. Строев П. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввина-Сторожевского и Пафнутиева-Боровского / Сообщ. архим. Леонид; с предисловием и указателем Н. Барсукова. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1891. 363 с.
8. Описание славяно-русских рукописей, находящихся в библиотеке Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря // Рус. древн. пам-ки. СПб.: Тип. Сахарова, 1842. Вып.1, с. I-IV, 1-13.
9. Севастьянова С.К. Главная опись Воскресенского Ново-Иерусалимского монастыря 1875 г. (предварительные наблюдения) // Баранова С.И., иерей Иоанн Кудласевич, Севастьянова С.К., Смирнова И.Ю., Федорова И.Ю., Черненилова Л.М. От Иерусалима до Нового Иерусалима. К 200-летию со дня рождения архимандрита Леонида (Кавелина). Коллективная монография. М.: Ин-т археологии РАН, 2022. С. 279-321.
10. Сохранение памятников церковной старины в России XVIII – начала XX вв.: Сб. документов / Авт. коллектив: В.С. Дедюхина, С.П. Масленицына, Л.В. Шестопалова, Л.И. Лифшиц, Н.А. Потапова. М.: Отечество. 1997. 395 с.
11. Корогодина М.В. К истокам описания рукописей как науки (XVIII – начало XIX в.) // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописей БАН. СПб.: БАН, 2020. Вып.8, с. 708-727.

12. Аксенова Г.В. Государственный канцлер Н.П. Румянцев — организатор русской науки // Преподаватель XXI век. 2010. Т.2, вып.3, с. 246-253.
13. Тюрина Г.А. Из истории изучения греческих рукописей в Европе в XVIII – начале XIX в.: Христиан Фридрих Маттеи (1744-1811). М.: Языки славянской культуры, 2012. 408 с.
14. Петруня О.Э., Турилов А.А. Амфилохий // ПЭ. М.: ЦНЦ «ПЭ», 2001. Т.2, с. 199-200.
15. Севастьянова С.К. Рукописи с вкладными записями Патриарха Никона и от его имени в описаниях XIX в. книгохранилища Воскресенского монастыря Нового Иерусалима // Каптеревские чтения. 2021. №19. С. 213-237.

**ПРИЛОЖЕНИЕ
(ФРАГМЕНТЫ ОПИСИ 1875 Г.)**

При публикации фрагментов Описи 1875 г. мы придерживаемся правил ТОДРЛ. Сохраняется буква «ѣ» («ять»), конечные «ь» («ер») и «ъ» («ерь») не сохраняются, буквы древнерусского алфавита заменяются современными аналогами: «і» («и» десятиричное) — «и», «Ѡ» («фита») — «ф», дифтонг «оу» — «у». Разделение текста на смысловые фрагменты соответствует современному прочтению. Регистр повторяет оригинал, подчеркивая неравномерность использования. Сокращения, принятые в источнике, раскрыты в квадратных скобках, кроме общепринятых аббревиатур.

(Л. 1) Глава I-я. Рукописи на пергаментъ

<...>

3. Евангелие на престольное, в лист, писанное уставом, в два столбца, на 258 листах, по письму и очертании//(*л. 1 об.*)ям букв относится к XV вѣку; скрѣплено внизу по листам подписью Святѣйшаго Патриарха Никона; переплетено в доски, обложенныя малиновым плисом.
4. Апостол, неполный на грубом пергаментѣ, в лист, писан уставом, в два столбца, на 153 листах; по письму и очертаниям букв относится к XIV вѣку; скрѣплен внизу по листам подписью Святѣйшаго Патриарха Никона; в корешкѣ.
5. Псалтырь, в лист, писанный крупным уставом, на 173 листах; по письму относится к концу XIII вѣка; скрѣплен внизу по листам подписью Святѣйшаго Патриарха Никона; в корешкѣ.
6. Служебник (Литургия Св. Иоанна Златоустаго) с чиноположениями на разныя случаи и молитвами, в $\frac{1}{4}$ д[олю] л[иста], писан хорошим уставом, на 80 л[истах]; по надписи на 79 л[исте] писан в 1380 году; скрѣплен внизу по листам подписью Святѣйшаго Патриарха Никона; в корешкѣ.
7. Служебник (Литургия Св. Иоанна Златоустаго), в // (*л. 2*) $\frac{1}{4}$ д[олю] л[иста], писан уставом, на 81 листѣ; по письму и очертаниям букв относится к XIV вѣку; скрѣплен по листам подписью Святѣйшаго Патриарха Никона; в корешкѣ.
8. Триодъ постная, неполная, в лист, писанная уставом, на 152 л[истах]; по письму и очертаниям букв относится к концу XIII или началу XIV вѣка; скрѣплена внизу по листам подписью Святѣйшаго Патриарха Никона; на 1-м листѣ надпись: “взята от Государя Патриарха на Печатный двор”; в корешкѣ.
9. Триодъ постная (часть 1-я, начинающаяся службою Мытаря и Фарисея и кончающаяся 2-ю недѣлею Св. Поста), в лист, писанная уставом косым, на

- 191 листъ; по письму относится к XV вѣку; скрѣплена рукою Святѣйшаго Патриарха Никона; переплетена в корешкѣ.
10. Триодъ постная (часть 2-я, заключающаяся службою 3-й и 4-й недѣли Св. Поста), в лист, писанная косым уставом, на 79 листах; по письму относится к XV вѣку; скрѣплена рукою Святѣйшаго Патриарха Никона; в корешкѣ. //
- (л. 2 об.) 11. Триодъ постная (часть 3-я, заключающая службы 5 и 6-й недѣли Св. поста), в лист, писанная косым уставом, на 102 л[истах]; скрѣплена рукою Святѣйшаго Патриарха Никона; в корешкѣ.
12. Триодъ постная (оканчивающаяся неполною службою в пяток 6-ой недѣли Св. поста), в лист, писанная уставом в два столбца, на 206 л[истах]; по письму относится к концу XIV или началу XV вѣка; скрѣплена рукою Святѣйшаго Патриарха Никона; в корешкѣ.
13. Триодъ постная (оканчивающаяся службою Пятка 6-ой недѣли Св. поста), в лист, писанная уставом в два столбца, на 184 л[истах]; по письму относится к концу XIV или началу XV вѣка; скрѣпленная рукою Святѣйшаго Патриарха Никона; в корешкѣ.
14. Триодъ постная (оканчивающаяся службою пятка 6-й недѣли Св. Поста), в лист, писанная уставом в два столбца, на 212 листах; по письму относится к XV вѣку; скрѣплена рукою Святѣйшаго Патриарха Никона.
15. Триодъ постная вмѣстѣ с цвѣтною (заключаю//(л. 3)щая только стихиры на “хвалитех” Апостолы и Евангелия, читаемые в дни недѣльные В[еликого] Поста и Св. Пятдесятницы), в лист, писанная уставом, в два столбца, на 198 л[истах]; по письму относится к XIV вѣку (письмо русское, нарѣчие Новгородское); скрѣплена рукою Святѣйшаго Патриарха Никона; в корешкѣ.
- <...>
17. Минея служебная за мѣсяц Март (оканчивающаяся 27-м числом — службою Препод. Матронѣ Селунской), в $\frac{1}{4}$ д[олю] л[иста], писанное уставом, на 142 л[истах]; по письму относится к XV вѣку; скрѣплена рукою Святѣйшаго Патриарха Никона; в корешкѣ.
18. Минея служебная за мѣсяц Апрель, в $\frac{1}{4}$ д[олю] л[иста], писанная уставом, на 174 л[истах]; по письму относится к XV вѣку; скрѣплена рукою Святѣйшаго Патриарха Никона; в корешкѣ. //
- (л. 3 об.) 19. Минея служебная за мѣсяц Май, в $\frac{1}{4}$ д[олю] л[иста], писанная на 112 л[истах]; по письму относится к XV вѣку; скрѣплена рукою Святѣйшаго Патриарха Никона; в корешкѣ.
20. Минея служебная за мѣсяц Июль, в поллист, писанная уставом, на 142 л[истах]; по подписи на послѣднем листѣ, писана в 1365 году; скрѣплена рукою Святѣйшаго Патриарха Никона; в корешкѣ.
21. Минея служебная за мѣсяц Июль, в $\frac{1}{4}$ д[олю] л[иста], писанная уставом, на 122 л[истах]; по письму относится к XV вѣку; скрѣплена рукою Святѣйшаго Патриарха Никона; в корешкѣ.

22. Миняя служебная за мѣсяц Ноябрь, в $\frac{1}{4}$ д[олю] л[иста], писанная уставом, на 194 л[истах]; по письму относится к XV вѣку; скрѣплена рукою Святѣйшаго Патриарха Никона; в корешкѣ.

23. Миняя служебная за мѣсяц Декабрь, в $\frac{1}{4}$ д[олю] л[иста], писанная уставом, на 198 л[истах]; по письму относится к XV вѣку; скрѣплена рукою Святѣйшаго Патриарха Никона; в корешкѣ.

<...>

(л. 4) 27. Октоих (5-8 гласов), в лист, писанный уставом, в два столбца, на 262 л[истах], из коих 1-е листы писаны на бумагѣ; по надписи на 261-м листѣ — писан в 1437 году; скрѣплен рукою Святѣйшаго Патриарха Никона; в корешкѣ.

28. Ирмологий нотный знаменнаго распѣва с крюковыми нотами, в $\frac{1}{4}$ д[олю] л[иста], на 195 л[истах]; текст и // (л. 4 об.) надписанное под ним “столповое знамя” относится в XII–XIII вѣку; скрѣплен рукою Патриарха Никона; в корешкѣ.

<...>

32. Антиоха Черноризца Пандекты о разных добродѣтелях, в $\frac{1}{4}$ д[олю] л[иста], писанныя хорошим уставом, на 207 листах, с 1 до 13 листа на бумагѣ; по письму относятся к XV вѣку; скрѣплено рукою Патриарха Никона; в корешкѣ.

<...>

(л. 7) Глава II. Рукописи на бумагѣ

1) Священное писание

1. Четвероевангелие, писано уставом, на толстой лощеной бумагѣ, в лист; объяснение глав у каждого Евангелиста в два столбца, на 231 листѣ; скреплено подписью Святѣйшаго Патриарха Никона. На листѣ 226 запись: “в лѣто 6938 (1430 г.) прекуплена бысть книга сиа Ермонахом Афанасием Русиным в Святой Горѣ Афонстѣй, в обители Царстѣй, в Пантократору, в нарицаемѣй Лаврѣ, в царство Греческаго Царя Кур Калуана Палеолога, и при Святѣйшем Патриархѣ Константинополя Кур Иосифѣ, и прѣнесена бысть от Греческаго Царства на Русь Богом Спасяемаго и Богом возлюбленнаго Града Тфери при Благочестивом и Боголюбивом и многомилостивом и мнихолюбивом Великом Князѣ Борисѣ Александровичѣ, // (л. 7 об.) а дана бысть книга сиа Святѣй Богородицѣ на перемѣру в лѣто 6944 (1436 г.) при игуменѣ Ионѣ”. По письму и очертаниям букв относится к концу XIV или к началу XV вѣка, переплетено в доски, обложенныя малиновым плисом.

2. Четвероевангелие, писанное уставом, на бумагѣ в $\frac{1}{4}$ д[олю] листа, на 348 л[истах]. На первом листѣ в концѣ страницы написано: “Евангелие старца Александра Булатникова”; Скрѣплено по листам подписью Св. Патриарха Никона. По письму и очертанию букв относится к XVII вѣку. Переплет ветхий; в корешкѣ.

<...>

2) *Богослужебныя* <...>

(л. 8) 5. Служебник, писанный в лист, на 214 листах. Скрѣплен рукою Святѣйш[аго] Патриарха Никона и по старым описям зовется “Патриаршим”. На 2-м и 106 л[истах] заставки, нарисованныя по золоту красками и для бережу прикрыты шелковою материю. На оборотѣ 62-го листа в молитвѣ, читаемой в 1-й день Августа во время освящения воды, упоминается Царь Иван Васильевич, при котором, значит, в XVI столѣтїи, писан сей служебник; переплетен в корешок.

6. Служебник, в лист, писанный очень хорошим крупным уставом, на 220 листах, скрѣплен Св. Патриархом Никоном. На 71-м листѣ надпись: “В лѣто 7096-ое (1588) по благословению Великаго Господина Иева, митрополита всеа Руси, писал сей служебник Мисаило Гнѣвашев, и подай же, Господи, милость и оставление грѣхов в день великаго и страшнаго Твоего пришествія. Аминь”. С оборота // (л. 8 об.) 218 листа и до конца, внизу, по листам, писано так: “сию службу Златоуста Иоанна писал Мисайла Гнѣвашев — стариченин Великому Господину Иеву Митрополиту”. Переплетен в корешок.

<...>

9. Служебник, писанный весьма хорошим уставом, в $\frac{1}{4}$ д[олю] л[иста] на 186 л[истах]; на 14-м и 109 листах пергаментных во всю страницу на //(л. 9)рисованы превосходно по золоту разными красками заставки; скрѣплен рукою Патриарха Никона. На оборотѣ 180-го листа внизу подпись: “мазал Андричина многогрѣшный”. По письму и очертанию букв сей служебник писан в XV вѣкѣ. Переплет корешковый.

<...>

(л. 9 об.) 13. Церковный Устав, в лист, писан // (л. 10) полууставом мелкаго письма, на 577 листах, как значится на оборотѣ 570 листа, по повелѣнїю Патриарха Филарета Никитича в 1622-м году. Скрѣплен по листам рукою Патриарха Никона. Переплетен в корешок.

<...>

(л. 10 об.) 15. Церковный Устав (Иерусалимский) в $\frac{1}{4}$ д[олю] л[иста], писанный полууставом XV–XVI столѣтїи, на 468 л[истах], скрѣплен по листам рукою Патриарха Никона. Переплет корешковый.

16. Церковный Устав (Иерусалимский) в $\frac{1}{4}$ д[олю] л[иста], писан полууставом XV–XVI столѣтїи. Скрѣплен рукою Св. Патриарха Никона; на 396 л[истах]. Переплет корешковый.

<...>

(л. 11 об.) 24. Устав Соловецкаго монастыря. В $\frac{1}{4}$ д[олю] л[иста], на 471 л[истах], писан полууставом XVII стол[етия]. Скрѣплен подписью Св. Патриарха Никона. Полное заглавие онаго: “Типик обители Вседержителевы, сущии Понта Океана Соловецкаго оттока, Лавры Преподобных и Богоспасаемых Отец наших Зосима и Савватия

Чудотворцев, о церковном пѣнии, и о трапезном благочинии, и о прочем монастырстѣм благоустроении, в 44 главах”; переплетен в корешок.

<...>

(л. 12) 28. Минея — праздничная, без начальных листов, начинается праздником Илии Пророка и оканчивается Успением Богородицы, писана полууставом XVII столѣтия, в ¼ д[олю] л[иста], на 343 л[истах]. Сверх сего находятся слѣдующія статьи: а) Кафизма 17-я с припѣвы, поема на всечестное Успение Владычицы нашея Богородицы, творение Феофилактово; б) начало священія антиминов, как достоин Святителю и Епископу освящать антимины; в) чин, как выходит Святитель на воспоминание Страшнаго Суда в недѣлю мясопустную. Переплетено в корешок; скрѣплена рукою Патриарха Никона.

<...>

(л. 12 об.) 30. Минея служебная, мѣсяц Июль, писана полууставом, XVI вѣка, в ¼ д[олю] л[иста], на 272 листах. Скрѣплена подписью Патриарха Никона. Под 24-м числом Июля положена служба Св. Борису и Глѣбу; переплетена в корешок.

<...>

(л. 13 об.) 40. Служба и житие Св. Отец Гурия и Варсанофия Казанских, сочинение Гермогена, Митрополита Казанскаго, в ¼ д[олю] л[иста], писана полууставом, XVII столѣтия, на 101 л[исте]. Скрѣплена рукою Патриарха Никона; переплетена в кожѣ.

<...>

(л. 14 об.) 47. Сборник разных церковных чинопослѣдований, в 1/8 д[олю] л[иста], на 90 л[истах], без начала и конца, частью полууставом, частью скорописью XVI–XVII столѣт[ия], Сербскаго письма; скрѣплен рукою Патриарха Никона; принадлежал Митрополиту Краковскому и Калассийскому Михаилу, который проживал и скончался в Москвѣ в 1650 годах. Содержание сборника: а) Служба освящению храма; б) Чин поставления игумена; в) разрѣшительная молитва умирающим; г) служба освящению воды; д) нѣсколько глав из Афонскаго хилендарскаго устава Пр[еп]. Саввы Сербскаго; е) надпись в соборном хилендарском соборѣ Богородицы, списанная с подлинника в 1578 году; ж) Свод сказаний церковных историков о жизни Божией Матери. Переплетен в кожѣ. //

(л. 15) 48. Синодик Святѣйшаго Патриарха Никона за его подписанием; в досках, обложенных голубым бархатом, с застежками, в ¼ д[олю] листа, на 150 л[истах], писанный полууставом. По листам внизу надпись: “лѣта 7166 Октября в 19 день Великий Государь Св. Патриарх Никон... положил”, а слѣдовательно, на другой день по освящении в сей обители перваго соборнаго деревяннаго храма Воскресения Христова, бывшаго в 1657 году Октября 18 дня.

К нему малый синодик, в ¼ д[олю] л[иста] на 12 л[истах], за подписью Патриарха, в коленкорѣ.

<...>

(л. 16 об.) 61. Стихирарь — рукопись с безлинейными нотами в 1/8 д[олю] листа, на 308 листах, знаменного распѣва, из поры раздѣльно-рѣчия, скрѣплена по листам Патриархом Никоном 7167 (1659 г.). Содержание ея, кромѣ стихир всѣм Господским и Богородичным Праздникам, Апостолам Петру и Павлу, а из Святых — Николаю Чудотворцу и Димитрію Селунскому, — сдѣсь помѣщены: “стихов боль// (л. 17) ших” праздничных, числом 21. Для образца выписываем начало большого стиха на Крещение (глас 2-ой): “Преклони ло ооо еее еее еее еси и и и и и и и глову Предотечи сокруши и лоо и и и и и главы змиеви”... В кожѣ.

<...>

64. Ирмолой — неполная рукопись, писанная скорописью, в 1/4 д[олю] листа, на 126 л[истах], с безли// (л. 17 об.) нейными нотами знаменного распѣва XVII вѣка. Внизу по листам подпись Патриарха Никона; кожѣ.

65. Ирмолой — рукопись с безлинейными нотами; писан скорописью, в 1/4 д[олю] листа, на 180 л[истах], знаменного распѣва, XVII стол[етия], мѣстами есть киноварныя помѣты; скрѣплен рукою Патриарха Никона; в кожѣ.

<...>

67. Ирмолой — рукопись с безлинейными нотами; писан скорописью, в 1/8 д[олю] л[иста], на 264 листах, знаменного распѣва XVII стол[етия]; по листам скрѣплен рукою Патриарха Никона; в корешкѣ.

68. Ирмолой — с первоначальными линейными нотами южно-русскаго распѣва, писан // (л. 18) скорописью, в 1/4 д[олю] листа, на 373 листах, с слѣдующим заглавіем: “Ирмолой, сирѣчь Богоугодная пѣсни в хвалу Богу в Троицѣ Святой Единому, во утѣшеніе вѣрным, от всѣх Святых Пророк избранны, Святым же Дамаскином присладчае сложены. Тщаніем и трудолюбіем сооружися в Богоспасаемом Градѣ Бѣлом Ковлю, в повѣтѣ Олышанском стоячом, а в маятности Его милости Княжати Яна Санкгушка, воеводича Вытебскаго, чрез многогрѣшнаго Господина, отца Тимофея Куликовича, священника Братской благочестивое на имя заложенной Рождества Святаго Иоанна Предтечи року 1652, мѣсяца Августа дня 7-го”. По листам внизу скрѣплен рукою Патриарха Никона в 1657 году; в корешкѣ.

<...>

(л. 20 об.) 79. Обиход нотнаго пѣнния, писанный полууставом мелким, в самую малую осмушку, на 114 листах. Скрѣплен рукою // (л. 21) Св. Патриарха Никона; в кожѣ.

<...>

Писания Св. Отец

82. Бесѣды Св. Иоанна Златоустаго на Евангелие от Матфея в 3-х книгах: 1-я на 420 л[истах], 2-я на 361 л[истах], 3-я на 302 листах, в лист, писаны 2 первыя

полууставом, а 3-я мелким письмом в два столбца в 1524 году, скрѣплены по листам подписью Патриарха Никона, списанныя с перевода, сдѣланнаго трудом Селивана, инока Троицкой Сергиевой Лавры, переплетены в корешок.

83. Бесѣды Св. Иоанна Златоустаго на Евангелие от Иоанна Богослова, в лист, писаны полууставом, на 505 л[истах], скрѣплены подписью Патриарха Никона. По надписи значится: “писаны в 1545 году при Царѣ Иоаннѣ Васильевичѣ, повелѣнием Василя Михайловича Тучкова-Морозова, а писал сию книгу Васильев парубок Богоданец Якимец сын Ростовец”; переплет корешковый.
84. Благовѣстник, или толкование на Евангелие повседневное, собранное от Святых Отцев блаженным Феофилактом, Архиепископом Болгарским, в лист, писан полууставом, на 840 листах. Скрѣплен рукою Патриарха Никона; в корешкѣ.
85. Торжественник, заключающий в себѣ слова разных Св. Отцев (преимущественно же Св. Иоанна Златоустаго) на Воскресные дни Св. Пятдесятницы, Господские и Богородичные праздники, в лист, полууставнаго письма XVI вѣка, на 329 листах. Скрѣплен подписью Патриарха Никона. Внизу // (л. 22) по листам надпись: “тожественник книгохранителя Иоакима в дом живоначальныя Троицы Чудотворцу Сергию к Богоявлению на Москву, пожаловать строителю написать инока Иоакима”; в кожѣ.
86. Златоуст, или бесѣды Св. Иоанна Златоустаго на Воскресное Евангелие всего года (начиная с недѣли Мытаря и Фарисея), в лист, на 446 л[истах], писан полууставом XVI ст[олетия]. Скрѣплен рукою Патриарха Никона. Внизу по листам надпись: “сия книга, глаголемая Златоуст, Богоявленскова попа Василя Шацкова уѣзда села Шаморги церкви Богоявления Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и великаго страсотерпца Георгия, а подписал Богоявленской поп Василий, подписал своею рукою лѣта 7133 (1625 г.) февраля во 2 день, а та сия моя книга собинная, а не церковная, и я, поп Василий, ту сию книгу продал Роману Федоровичу Бобарыкину в прок, без отнимна, а взял за нее поп // (л. 22 об.) Василий десять рублей 140 (1632 г.) Марта в 11 день”. За сим слѣдует подпись Патриарха: “лѣта 7166 Декабря в 4 день (слѣдов[ательно], в 1657 г.) пожаловал сию книгу Златоуст Великий Господин Святѣйший Патриарх Никон в свое строение в монастырь Живоноснаго Христова Воскресения в Московском уѣздѣ, что на Истрѣ рѣкѣ...” (слѣдует заклинание о неотчуждении ея от монастыря). Таким из сей надписи видно, что эта книга по времени своего пожалования есть самая древняя книга в монастырском книгохранилищѣ, ибо всѣ другия (кромѣ одного нотнаго ирмоля) по надписанию своему пожалованы от Патриарха лишь в 1661 году; в кожѣ.

<...>

(л. 23 об.) 90. Сборник поучений, в лист, на 594 лист[ах], полууставного Русскаго письма XV–XVI вѣка (без начала), заключающий в себѣ собрание слов или поучений Св. Отцев и проповѣдников Восточной церкви на праздники Господские, Богородичные и нарочитых святых, между коими есть и 2 русскія статьи: “сказание о убиении Св. Князей Бориса и Глѣба” и “сказание о перенесении мощей Святителя Николая в Бар Град в 1019 году”; в корешкѣ. Скрѣплен по листам Патриархом Никоном.

<...>

92. Св. Ефрема Сирина — поучения — Паренесис, в лист, полууставного письма XVI–XVII вѣка. Скрѣплена рукою Патриарха Никона на 394 л[истах], в корешкѣ.

<...>

(л. 24) 94. Св. Дионисия Ареопагита — о небесном и церковном чиноначалии, в лист, писана полууставом, переходящим в скоропись, XV вѣка, Сербскаго письма, на 316 листах, подписана Св. Патриархом Никоном. В серединѣ надпись: “потруждение Матфеово, помощь же Божия”; в кожѣ.

<...>

96. Св. Григория Назианзина — слова, в лист, полууставного письма, XVI–XVII стол[ѣтій], на 670 л[истах]. Скрѣплена рукою Патриарха Никона; в корешкѣ. //

(л. 24 об.) 97. Лѣствица Св. Иоанна Лѣствичника, в $\frac{1}{4}$ д[олю] листа, полууставного письма, XVI–XVII столѣтій, на 427 листах, скрѣплена рукою Патриарха Никона. Послѣ 30 глав Лѣствицы слѣдует еще 50 глав разнаго содержания, частью Св. Отцев, частью от Старчества и из книг Никона “Чорная гора”. В конце пасхальной таблицы лунное течение. Переплетена в пергамен.

<...>

(л. 26) 111. Сборник поучений Св. Отцев-подвижников, писан в $\frac{1}{4}$ д[олю] л[иста] на 372 л[истах], полууставом, XV–XVI стол[ѣтій]. Скрѣплен рукою Патриарха Никона. // (л. 26 об.) Содержание его: а) Слова Препод. Макария Египетскаго, б) Исихия Пресвитера к Феодулу, словеса душеполезная о трезвении и добродѣтели, в) Григория Синаита (краткия), д) от Зерцала, е) Григория Синаита о молитвѣ, ж) Филофея Синаита инока о хранении сердечном зѣло красны, з) Преподобнаго Марка подвижника, и) того же о сонных искушениях, и) Симеона новаго Богослова о молитвѣ, к) Слово от патерика — весьма полезно^а... в кожѣ.

<...>

113. Законоправильник — Матфея Властаря, // (л. 27) в лист, полууставного письма, за подписом Патриарха Никона. В концѣ книги надпись: “сие святые и Божественные книги списались повелѣнием честнаго в иноках игумена кур Арсения съвроших Даниил послѣдний в иноках, да еще что и

^а Далее перед многоточием открыта кавычка.

согрѣших вѣдѣнием или неразумием или брат к синѣ прииде, простите ме грѣшнаго и благословите”. Еще надпись на корешкѣ: “сия святая и Божественная книга, глаголемая законник, второе повѣзасе и оправисе в лѣто 7085 (1577 г.) мѣсяца Иуния 13-го при игуменѣ кур Симеону. Аз послѣдны в иноких Григорие”. Внизу по листам надпись: “лѣта 7163 (1655) Июня в 25 день прослал сию книгу правила великие Афонские горы монастыря Св. Павла Великомученика Георгия Архимандрит Анания с братьею”. Далѣе слѣдует скрѣпа рукою Патриарха Никона 7169 (1661 года); в кожѣ.

114. Тактикон, Сочинение Никона Чорной горы (в Антиохии), в лист, в два столбца, на 731 листѣ, писан полууставом мелкаго письм// (л. 27 об.) ма, XVI столѣтия. Внизу надпись: “Книга Кирилова^б монастыря”. Скрѣплен рукою Патриарха Никона; в кожѣ.

115. Большой катехизис, в лист (писан), полууставнаго письма XVII вѣка, на 425 л[истах]. Скрѣплен по листам рукою Патриарха Никона; в корешкѣ.

<...>

(л. 28) 121. О еретицѣх, обращающихся к Православной Вѣрѣ... и которые еретики подобает крестити, в $\frac{1}{4}$ д[олю] л[иста], писана полууставом XVII вѣка, на 72 листах. Скрѣплена рукою Патриарха Никона; в кожѣ.

<...>

(л. 33) *Историческая*

<...>

(л. 34) 177. Панегирик — сборник, именуемый панегирик, — в коем заключаются краткия (проложныя) жития святых с Апрѣля по Август и пространныя Русских святых с похвальными им словами, панегириками, в лист, писан полууставом, XV–XVII стол[ѣтия], на 281 л[истах], скрѣплен // (л. 34 об.) по листам рукою Патриарха Никона. Надпись в концѣ книги: “книга, глаголемая сборник четой, Пречистаи Богородица Зосимина пустыни, а купил сия двѣ книги (на лицо одна) сборник чети годовыя в дом Пречистыя Игумен Иев Рукин у москвитянина, у Порфирия у Чупронина”; в корешкѣ.

<...>

180. Патерик — Скитский, писан в лист, полууставом, в 1502 году, на 387 л[истах], в Кириловом^в монастырѣ повелѣнием Игумена Макария. В нем книга “Авва Дорофий”, словеса // (л. 35) душеполезныя, в кожѣ, скрѣплен рукою Св. Патриарха Никона.

<...>

184. Патерик — Печерский, в $\frac{1}{4}$ д[олю] л[иста], писан полууставом, XVI вѣка, на 478 л[истах], скрѣплен рукою Патриарха Никона. В началѣ краткия поучения Св. Отцев из патериков, а со 145 л[иста] начинается собственно

^б Испр., в ркп. Кирлова.

^в Испр., в ркп. Кириловом.

Патерик Печерский, списанный, как видно по языку, с одной из древнейших редакций онаго, продолжается до 324 листа; переплетен в корешкѣ.

185. Повѣсть преславна сказуема о принесении Боготѣлесныя ризы Спаса Христа от Персиды в Царствующий град Москву; в $\frac{1}{4}$ д[олю] листа, // (л. 35 об.) писана полууставом, XVII столѣт[ия], на 89 л[истах], скрѣплена рукою Св. Патриарха Никона. Во 2-ой половинѣ рукописи: “указ, как принимати Бѣлорусцов (униатов), приходящих в Православную вѣру — креститися — или помазати миром? Соборное изыскание Патриарха Филарета и как крестить от прочих ересей приходящих”. Переплетена в кожѣ. Скрѣплена рукою Св. Патриарха Никона.

<...>

- (л. 36) 188. Сказание о Псковском Печерском монастырѣ. В $\frac{1}{4}$ д[олю] листа, писано полууставом, XVII вѣка, на 177 л[истах], скрѣплено рукою Патриарха Никона. Во второй половинѣ рукописи, с 86 листа житие отца нашего Зосимы, новаго Чудотворца, иже на Соловецком островѣ, на полунощной странѣ, сущим Понта Океана; переплет кожаный.

189. Лѣтописец келейный Св. Патриарха Нико// (л. 36 об.) на. Так озаглавлена по старым описям рукопись, написанная отличною скорописью XVII вѣка, переходящею в полуустав, в лист, на 67 листах, с кудреватую заставкою, сдѣланною искусно отваренным золотом; переплетена в доски, обложенныя малиновым бархатом; на передней доскѣ средник и наугольники посеребрянныя с чеканными травами, а на задней пять мѣдных жуков и 4 петли без застежек серебрянныя. Полное заглавие этой рукописи такое: “сказание извѣстно, когда и кое время в Велицѣй Россійстѣй земли просия, еже во единого, истиннаго, в Троицѣ Славимаго Бога нашего Вѣра христіанская и благочестіе утвердися и коим образом Россійстии Митрополиты прияша власть от Константиноградских Патриарх своими епископы поставлятися и сущих под ними поставляти и когда и коим образом в Царствующем градѣ Москвѣ великий Патриаршій престол устроися и кто бысть первый Патриарх и по нем друзии; в нем же и о поставлении Великаго Государя Царя // (л. 37) и Великаго Князя Михаила Феодоровича всея Руси Самодержца Отца Великаго Государя Преосвященнаго Филарета Никитича, Митрополита Ростовскаго и Ярославскаго на Превысочайшій Патриаршій Престол Царствующаго града Москвы и всея великия России”. Рукопись сия по важности ея содержания принадлежала к числу избранных келейных книг Святителя, что и дало повод дать ей почетное названіе его “Келейнаго Лѣтописца”. Подписано по листам Патриархом Никоном в 7169 году.

190. Лѣтописец большой, в лист, за подписом Патриарха Никона, писан в XVII столѣт[іи], частью полууставом, частью скорописью, на 1431 листѣ. Содержит в себѣ: а) хронограф, еже есть лѣтописец, так называемой Еллинской редакции в 208 главах, на 548 листах, писан одною рукою,

полууставом, XVII столѣтия; б) Родословие Князей и бояр Русских от 584-669 листа; в) о разных звѣрях, птицах, рыбах и насѣкомых с 669–//(*л. 37 об.*) до 694 листа; г) сказание о пленѣнии Иерусалима Титом с 694 до 730 листа; д) Мефодия Пафарийскаго (Патарскаго) о царствах с 730 до 743 листа; е) неизвѣстнаго же о том же предметѣ с 743 по 766 лист; ж) временник Софійский по Несторовой лѣтописи с продолжателями по 1534 год и отрывок, содержащий в себѣ лѣтопись происшествий с 1445 по 1553 г[од]. Напечатано все сие в Москвѣ в двух частях 1820-1821 годов иждивением графа И.П. Румянцева П.М. Строевым, надпись его о сем же на стран[ице] 768-й 17 Августа 1821 года; з) Пасхалия зрячая с 1378-1393 л[иста]; и) повѣсть о Печерском Псковском монастырѣ с 1393 л[иста]; и) Правила Иоанна постника; к) ханские ярлыки; л) Грамата Св. Алексия Митрополита на черный яр. В кожѣ; переплет в двух частях^г, счет страниц проходит чрез обѣ книги.

<...>

(*л. 39*) 201. Космография, сирѣчь всего свѣта описание Герольдуса Меркатора, в лист, писана скорописью, XVII столѣтия, на 752 лист[ах], скрѣплена рукою Св. Патриарха Никона. В кожѣ.

^г *Испр., в ркп. частях*

Для цитирования: Зеленская Г.М. Письма настоятеля Успенского собора Московского Кремля протопресвитера Димитрия Новского к архимандриту Леониду (Кавелину) 1873-1875 гг. //

URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2022/s/articles/3_3.pdf

DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2022.00.015

УДК 930.27

ПИСЬМА НАСТОЯТЕЛЯ УСПЕНСКОГО СОБОРА МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ ПРОТОПРЕСВИТЕРА ДИМИТРИЯ НОВСКОГО К АРХИМАНДРИТУ ЛЕОНИДУ (КАВЕЛИНУ) 1873-1875 ГГ.

Г.М. Зеленская¹

1 ГБУК МО «Музей “Новый Иерусалим”», г. Истра Московской области, Российская Федерация
E-mail: gali.zelenskaia@yandex.ru

Настоящая публикация является первым изданием [писем Димитрия Петровича Новского](#) (1799-1879), протопресвитера Успенского собора Московского Кремля, к архим. Леониду (Кавелину; 1822-1891), настоятелю Воскресенского ставропигиального, Новый Иерусалим именуемого монастыря [1, л. 1-12].

Протопр. Д.П. Новский происходил из семьи священника села Маркова Ярославской губернии. Учился в Ярославской духовной семинарии, откуда в 1820 г. был отправлен как лучший ученик в Московскую духовную академию. Окончив курс в 1824 г. со степенью магистра, «определень бакалавромъ философскихъ наукъ», а через 4 года — «секретаремъ академической конференціи и правленія по Московскому духовно-учебному округу»¹.

В 1830 г. «произведенъ г. Москвы замоскворѣцкаго сорока, Никитской церкви, что въ Татарской, во священники». В 1832 г. переведен «Никитского сорока къ Крестовоздвиженской церкви, бывшей при московскомъ дворянскомъ институтѣ съ определениемъ законоучителемъ», а через два года — «Срѣтенскаго сорока къ Адриановской церкви».

В 1834-1835 гг. обозревал «Высокопетровскія духовныя училища» и назначался «членомъ комитета для повѣрки действий и отчетности комиссіи по построению церкви на московскомъ Пятницкомъ кладбище». В 1842 г. «определень Московской Духовной Консисто́ріи членомъ», тогда же «произведенъ въ протоіерея», а в 1844 г. «утвержденъ въ званіи дѣйствительнаго члена конференціи Московской Д. Академіи».

В мае 1856 г. «Святѣйшимъ Синодомъ определенъ протопресвитеромъ Московскаго Большаго Успенскаго Собора и членомъ Синодальной Конторы».

¹ Здесь и далее рукописные и печатные источники приводятся в орфографии и синтаксисе оригиналов.

С 1859 по 1865 г. «состоялъ цензоромъ» московскихъ духовныхъ журналовъ «Православное Обозрѣніе» и «Душеполезное Чтеніе».

15 сентября 1874 г. протопр. Димитрій Петровичъ Новскій участвовалъ в освященіи храма Воскресенія Христова после реставраціонныхъ работъ в Ново-Иерусалимскомъ монастыре.

В томъ же году онъ по случаю «пятидесятилѣтія со времени поступленія его на службу въ Московской Духовной Академіи, Советомъ оной избранъ въ почетные члены ея»; к этому дню «по вниманію къ многолѣтней полезной и усердной службѣ его, Всемилостивѣйше пожалованъ ему золотой наперсный крестъ съ драгоценными украшеніями изъ кабинета Его Величества» [2, с. 379-380]¹.

Переписка о. Димитрія с архим. Леонидомъ относится к 1873-1875 гг., когда Воскресенскій настоятель занимался составленіемъ «главныхъ и дополнительныхъ описей церковныхъ и ризничныхъ вещей и книгохранилища» Ново-Иерусалимского монастыря. В процессе этой работы и по ее окончанію документы проверялись по порученію Конторы Святейшаго Синода ее членами во главе с протопр. Димитріемъ Петровичемъ Новскимъ. Сличеніе новыхъ Описей с прежними и «с самой наличностью вещей» показали, что они создавались «на точномъ основаніи Высочайше утвержденныхъ в 23 день Марта 1853 г. правилъ о составленіи церковныхъ описей и согласно с приложенной при сихъ правилахъ формою 2». По итогам дела было приказано размножить Описи в трехъ экземплярахъ и объявить архим. Леониду «за этотъ личный и полезный для монастыря трудъ» глубокую благодарность, о чемъ свидетельствовалъ указ Конторы Святейшаго Синода от 18 июля 1877 г. В то время архим. Леонидъ уже былъ наместникомъ Свято-Троице Сергіевой лавры [3, с. 16-18].

Описи Воскресенского монастыря 1875 г. сохранились в беловыхъ и фрагментарно в черновыхъ спискахъ; в настоящее время они скрупулезно изучаются и частично издаются.

Публикуемые письма протопр. Димитрія свидетельствуютъ о его активномъ участіи в трудахъ архим. Леонида. Какъ официальный представитель Священнаго Синода онъ совершилъ поездку в Новый Иерусалимъ «для освидѣтельствванія ризницы и повѣрки вновь составленной Описи» [1, л. 5]. Протопресвитеръ внимательно прочелъ переданный ему вариантъ рукописи и сделалъ несколько существенныхъ замечаній. Первое изъ нихъ, вынесенное по его инициативе на обсужденіе Конторы Святейшаго Синода, относилось къ описанію стенописей. Архим. Леонидъ не только поместилъ ихъ наряду съ другими священными предметами, но и в главномъ алтаре Воскресенского собора — «прежде Запрестольныхъ Крестовъ и иконъ». По мнѣнію протопр. Димитрія, «лучше было бы о стѣнномъ писаніи сказать въ концѣ Главы въ особомъ Примѣчаніи» [1, л. 11 об.] В окончательномъ варианте Описи, представленномъ архим. Леонидомъ в Синодъ, такъ и было сделано [4, Ч.1, л. 11 об. – 15].

¹ Цитируются сведения изъ формулярнаго списка протопр. Д.П. Новоского.

Второе замечание касалось серебряных лампад и подсвечников, которые, согласно установленной форме, следовало указать «въ концѣ Описи каждой церкви» [1, л. 12]. Архим. Леонид включил перечень этих предметов в Опись ризницы, что, по справедливому замечанию о. Димитрия, требовало особого пояснения [1, л. 11 об. – 12].

Однако письма протопресвитера к Воскресенскому настоятелю посвящены не только делу, порученному ему Конторой Св. Синода. Они содержат подробности его жизни — повседневные и праздничные, радостные и скорбные. О. Димитрий сообщает о благоприятных для духовенства условиях служения в Успенском соборе, где, в отличие от храма Воскресения Христова в Новом Иерусалиме, было устроено отопление. Он уведомляет архим. Леонида о решениях Синода, вынесенных по поводу его монастырских дел, и говорит о своем семейном горе — скоропостижной кончине зятя, прот. Николая, который, как и он сам в молодости, был клириком московской церкви мчч. Адриана и Наталии. Смерть о. Николая сделала круглыми сиротами девятиерых его детей, большей частью — малолетних, забота о которых легла на плечи «немоцствующему старцу»: «немоцствующему, но не смутившемуся» [5, с. 8].

Эти слова об о. Димитрии сказал на его погребении прот. Н.А. Сергиевский, заслуженный профессор Московского университета, который наделил личность протопресвитера лучшими чертами, присущими уходившему столетию: «То — вѣкъ богатый величіемъ, истиннымъ величіемъ. Вѣкъ високаго разумѣнія и смиренномудрой простоты. Вѣкъ беззавѣтной любви и вѣрности своему званию и служению. Вѣкъ подвиговъ, неискавшихъ быть видимыми, но и въ видѣніи трезвыхъ и спокойныхъ. Вѣкъ непоступной вѣры и твердаго христіанскаго упованія. Вѣкъ довольства своимъ жребіемъ, но и вѣкъ благословенія на всякое истинное усовершеніе. Вѣкъ отходящій, но съ любовію и благоволеніемъ къ вѣку грядущему, съ отеческою о немъ болѣзнующею заботою и съ святою молитвою за его будущее!» [5, с. 314].

Сказанное во многом относится и к архим. Леониду. Его отношение к о. Димитрию не было исключительно деловым и официальным. В 1874 г., когда протопресвитеру исполнилось 75 лет, Воскресенский настоятель прислал юбиляру с монастырским казначеем икону вмч. Димитрия Солунского. О. Димитрий, награжденный в тот день многими знаками почести, принял дар из Нового Иерусалима как наиболее нужный для него знак любви и братской молитвы. В благодарственном письме архим. Леониду он писал: «Высоко я долженъ ценить Монаршую милость и благоволеніе ко мнѣ высшего начальства, но для моей немощи благопотребнѣе всего помощь молитвы, которой — не какъ заслуживающій, но какъ имеющій въ ней нужду, смиренно и испрашиваю...» [1, л. с. 7 об.].

Письма протопр. Димитрия позволяют насладиться глубиной и красотой этикетной и, вместе с тем, искренней русской речи, в которой слова выражают полноту смысла, теплоту души и высоту духа.

Архивные источники и литература

1. НИОР РГБ. Ф. 148. Архив архимандрита Леонида (Кавелина). Картон 11. №20. Новский, Дмитрий. Письма к Леониду, архимандриту (Кавелину). 1873-1875. 12 л. — URL : <https://libfond.ru/lib-rgb/148?page=33> (дата обращения 01.11.2021)
2. Протопресвитер Дмитрий Петрович Новский. Сведения из формулярного списка // Православное обозрение. Май-июнь. М., 1879. Т. II. XVI, с. 379-380.
3. Глинских С.С., иерей. Новые данные архивных документов о церковно-административных трудах, приведших архимандрита Леонида (Кавелина) на пост наместника Лавры преподобного Сергия // Российская национальная библиотека. Святые подвижники — основатели монастырей и книжные собрания этих обителей: К 700-летию преподобного Сергия Радонежского. Материалы международной научной конференции «IX Загребинских чтений» (Санкт-Петербург, 27-28 октября 2014 г.). СПб., 2015, с. 16-18.
4. РГАДА. Ф. 1625 (Воскресенский Ново-Иерусалимский мон.). Оп. 1. Д. 32. 1875 г.
5. Сергиевский Н.А., прот. Слово при погребении протопресвитера Димитрия Петровича Новского // Православное обозрение. Май-июнь. М., 1879. Т. II. XIII, с. 313-320.
6. Архим. Леонид (Кавелин). Месяцеслов Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. Изд. третье. М., 1880.
7. НИОР РГБ. Ф. 148. Картон 4. №17. Настольная ведомость «О монашествующих и бельцах Воскресенского Новый Иерусалим именуемого монастыря и проживающих в оном на испытании». 1870 г. Л. 1-16.
8. Головщиков К.Д. Очерк жизни и ученых трудов бывших питомцев Ярославской духовной семинарии. Ярославль, 1893.

ПРИЛОЖЕНИЕ
ПИСЬМА ДИМИТРИЯ ПЕТРОВИЧА НОВСКОГО (1799-1879)

(Л. 1) Ваше Высокопреподобіе!

Высокопочтеннѣйшій Отецъ Архимандритъ!

Съ великимъ утѣшеніемъ я имель честь получить отъ Васъ благожелательное привѣтствіе со всерадостнымъ днемъ Рождества Христа Спасителя нашего. Вполнѣ вѣрю, что Ваше привѣтствіе и доброжелательство исходятъ отъ искренняго сердца и братской любви о Господѣ, и это для меня тѣмъ болѣе дорого, что въ настоящее время на старости лѣтъ приходится чаще, нежели прежде, встрѣчать нерасположеніе и недоброжелательство. Прошу и отъ меня принять означенное и также искреннее поздравленіе съ прошедшимъ праздникомъ и наступившимъ новолѣтіемъ. Обновитель міра и времени да сохраняетъ Васъ въ мирѣ и благодати во многія грядущія лѣта. И мнѣ грешному Господь велѣлъ дожить до Праздника и до новаго года, и по милости Божіей я былъ въ состояніи служить не только въ праздникъ, но и наканунѣ и на другой день послѣ праздника и вчера въ новый годъ. Но прежнее здоровье конечно уже не возвратится, яко *пріиде кротость на ны и накажемся* Помолитесь о мнѣ, чтобы Господь даровалъ прочее конечно непродолжительное время жизни въ мирѣ и покаяніи скончати. Глубоко уважающий Васъ и искренно преданный Вамъ покорнѣйшій слуга протопресвитеръ Д. Новскій.

Января 2 дня
1873го года

=====

(Л. 3) Ваше Высокопреподобіе!

Высокопочтеннѣйшій О. Архимандритъ!

Съ великимъ утѣшеніемъ я имель честь получить отъ Вашего Высокопреподобія дышащее Христианскою любовію и усердіемъ ко мнѣ привѣтствіе съ великимъ праздникомъ Воскресенія Христа Спасителя. Для меня весьма дорого, что Вы по благорасположенію ко мнѣ, ничѣмъ не заслуженному, дѣлаете меня общникомъ духовной радости и не лишаете воспоминанія въ молитвахъ Вашихъ. Пріемлю это, какъ милость и взаимно простираю къ Вамъ объятія радости, которую Господь всѣмъ намъ даровалъ Своимъ Спасительнымъ Воскресеніемъ.

Съ боязнію за Ваше здоровье я помышляю о томъ, что Вы на Страстной недѣлѣ и въ Пасху служите въ холодномъ Соборѣ. Да сохранитъ Васъ Господь! Я кажется не могъ бы этого вынести безъ вреда для своего слабаго здоровья и почитаю за особенную ко мнѣ милость Божію, что еще¹ въ началѣ поступленія моего на настоящее мѣсто нашъ Соборъ устроили теплымъ. Съ конца третьей

¹ В ркп. слово над строкой.

недѣли поста почти до самой Страстной бывъ довольно сильно болѣнь, я и въ тепломъ соборѣ служилъ съ трудомъ въ Страстную недѣлю и боялся, чтобы не лишиться утѣшенія служить въ Пасху. Но по милости Божіей служилъ и накануне, и въ первый и даже во второй день Пасхи.

Испрашивая продолженія Вашей любви и воспоминанія въ молитвахъ Вашихъ, съ искреннѣйшею душевною преданностію честь имѣю быть Вашего Высокопреподобія покорнейшій Слуга — Протопресвитеръ Димитрій Новскій.

Апреля 13 дня
1873 года.

***(Л. 5) Ваше Высокопреподобіе!
Высокопочтеннѣйшій О. Архимандритъ!***

На слѣдующей недѣлѣ въ понедѣльникъ, 24го дня сего Іюня, я намѣреваюсь отправиться въ Вашъ монастырь для освидѣтельствованія ризницы и повѣрки вновь составленной Описи, съ почтовымъ поѣздомъ Николаевской жел. дороги, отходящимъ изъ Москвы въ 4 часа по полудни. Но не знаю, бываютъ ли *на Крюковской станціи*, кромѣ скверныхъ линеекъ, другіе экипажи, хотя и деревенскіе, но поспокойнѣе. Вамъ это вѣроятно извѣстно; и если экипажа порядочнаго тамъ найти нельзя, то не будете ли такъ милостивы, не пришлете ли изъ монастыря какого-либо тарантасика? Если же можно найти и на станціи покойный экипажъ, то конечно нѣтъ надобности присылать изъ Монастыря.

Глубоко уважающій Васъ, покорный слуга
Протопресвитеръ Д. Новскій

Іюня 21 дня
1874 года

***(Л. 7) Ваше Высокопреподобіе!
Высокопочтеннѣйшій Отецъ Архимандритъ!***

Приношу Вамъ искреннѣйшую благодарность за полученное отъ Васъ 20го дня минувшаго октября, благожелательное привѣтствіе, по случаю исполнившагося въ іюнѣ дня¹ пятидесятилѣтія моей службы. Особенно же чувствую себя обязаннымъ благодарить Васъ за молитвенное призываніе мнѣ благодатнаго покровительства Святаго *Великомученика Димитрія*, коего ношу имя, и за благословенія меня отъ усердія всей братіи Вашей обители святою иконою его. Это для меня было очень благознаменательно и назидательно, потому что назадъ тому 75^{лѣтъ}, въ этотъ самый день, явившись на свѣтъ, я поручень былъ молитвамъ Великаго Стратотерпца.

¹ Испр., в ркп. день.

Вамъ известно, что 20го дня октября я не рассчитывалъ и даже не желалъ быть привѣтствуемымъ, такъ какъ въ этотъ день исполнилось 50^{тъ} лѣтъ не священства, а только со времени поступления моего на службу въ Московскій Духовной Академіи съ званіемъ Магистра Богословія. Но люди, подобно Вамъ, ко мнѣ благорасположенные не преминули и въ этотъ день явиться ко мнѣ съ словомъ благоволенія и благожеланія или выразить мнѣ свое благоволеніе письменно. Случилось даже нечто сверхъ всякаго чаянія. Безъ всякаго представленія со стороны здѣшняго начальства и даже безъ его вѣдома, въ слѣдствіе (л. 7 об.) ходатайства Святѣйшаго Синода, Всемилостивѣйше пожаловалъ мнѣ къ означенному дню золотой наперсный Крестъ съ драгоценными украшениями. Известіе о семъ *на имя Владыки* пришло въ этотъ самый день, а до меня дошло уже послѣ первыхъ привѣтствій и по отбытіи отъ меня О. *Казначей Вашей обители*. После того удостоилъ меня посещенія и Самъ Владыка, а на другой день посѣтили меня и *Оба Преосвященные Викаріи*. На другой же день полученъ и означенный новый знакъ Монаршей милости.

Высоко я долженъ цѣнить Монаршую милость и благоволеніе ко мнѣ высшаго начальства, но для моей немощи благопотребнѣе всего помощь молитвы, которой — не какъ заслуживающей, но какъ имеющей въ ней нужду, смиренно и испрашиваю отъ любви ко мнѣ о Господе Вашего Высокопреподобія съ братією Вашей обители.

Вашего Высокопреподобія
усерднѣйшій и преданнѣйшій слуга
Протопресвитеръ Д. Новскій

Москва.
4 ноября
1874 года

(Л. 9) Ваше Высокопреподобіе!

Высокопочтеннѣйшій Отецъ Архимандритъ!

На вопросъ Вашъ объ Описи долгомъ поставляю отвѣтствовать, что если всѣ части приведены къ вождѣленному концу, то конечно надобно вполнѣ и представить въ Контору Св. Синоду, — такъ какъ я доносилъ, что Вы имѣли намѣреніе еще разъ пересмотрѣть двѣ первыя части и вмѣстѣ съ Описью библиотеки представить въ Контору, но я думаю, что на всякой случай лучше представить прежде въ одномъ экземплярѣ.

Относительно послушниковъ, всѣ Ваши предложенія, — вчера послѣднее *объ Измаиловѣ*, рѣшены согласно Вашему желанію.

Желаю Вамъ въ вождѣленномъ здравіи встретить неизреченно рдостный для всякой души Христіанской великій праздникъ (л. 9 об.) Рождества Христа

Спасителя, честь имѣю быть съ искреннѣйшимъ къ Вамъ почтеніемъ и глубокою признательностію за Ваше ко мнѣ благо-расположеніе.

Вашъ покорнѣйшій слуга
Протопресвитеръ Д. Новскій

Декабря 13го дня
1874 года

***(Л. 11) Ваше Высокопреподобіе!
Всечестнейшій Отець Архимандритъ!***

Приношу Вамъ глубочайшую благодарность за Ваше любвеобильное привѣтствіе съ Свѣтлымъ Праздникомъ Христова Воскресенія и прошу извинить меня, что своевременно не могъ отвѣтствовать на Ваше привѣтствіе и выразить крѣпко сохраняемое въ сердцѣ чувство глубокаго къ Вамъ уваженія. Внезапная смерть моего зятя — *Адріановскаго протоіерея*, оставившаго на мое попеченіе девять человѣкъ детей, большею частію малолѣтнихъ, тяжело поразили меня и возложили на меня совершенно неудобно носимое бремя заботъ. Помолитесь многуважаемыя Батюшки предъ Престоломъ Господнимъ какъ объ усопшемъ (л. 11 об.) протоіереѣ Николаѣ, такъ и о мне грѣшномъ, чтобы мнѣ совсѣмъ не пасть подъ этимъ новымъ тяжкимъ бременемъ.

Описи Ваши лежатъ у меня около мѣсяца и мною пересмотрены, хотя не въ совершенной подробности. Въ Описи библиотеки я не вижу ничего сомнительнаго къ перепискѣ ея набѣло. Относительно первой части я долженъ предложить Конторѣ на ея обсужденіе, что священныя изображения на стенахъ и сводахъ описываются наряду съ другими священными предметами и въ Главномъ Олтарѣ прежде Запрестольныхъ Крестовъ и иконъ. По моему мнѣнію лучше было бы о стѣнномъ писаніи сказать въ концѣ Главы въ особомъ Примѣчаніи. А въ Опись ризницы не знаю почему у Васъ вошли серебряныя лампы, лампадки и подсвѣчники, такъ какъ по формѣ всѣ эти предметы, какого бы ни были они (л. 12) достоинства должны быть показаны въ концѣ Описи каждой церкви. Вы безъ сомнѣнія имѣли основаніе такъ раздѣлить Описаніе означенныхъ предметовъ, но изъ Описи не видно по какой причинѣ такъ сдѣлано и для ускоренія дѣла было бы полезно, если бы Вы объяснили это въ письмѣ.

Исправшивая святыхъ Вашихъ молитвъ съ искреннѣйшею преданностію честь имѣю быть Вашего Высокопреподобія покорнѣйшій слуга Протопресвитеръ Д.Новскій

Апреля 26 дня
1875 года

Примечания

Л. 1 ...прииде кротость на ны и накажемся... — Цит.: (Пс. 89:10)¹.

Л. 5 ...на Крюковской станции... — Архим. Леонид (Кавелин) писал в «Месяцеслове», что в Воскресенский монастырь ведут из Москвы «два пути: первый по большой Волоколамской <...> дорогѣ, по которой уже устроено шоссе, второй путь черезъ Крюковскую станцію Московско-Петербургской желѣзной дороги; отъ этой станции Воскресенск² отстоять на 21 версту» [6, с. 1].

Л. 7 ...Великомученика Димитрія... — Вмч. Димитрий Солунский (†306, память 26 окт.), тезоименитый святой протопр. Димития Новгородского.

Л. 7 об. ...на имя Владыки... — Имеется в виду свт. Иннокентий (Вениаминов; 1797-1879), с 1868 г. — митр. Московский и Коломенский.

Л. 7 об. ...О. Казначая Вашей обители... — В 1874 г. казначеем Воскресенского монастыря был иерод. Антоний (Гаврилов). В 1875 г., он, уже в сане иеромонаха, к беловым спискам Главной Описи Воскресенского монастыря «руку приложилъ» после настоятеля архим. Леонида (Кавелна) и наместника иером. Венедикта (Макарова).

...Оба Преосвященные Викаріи... — Дмитровский еп. Леонид (Краснопевков), первый викарий Московской епархии (1859-1876); Можайский еп. Игнатий (Рождественский), второй викарий Московской епархии (1866-1877).

Л. 9 об. ...объ Измаиловѣ... — Послушник Воскресенского монастыря Иоанн Измаилов. В Настольной ведомости 1870 г. «О монашествующихъ и бѣльцахъ Воскресенскаго Новый Иерусалимъ именуемаго монастыря и проживающихъ въ ономъ на испытании» о нем сказано: «Проживаетъ по свидѣтельству выданному ему изъ Ржевскаго Духовнаго училища за №³ поступилъ въ Октябрѣ. Поѣтъ на правомъ клиросѣ» [7, л. 16].

Л. 11 ...Адриановскаго протоиерея... — Речь идет о зяте о. Димитрия, прот. Николае, клирике церкви во имя мчч. Адриана и Наталии в московской Мещанской слободе. О нем как протоиерее упоминает Н.А. Сергиевский в «Слове при погребении протопресвитера Димитрия Петровича Новгородского» [5, с. 320]. Вместе с тем, в справочной литературе зять протопр. Димитрия идентифицируется с Николаем Васильевичем Ушаковым (1837-1874), родившимся в семье священника из Ростова Великого и учившимся, как и Д.П. Новский, в Ярославской духовной семинарии, а затем поступившим в Санкт-Петербургскую медико-хирургическую академию, которую окончил в 1861 г. Служил в Петербурге: в 1 военно-сухопутном госпитале, с 1863 г. — в Таврическом гренадерском полку, с 1865 г. — в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку. В 1868 г. за диссертацию «О границах поля зрения в глазах с

¹ Сердечно благодарю С.К. Севастьянову за прочтение цитаты и определение ее источника.

² ныне г. Истра. — Г.З.

³ № не указан, в тексте оставлен пробел.

различным преломлением» (СПб.) получил степень доктора медицины и перешел в Московский военный госпиталь, где с 1873 г. состоял старшим ординатором. Был одним из членов-учредителей хирургического общества в Москве, автором статей по медицине. Скончался в 1874 г. от гнойного воспаления брюшины [8, с. 48-49].

Н.В. Ушаков был женат на дочери протопр. Дмитрия Новского Анне. Его сын, росший после смерти отца в доме деда, — русский и советский лингвист Дмитрий Николаевич Ушаков (1873-1942), известный языковед, специалист по русской диалектологии и лексикологии, член-корреспондент АН СССР (1939), редактор и соавтор «Толкового словаря русского языка».

Приведенные сведения не противоречат друг другу, но для полной уверенности в идентификации прот. Николая с доктором медицины Н.В. Ушаковым необходимо располагать документами, позволяющими уточнить время служения зятя протопр. Д.П. Новского в московской церкви мчч. Адриана и Наталии. Нам обнаружить эти источники пока не удалось.

Для цитирования: Матонин В.Н. Возвращение на Родину: записки и воспоминания Алексея Валериановича Брагина-Бобринского //

URL: http://rectors.altstu.ru/ru/periodical/archiv/2022/s/articles/3_4.pdf

DOI: 10.25712/ASTU.2410-485X.2022.00.016

CNF — материалы конференции

УДК 94(47+57) (092)

ББК 63.3 (2)

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ: ЗАПИСКИ И ВОСПОМИНАНИЯ АЛЕКСЕЯ ВАЛЕРИАНОВИЧА БРАГИНА-БОБРИНСКОГО

В.Н. Матонин¹

¹ ФГАОУВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»,
г. Архангельск, Российская Федерация
E-mail: matoninv@yandex.ru

В данной публикации представлены [воспоминания](#) потомка графов Бобринских Алексея Валериановича Брагина-Бобринского (1938-2014). Графский род Бобринских ведет начало от Алексея Григорьевича Бобринского — внебрачного сына Екатерины II и Г.Г. Орлова. Роль Бобринских в истории России трудно переоценить. Среди Бобринских были известные государственные и политические деятели, доблестные военные, поэты, писатели, ученые.

Алексей Валерианович Брагин-Бобринский принадлежит по материнской линии к знаменитому графскому роду Бобринских, а по отцовской линии к семье Брагиных — архангельских судейских чиновников и военных.

Вероятный предок Брагиных — Кирило Брагин, надсмотрщик Архангельской Приказной Палаты в XVIII в. [1]. Его подпись сохранилась на многих документах. Такую же должность исполнял в 1870-1876 гг. в Архангельской Палате уголовного и гражданского суда Виталий Васильевич Брагин. Канцелярские должности родителей в Российской империи, как правило, наследовались детьми.

Генеалогическими изысканиями о роде Брагиных занимались жители Архангельска — Вадим Николаевич Брагин (1935-2015) и Евгений Федорович Колтовой¹ (1946-2021) [2-4; 5; 6]. Евгений Федорович составил генеалогическое древо архангельских Брагиных. Отец Вадима Николаевича Брагина — Николай Витальевич Брагин (1883 г.р.) — был пятым ребенком в семье. В 1902 г. он окончил Архангельскую классическую гимназию, а в 1907 г. — историко-филологический факультет Московского Императорского Университета. Николай Витальевич преподавал историю, литературу, русский язык сначала в

¹ Известный краевед, изучавший военные династии. (прим.ред.)

Екатеринодарской гимназии, а затем — в «Sant Petri Schule» Санкт-Петербурга. Был также директором реального училища и инспектором народных училищ в городе Никольске. В 1920 г. переквалифицировался в инженера-экономиста, вторично женился и уехал из Архангельска в Среднюю Азию с молодой учительницей английского языка. Это спасло его от гибели. После 1917 г. все Брагины были репрессированы.

Исследуя родословие Брагиных, Вадим Николаевич узнал о судьбе родного брата своего отца — Флегонта Витальевича Брагина, о котором в «Памятной книжке» за 1910 г. сказано: «Архангельский резервный батальон. Командир 5-ой роты капитан Флегонт Витальевич Брагин». «Памятная книжка» за 1913 год дополняет информацию о нем: «198-ой пехотный Александро-Невский полк. Командир 15-ой роты капитан Флегонт Витальевич Брагин».

Ко времени революции 1917 г. в семье Флегонта Витальевича было четверо детей: две дочери — Зинаида и Надежда, и двое сыновей — Валериан и Георгий. Валериан (1899 г.р.) накануне 1917 г. учился в кадетском корпусе, а Георгий, окончив после гимназии юнкерское училище в Санкт-Петербурге, был поручиком [7].

Вадим Николаевич Брагин был знаком с Зинаидой Флегонтовной Брагиной. Она жила в Москве и скончалась в 1974 г. Ее старинная подруга по фамилии Милковская переслала Вадиму Николаевичу семейный архив Зинаиды Флегонтовны, состоящий из фотографий, открыток и нескольких документов. В настоящее время фотографии находятся у автора данной публикации, тестя Вадима Николаевича Брагина.

Через Милковскую Вадиму Николаевичу стало известно, что Флегонт Витальевич Брагин исполнял должность воинского начальника в Шенкурске. Жену Флегонта Витальевича Брагина звали Александра Вячеславна, в девичестве — Титова. Ее отец был священником Архангельского кафедрального собора. Брат Александры Вячеславны Венедикт окончил духовную академию в Москве и стал впоследствии протоиереем Вознесенской церкви под Архангельском. Вознесенский приход духовно объединял 44 деревни и по числу прихожан превосходил городские церкви Архангельска. 14 ноября 1937 г. по постановлению тройки УНКВД отец Венедикт был обвинен в контрреволюционной агитации и осужден на десятилетний срок лишения свободы. Его дальнейшая судьба неизвестна.

После революции жена и дочери Флегонта Витальевича уехали в Подмоскowie к родственникам, а он с сыном Георгием бежал в Эстонию. В городе Вейсентшвейне он умер в 1918 г. в возрасте 52 лет, в звании подполковника. Переписка Брагиных с Брагиными-Бобринскими шла через Георгия. Он женился на эстонке. Стал служащим. В 1939 г. Эстонию присоединили к Советскому Союзу, и переписка прекратилась. С приходом советской власти Георгия арестовали и отправили в лагерь. Ему удалось бежать, но здоровье было подорвано, и после 1944 г. от него не поступало никаких известий.

Валериан Флегонтович Брагин, второй сын родного брата Николая Витальевича, воевал в Добровольческой армии барона Врангеля. Был ранен под Перекопом. Едва не умер от тифа. Жил во Франции, в Болгарии, в Америке. Работал грузчиком, таксистом, играл в казачьем оркестре. Участвовал в войне с Боливией на стороне Парагвая. Был ковбоем и фермером. В эмиграции он женился на графине Юлии Владимировне Бобринской. В 1938 г. у Юлии Владимировны Бобринской и Валериана Флегонтовича Брагина, когда они жили в Сантьяго, родился сын Алексей (1938-2014).

В Америке Алексей Валерианович получил профессию летчика. Воевал и был ранен во Вьетнаме. Занимался туризмом в Африке. Женился на англичанке. Торговал яхтами. Писал о международной политике в журнале «Useless Knowledge Magazine». В 2008 г. опубликовал роман «Kingmaker».

В 2012 г. Алексея Валериановича пригласили из Чили в Россию для участия в конференции, посвященной 250-летию рода графов Бобринских. Приехав весной в Богородицк Тверской области, где находится Музей-усадьба Бобринских, Алексей Валерианович Брагин-Бобринский выступил с докладом о своей матери и о жизни семьи в эмиграции.

Впервые ступив на русскую землю в пожилом возрасте, Алексей Валерианович понял, что пришло время навсегда вернуться на Родину. Он эмигрировал в Россию, познакомился со своим дядей Вадимом Николаевичем Брагиным и архангельскими родственниками. Снял однокомнатную квартиру в Богородицке с видом на дворец, в котором родилась его мать.

Через два года Алексей Валерианович умер от рака легких и похоронен напротив алтаря храма рядом с дворцом и могилами своих именитых предков.

Автор данной публикации встречался, беседовал и переписывался с Алексеем Валериановичем Брагиным-Бобринским, отредактировал и перевел в формат литературного текста его доклад на конференции 2012 года в Богородицке, устные рассказы, фрагменты писем, а также незаконченного романа. Работа по изучению наследия Алексея Валериановича Брагина-Бобринского далека до завершения, но его воспоминания о жизни русской эмиграции имеют несомненное историческое значение. Ниже мы предлагаем вниманию читателей [записки](#) Алексея Валериановича Брагина-Бобринского.

Записанное Алексеем Валериановичем со слов его отца, белого офицера Валериана Флегонтовича Брагина, повествование о штурме Перекопа Красной Армией следует воспринимать как документальное свидетельство. Нашу задачу мы видим в восстановлении родственных связей семьи Брагиных-Бобринских, разорванные революцией и Гражданской войной.

Список литературы

1. Архангельск в XVIII веке / Сост-ль и отв. ред. Ю.Н. Беспярых. СПб.: Изд-во Русско-Балтийского информационного центра «Блиц», 1997.
2. Памятная книжка Архангельской губернии на 1861 год. Архангельск: Изд. Арханг. губ. стат. ком., [1861?].

3. Памятная книжка Архангельской губернии на 1864 год: статистический материал. Архангельск: Изд. Арханг. губ. стат. ком., [1864].
4. Памятная книжка Архангельской губернии на 1865 год. Архангельск: Изд. Арханг. губ. стат. ком., [1865].
5. Адрес-календарь Архангельской губернии на 1886 г. Архангельск: Губ. тип., 1886.
6. Справочная и памятная книга Архангельской губернии на 1875 год и статистическое описание сельского населения и его промышленности в Архангельской губернии. Архангельск: В типографиях Губернской и В. Черепанова, 1874.
7. Матонин В.Н. Архангельская династия Брагиных и графы Бобринские: исторические и личные судьбы // Геопозитика Севера в русской литературе и текстах культуры народов циркумполярного мира: сб. научн. статей: Сев. (Аркт.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова, Центр сравнит. религиоведения и этносемиотики, Науч.-образоват. центр «Ломоносов. дом». Архангельск, 2016. С. 459-472.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

ИЗ ПИСЕМ И ВОСПОМИНАНИЙ А.В. БРАГИНА-БОБРИНСКОГО

Детство

Одно из моих первых воспоминаний — предрассветное рычание львов в зоопарке Сантьяго. Я вставал рано утром и воображал, что я храбрый путешественник по Африке. Это впечатление повлияло на формирование моего характера.

Поднимавшаяся из темноты луна пугала меня. Был еще один детский страх — вырасти и где-то работать. Это опасение намекало на то, что в моем мозгу что-то действовало правильно.

В детстве я учился говорить по-русски и по-испански. Мне были очень интересны разговоры взрослых, и я их внимательно слушал. Родители меня прозвали Губкой. Когда они не хотели, чтобы я понял их разговор, переходили на французский, и не сразу сообразили, что заставили меня выучить и этот язык.

Моя первая возможность блистать в литературе пришла, когда мне было восемь лет. Надо было написать сочинение на свободную тему в одну страницу. Я представил четырехстраничный роман, испачканный кляксами, и получил двойку.

Война

Когда я достиг восемнадцати лет, уже никого не слушал. Мама считала мои письма из далеких восточных портов литературными шедеврами. Она их копировала и рассылала родственникам. К концу моего двадцатилетия после трех лет службы в американской морской пехоте я успешно преодолел свои детские страхи в отношении работы: ночью стоял в карауле, а днем учился в авиационной школе. Получив права коммерческого летчика, я весело летал в двух авиакомпаниях. Когда началась война во Вьетнаме, старое русское воспитание потребовало от меня участия в ней. В Лаосе кипела «секретная война». Там я летал на старых транспортных машинах «Куртис С-46». Их называли «фабрики вдов». Мы страдали от тяжелых потерь, но занимались снабжением партизан.

Сафари

После войны я написал свой первый роман. Он был таким ужасным, что я ограничил себя сочинением туристических брошюр. Мой старый детский сон жить среди африканской природы осуществился. Я поселился в Кении и открыл фирму сафари. Жизнь среди богатой фауны мне очень подходила. Я снова стал писать. Так как я хорошо знал малопосещаемые места, департамент охраны природы взял меня на секретную работу по борьбе с браконьерством. Эта работа была слишком успешной. Покровители браконьеров (мои хозяева) публично

меня сдали. Пришлось жить с револьвером в руке. После двух перестрелок я вернулся в Чили, где организовал туристические верховые походы в горы. Когда дело прогорело, вернулся в Штаты, чтобы продавать яхты и серьёзно писать. В 2008 году мой роман «Кингмакер» был опубликован. Мои комментарии о международной политике в журнале «Useless Knowledge Magazine» заработали мне звание «Комментатор 2010 года». Сейчас я заканчиваю роман, который будет издан в Лаосе. Живу в Сантьяго. Как многие дети, я недооценивал свою мать. Ее гуманитарная деятельность улучшила жизнь тысячам эмигрантов.

Юлия Владимировна Бобринская

Когда отдельные эпизоды из жизни моей матери складывались в хронику, я знакомился с ней как новым для меня человеком, способным подниматься над окружающими обстоятельствами. Моя мать родилась на втором этаже фамильного дворца в Богородицке. С ранних лет она научилась ездить на лошади. В брюках, как мальчишка, она обожала скакать вслед пожарной команде, а в лесу перепрыгивать через упавшие деревья. Петербург ей не нравился. В столице она мечтала о той свободе, которая была у нее в Богородицке. В Петербурге жила лучшая подруга моей мамы — Мэри Стюарт (из рода шотландских королей, которые уже несколько поколений жили в России). Вместе они создали «тайное общество» с целью освободить Шотландию от англичан и восстановить Стюартов на престоле.

Когда началась война

Владимир Алексеевич, как настоящий патриот, продал все свое имущество за рубежом, и на эти деньги купил большое количество русских военных бондов¹. Служил в армии в звании корнета. В августе 1914 года Владимир Алексеевич уехал на фронт, а Бобринские — в Петербург.

Революция

Юле было 13 лет. Она спросила брата: «Кто так быстро дрова рубит?» Брат ответил, что это стреляет пулемет. Так для нее началась революция. Мария Матвеевна зашила драгоценности в корсет. Граф, его жена, сын Георгий, дочери Наталия и София переоделись в рабочую одежду и с собакой Фокой покинули Петербург. Окружным путем прибыли в Богородицк, где пока было тихо. Когда Добровольческая армия, наступая на Москву, взяла Старый Оскол, Бобринские выехали встречать белых. Георгий записался в Добровольческую армию. У Бобринских была дача в Сочи. Владимир Алексеевич решил отвезти туда семью. Дача пряталась в горах за городом. Ночью сад навещали медведи. Юлии

¹ Военные бонды — это долговые облигации, выпущенные правительством для финансирования боевых действий. — *В.М.*

это очень нравилось. Бобринские жили спокойно, пока к ним не пришла дюжина бандитов. Они все обыскали, но ничего ценного не нашли. Бандитизм нарастал. Дедушка обзавелся револьвером и без него никуда не ходил. Владимир Алексеевич решил переехать в Туапсе. Семья поселилась в гостинице на набережной.

Эмиграция

1920 год. На рейде тревожно гудели сирены кораблей. Морской офицер уговаривал графа эвакуироваться. Он говорил: «Последняя шлюпка вот-вот отчалит. Красные в любой момент могут войти в город». Убедившись, что все пропало, Владимир Алексеевич приказал запереть в номере Юлину собаку. Заплаканная Юля с маленьким чемоданчиком в руке шла за родителями. Все сели в лодку. Матросы быстро гребли к судну. Красные начали стрелять. «Стреляют по собаке», — объявил один из моряков. Офицер приказал остановиться. Собака с окровавленной мордой догнала лодку, и матросы подняли ее на борт. Так вместе с двумя миллионами россиян эмигрировала, по меньшей мере, одна собака.

На чужбине

В Турции русским беженцам пришлось испытать грубость, унижение, голод. Все за гроши отдавали свои вещи. Бобринские поехали в Югославию, где к русским относились дружелюбно. Сверхквалифицированному графу работы не было. Семья жила на продаваемые понемногу бриллианты.

Григорий выжил и оказался в Галиополи. Он ненадолго воссоединился с семьей и уехал в Америку. По вечерам мыл посуду в ресторане, а днем учился в университете. Женится на американке и преподавал древние языки в Чикаго. Наташа вышла замуж за известного русского летчика Леонида Байдака, который служил в военно-воздушном флоте Югославии.

В Белграде появились русская газета, гимназия, кадетский корпус. Деньги кончались. Владимир Алексеевич и Мария Матвеевна решили переехать в Париж, где граф был бы менее заметен. Там он устроился бухгалтером и умер в 1927 году.

Юлия прочла в газете, что генерал Беляев предложил создать «Русский Очаг» в Парагвае, где государство бесплатно давало землю, чтобы заселить провинцию Чако. Дедушка считал эту идею утопией, которая плохо кончится, но Юлии предложение показалось привлекательным. В 1932 году Боливия, вооруженная авиацией и танками, напала на беззащитный Парагвай. Беляев создал новую Русскую Армию и приехал во Францию за подкреплением. Юлия Владимировна записалась в Русскую Армию сестрой милосердия.

Мой отец

Мой отец, Валериан Флегонтович Брагин, потомственный военный. Когда взорвалась революция, он был юнкером Московского артиллерийского училища. Он из первых двухсот человек ответил на призыв генералов Алексеева и Маркова собраться в Ростове-на-Дону и начать боевые действия против большевиков. В Крыму, в последнем бою возле Перекопа был ранен и без сознания эвакуирован в Галиполи. Он добрался до Парижа, где работал грузчиком, пока не повысил социальный статус в должности таксиста. Мой отец и несколько сотен офицеров вступили в армию генерала Белыева, погрузились в теплоход «Мендоза» и отправились на новую войну.

Брагину понравилась одна молодая дама, но, когда он узнал, что она графиня, да еще императорского рода, оставил надежду на близкое знакомство.

Для Юлии это плавание было совсем другим, нежели эвакуация из России. Юлия была весела, окружена офицерам, свободна от большевистского кошмара. На корабле устраивались творческие вечера, концерты, балы, веселая церемония экватора.

Победа и перемирие

Армия Белыева разбила боливийцев. Были объявлено перемирие и репатриация 200 000 боливийских военнопленных. Устроен грандиозный праздник. Некоторые улицы столицы Асунсьен названы русскими именами.

Что делать с приезжими, никто не знал. Парагвай обанкротился. Офицеры гуляли без дела по улицам, сидели в кафе, играли в теннис. В Теннисном клубе Брагин познакомился с графиней Бобринской.

Государство раздавало землю. Брагин вместе с тремя товарищами отправились в лес и построили дом. Прожив год в джунглях, они поняли, что без капитала бороться с лесом им не по силам. Графиня уехала в Аргентину. Брагин решил ехать туда же. В Буэнос-Айресе графиня работала счетоводом в банке. Директор нового русского оркестра пригласил Брагина играть на контрабасе. В кадетском корпусе Валериан играл на тубе. Регулярно получая зарплату, он набрался храбрости и сделал графине предложение. Они повенчались.

Коляска под зонтиком

В ноябре 1937 года оркестр под фанфары приехал в Чили. Играл в роскошном ресторане «Боярин». Через пару месяцев ресторан прогорел.

Оркестр переселился в ночной клуб «Луцерн». Там дело пошло хорошо, пока пожар не покончил с клубом и с инструментами оркестра. Чтобы увеличить катастрофу, родился я. Отец нашел работу в Консепционе, и мы поехали в этот городок. Приехали как раз во время землетрясения, которое убило 20 000 человек. Дороги и мосты были разрушены, крыша нашего дома повреждена. Я жил в коляске, покрытой зонтиком. Как мои родители

укрывались от дождя, не знаю. Когда мне было два года, в маленькую русскую колонию приехал священник и крестил меня. Наша семья жила тогда в одной комнате.

Наши гости

Когда мне было лет пять, у меня появился брат Петр. Мы жили уже в просторном двухэтажном доме. К нам часто приходили гости. Среди них были старики, которым трудно найти работу и средства к пропитанию. Элегантный профессор Афанасьев в черном костюме с черной накидкой на красной подкладке учил меня читать и писать, а мама за это приглашала его обедать у нас. Мы часто навещали генеральшу Ковалевскую. Она носила длинные платья прошлого века. Мы приносили ей сладости для чая. Она нас очень мило принимала. Когда ее разбил паралич, жила у нас.

По вечерам в семь часов мама включала радио, чтобы слушать, как папа играет в оркестре. Днем они с товарищем торговали в магазине подержанной мебели. Мама собирала одежду, консервы и посылала в Европу через Красный Крест.

Война закончилась. Стали приходить письма. Мама проводила много времени вне дома. К нам в гости стали приходить высокопоставленные чиновники из министерства иностранных дел.

Папин брат

Папа получил открытку от своего брата в Ревеля. Он сообщал, что был арестован, отправлен в советский лагерь, но бежал. Открытка датирована днем входа советской армии в Ревель. После этого он, его жена и дети пропали без вести.

Русские беженцы в Чили

Мама устроила благотворительной вечер. В небольшом зале элегантной гостиницы собралась вся русская колония. Мама объявила, что Чили готово принять две тысячи тысяч русских беженцев. Государство их поселит на стадионе, но переселенцев нужно кормить, обучать испанскому языку, найти им работу. Покамест они не приедут, необходимо построить церковь. Самые богатые русские в Чили были Черняки, у которых хорошо шло ресторанное дело. Они пожертвовали участок для церкви. Мама предложила организовать дамский комитет и выбрать председательницей мадам Черняк. Как капли, стали стекаться русские беженцы. Одними из первых прибыли тетя Наташа с мужем и дочкой. Они поселились у нас.

В 1947 году пришел первый эшелон беженцев. Их было больше тысячи. Недалеко от стадиона мы открыли гастрономическую лавку и поселились в комнату над ней. Многие беженцы собирались возле лавки, чтобы, чтобы поговорить и обсудить дела насущные. Стали заходить и чилийцы. Дело пошло.

Отец с компаньоном купили грузовик, но на крутом спуске в горах тормоза отказали. Компаньон спасся, но автомобиль улетел в овраг.

На Пасху 1948 года было закончено строительство церкви. Папа дирижировал, а новый хор замечательно пел. Приехали старые друзья Бобринских казаки Имшенетские. Владимир Николаевич устроился работать землемером. Летом он брал меня собой, учил верховой езде и профессии землемера. Появились русские журналы и газеты. Открылся Русский Дом с библиотекой, залом для праздников и часовней. Духовенство увеличилось до четырех священников. Мама меня посылала с поручениями кого-либо сопровождать или помогать заполнять анкеты. До приезда беженцев у меня не было друзей среди ровесников. При создании отряда скаутов/разведчиков родители записали в ОРЮР нас с братом Петром.

«Папаша повысил голос»

Я не встречал более спокойного человека, нежели мой отец. Мало что его возбуждало. Однажды я выходил из школы. На тротуаре стояла толпа родителей. Папаша присел на корточки, чтобы мне что-то сказать. Его внимание отвлекли скрип тормозов и крики. Он мне сказал: «Стой! Не двигайся!» — и бросился к машине, под которую только что попала женщина. Отец начал осторожно вытаскивать пострадавшую и громким голосом отдавать распоряжения:

— Несите подушку, одеяло, коробку скорой помощи, звоните в госпиталь!

Меня удивило, что его все слушались. Это был первый и последний раз, когда я услышал, что папаша повысил голос.

Куроводство по-русски

Мои родители продали магазин, и мы переехали на окраину города в небольшую усадьбу, где занялись куроводством. Все шло хорошо, пока куры не начали помирать. После того, как все куры сдохли, у нас началась санитарная работа: день и ночь горели перья мертвых кур.

Инспекторы разрешили снова открыть дело. Мы купили 5 000 кур, но и они перемерли. Отец опять занялся музыкой. В свободное время писал и продавал картины.

В Сан-Франциско

В Чили экономическая и политическая ситуация ухудшались. Коммунисты стали набирать силу. Родители объявили, что мы переселяемся в США. В апреле 1954 года мы уехали. По дороге в Сан-Франциско навестили дядю Гришу. Меня поразили размер русской колонии: восемнадцать церквей, приют, монастыри, две русских школы, большой Русский Центр с театром и гимнастическим залом. В подвале печаталась ежедневная газета.

В отношениях с американцами у меня что-то не клеилось. Страна казалась бездушной. Родители устроились работать уборщиками, брат и я разносили газеты. Тогда в Штатах жилось хорошо, даже на небольшую зарплату. Мы ходили на концерты и спектакли в Русском Центре. Папа снова играл на тубе в духовом оркестре. У меня появилось много друзей. Среди них Андрей Подойницин, который жил с мамой и бабушкой в доме Казачьего союза. Его дед служил в казачьей охране императора. У меня с Подойнициными были очень теплые отношения. Бабушка Подойница знала моего деда — графа Владимира Бобринского. Она регулярно посещала Государя, и была очень рада снова встретить мою мать, которую знала еще девочкой.

Мама устроилась работать в агентстве недвижимости и купила дом на берегу океана. Она продолжала заниматься благотворительностью и постоянно находила людей, нуждающихся в помощи.

Холодная война и развод родителей

Холодная война была в полном разгаре. Даже иностранцев забирали в армию. Чтобы избежать службы в глухой Американской провинции, я поступил в морскую пехоту, и меня посадили на крейсер. Наша база располагалась в Японии, где я посетил немало интересных портов.

Не знаю, что заставило родителей развестись, но, когда я вернулся, они жили отдельно. Брат жил с мамой, а я с отцом. Ночью работал охранником, а днем учился в школе летчиков. В 1963 году начал летать в грузовой авиакомпании. Моя база была на другой стороне Штатов, и я редко видел мать. Мой отец умер в 1967 году. Мама очень горевала, но, когда у моего брата Петра родился сын, она снова расцвела и поехала в Париж навестить сестру Сою.

Смерть мамы

В 1973 году после кочевья по Азии, Европе и Африке я приехал к маме с невестой, англичанкой. Они сразу подружились, и мама отправилась с нами в свадебное путешествие. К тому времени мама начала слепнуть, но оставалась бодрой. Ездила к Толстым в штат Нью-Йорк. Сестра Наталья поселилась неподалеку от мамы. В последние годы за мамой присматривала супружеская пара наших американских друзей. В апреле 1982 года, когда я был в Кении, мама умерла. Мне сообщили, что она не желала быть похороненной на чужбине и велела развеять ее останки над океаном.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2
ПЕРЕКОП
(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А.В. БРАГИНА-БОБРИНСКОГО О ЕГО ОТЦЕ)

«Отец игумен»

Нашу квартиру отец называл «Гусарский монастырь». Мои друзья обожали Валериана Флегонтовича и называли его «Отец игумен». Он написал про нас: «Под закуску огурцы выпивали подлецы». В нашем туалете, если поднять крышку унитаза, можно было полюбоваться на портрет Хрущева. Если бы мы жили в СССР, то трудились бы в ГУЛАГе. Наша свобода имела свою цену. Как многие офицеры, включая несколько генералов, отец работал уборщиком. Если его спрашивали, чем он занимается, он отвечал: «У меня генеральская должность. Я заведую половыми делами». Моя мама сначала тоже работала уборщицей в гостинице, а потом они с подругой открыли магазин дамской одежды.

Орден Святого Георгия

В августе 1960 года, во времена Хрущева, трехцветный русский флаг весело развевался на берегу Бакс Лэйк. Несмотря на то, что я еще не полностью оправился от тяжелого ранения, не захотел пропустить празднование 50-й годовщины Организации русских скаутов.

В глубине соснового лесного массива Сьерра Невады несколько сот молодых людей, представлявших русских, живущих в Калифорнии, Нью-Йорке, а также Франции, встали лагерем и временно воссоздали островок России под ее настоящим флагом. Этот флаг был для нас в эмиграции символом свободы и надежды на то, что коммунистическая диктатура падет.

Лагерь был расположен в уединенном месте, но в субботу приехало немалое количество гостей. Я не участвовал в играх и спортивных состязаниях, но с удовольствием наблюдал за ними. Почти все участники, младшие и постарше, были рождены за границей, как и некоторые из их родителей, приехавших по приглашению своих детей. Вечером вокруг большого костра все пели песни, и скауты разыгрывали комические сценки.

После отбоя в лесу стало тихо. Я лежал на песке возле озера, засыпая под легкий плеск волн и глядя на звезды, которые через несколько часов взойдут над Россией.

На следующий день, когда приглашенный священник отслужил литургию на алтаре, сооруженном под соснами, я отошел в сторонку, чтобы спокойно закурить. Сидя на бревне, смотрел на тихое озеро и заметил идущего в мою сторону незнакомца.

— Ваша фамилия Брагин? — спросил он.

Прежде чем ответить, я его внимательно рассмотрел. Это был небольшого роста широкоплечий пожилой человек, изуродованный шрамом под левым глазом до углубления на щеке без кости. Выражение его лица было дружелюбным и даже симпатичным. Я встал и сказал:

— Да, я Брагин.

— Вы знаете, во время Гражданской войны я был знаком с капитаном Брагиным. Служил он в Марковском полку. Вы случайно не родственники?

— Это мой отец.

— Я уже много лет его разыскиваю. У меня есть для него одно поручение.

Мне вспомнилось, что, когда мне было лет семь и мы с младшим братом качались в парке на качелях, к забору подошел мужчина.

— Иди сюда, — позвал он меня.

Что-то в его облике вызвало во мне недоверие и страх, и я, подхватив братишку за руку, побежал домой. Потом родители мне объяснили, что не все русские хорошие люди.

— Что за поручение? — спросил я у незнакомца.

— От генерала Врангеля. Приказ на повышение в чине и награду — Орден Святого Георгия.

Для меня это было очень важным событием, встречей с живой историей.

— Будьте добры, дайте мне ваш адрес и телефонный номер, я отцу передам.

Закончив формальности, мы разговорились, и мне стало ясно, что этот господин близко знал моего отца.

С отцом мы жили в удобной квартире на третьем этаже.

Я поставил машину напротив дома. Внутри квартиры было темно. Я вытащил револьвер из-под сидения и осторожно осмотрел улицу. Всё было спокойно. Сунув «Смит & Вессон» за пояс, взял рюкзак с заднего сидения и поднялся в квартиру.

Отец рано уходил на работу и сейчас уже спал. Я бесшумно вошел в кухню и приготовил себе чай, не зная, какой будет папашина реакция о его повышении в звании и ордене. У него уже случился один сердечный приступ. Завтра у нас будет время для спокойного разговора и воспоминаний.

Наступление красных

Батарея стояла на закрытой позиции за холмом. На вершине поручик Брагин лежал в траве с телефоном и наблюдал, как развивается наступление красных.

— Сколько их там? — прозвучал в трубке голос командира.

— Примерно, пять тысяч.

— Доложи, когда они будут в тысяче шагов от нашей пехоты!

— Так точно, господин майор.

Шеренги красных с винтовками наизготовку наступали широким фронтом и в полном порядке. Видно было, что Красная Армия становилась все более организованной.

— Тысяча метров! — объявил Брагин.

Ударил залп из всех орудий батареи. Четыре фонтана чернозема взметнулись в первом ряду красных, но неприятель продолжал наступать, не теряя боевого порядка.

— Прямое попадание!

Скрываемая за дымом взрывов, красная пехота продвигалась вперед. Пехотный батальон встретил красноармейцев винтовочными выстрелами. Стало невозможно вести артиллерийский огонь по передним рядам неприятеля. Белая пехота не выдержала натиска противника и побежала через позицию Брагина. Он увидел, что прислуга тянет орудия на вершину холма. Первое орудие поравнялось с позицией Брагина.

Вблизи послышались крики «Ура!» Пули звенели, ударяясь о щит орудия. Командир высунул голову из-за щита и упал с окровавленным лицом.

— Несите все снаряды!

Брагин прицеливается через ствол, заряжает снаряд и дергает шнур. Меняет наводку и снова стреляет. Остальные три орудия следуют его примеру.

Смертоносный пушечный огонь прямой наводкой остановил красных. Их шеренги смешались и наступление захлебнулось.

Брагин огляделся. Снарядов больше нет!

С правого фланга с шашками наголо на неприятеля накатывалась кавалерия. Красные побежали.

Сиваш замерз

Ночью на степь неожиданно опустился сильный мороз. Казалось, что небо скоро треснет от холода. Завернувшись в рваную шинель и положив голову на седло, как на подушку, Брагин старался уснуть. Несмотря на усталость, сон не приходил. Успокаивало только мягкое фырканье лошадей.

Стук приближающегося лошадиного галопа заставил сердце сильно биться. Брагин повернулся и облокотился на локоть.

Всадник остановился, соскочил с лошади и о чем-то спросил часового. Раздались голоса. Брагин поднялся. По замершим и затекшим ногам побежали мурашки. Он чуть не упал и ухватился за пояс с маузером в кобуре. Все вокруг тоже начали вставать. Уже не стесняясь кого-либо разбудить, Брагин топал ногами, чтобы восстановить кровоток и согреться.

— Тревога! — раздался как взрыв голос командира.

— По коням! Офицеры ко мне!

Брагин крикнул взводному старшине:

— Запрягай тачанки! — и помчался к батальонному командиру.

— Господа! Сиваш замерз. Красные идут по льду. Двигайтесь сформированным маршем и занимайте приготовленные позиции. Все свободны.

Когда Брагин вернулся в часть, лошадь уже была оседлана, а тачанки запряжены и выстроены.

Чувствуя волнение хозяина, лошадь Брагина гарцевала на месте. Нужно было пропустить два эскадрона, чтобы занять свое место в колонне.

— Рысью вперед, марш!

Серая кобыла, понимающая команды как хороший солдат, тронулась вперед. Тачанки закрипели, и взвод занял свое место.

Через пять минут лошади разогрелись, и колонна пошла в галоп.

Брагин предполагал, что красные дойдут до первой линии окопов не раньше рассвета, и на открытом льду легко будут рассеяны пулеметным огнем. Он понимал, почему они решились на рискованный маневр — обход укреплений в районе Перекопа. Он был уверен, что Добровольческая армия одержит победу. Как Тевтонские рыцари, красные погибнут на льду, и Россия будет спасена.

Пулеметные очереди вырвали Брагина из полудремы. Сигнал трубача дал понять, что надо развернуться направо.

— Тачанки вперед! Остановить атаку!

В пятистах метрах красные уже засели в окопах, будто специально для них выкопанных. Брагин решил приблизиться к неприятелю, чтобы огонь был более эффективным. Скорость разворота играла решающую роль в успехе маневра.

— Вперед карьером, марш! — Брагин сжал шпоры. Верная серая кобыла рванулась вперед. За ним ровным строем летели тачанки. Брагин вытащил маузер из деревянной кобуры. Красные открыли огонь.

— Взвод, развернись!

Получив сильный удар по руке ниже локтя, Брагин невольно разжал пальцы, и пистолет выпал из руки. Лошадь упала на колени и перевернулась. Брагин упал на замерзшую землю. Рукав окровавлен. Лошадь лежит на спине и дрыгает ногами. Пули жужжат как пчелы. Брагин поднялся. Тачанки перевернуты. Одно колесо еще вращается. Лошади без всадников дико крутятся по полю. Левой рукой Брагин взял пистолет и прекратил страдание кобылы. Удар по ноге, и сильная боль свалила поручика. Очень хочется спать, но нельзя. Нужно выполнить приказ и опрокинуть красных. Вперед! Брагин поднялся и снова упал. Снова поднялся:

— Вперед!

Увидел, что к нему скачет казак. Не останавливаясь, казак схватил Брагина за пояс и одним рывком перекинул через седло. Темнота окутала весь мир, и больше ничего не болело.

Пуля прошла навывлет

Жарко. Волк грызет руку. «Почему ты меня убил?» — спрашивает пристреленная кобыла. Раздается женский голос: «Успокойтесь!» Тело трясется от боли. Нужно встать, но кто-то удерживает, и не хватает сил подняться. Голова падает на подушку. Брагин открывает глаза.

— Так, хорошо. Лежите спокойно.

Сестра милосердия вытирает ему лицо мокрым полотенцем. Резкая, как электрический удар, боль чуть не лишает сознания.

— Бросьте меня мучить!

— Тихо. Скоро закончу. Надо выдавить весь гной.

Брагин взглянул на свою руку. Это не рука, а безобразно толстый кусок гниющего мяса фиолетового цвета.

— Вам повезло. Пуля прошла навывлет.

Сестра держит стакан воды, поднимает голову раненого.

— Пейте! Это поможет снизить жар.

— А как моя нога?

— Она болит?

— Немного.

— Тогда не беспокойтесь. У Вас еще и тиф.

Изредка выныривая из беспокойного сна, Брагин начал осматриваться. Палата полевого госпиталя. Темно. Как на Кавказе, голос муэдзина зовет правоверных на молитву.

Странно. Это было давно. Каждое утро бронепоезд красных выходил из Майкопа и обстреливал добровольцев.

— Господа! Обратите внимание! — Командир направил бинокль в сторону железной дороги.

— Видите тополя и кусты направо? Поезд остановится точно там.

Лежа на брюхе, Брагин внимательно следил за легким бронепоездом. Перед паровозом были прицеплены две платформы. Первая нагружена мешками с песком. На второй — два пулемета «Максим». За тендером на открытых платформах расположены семидесятимиллиметровые полевые орудия, которые могли стрелять в любую сторону.

Поезд остановился и начал свою ежедневную рутину.

— Захватим бронепоезд — и город наш!

Командир улыбнулся:

— Дерзость — это мать побед!

— Мать побед? Нас всех убили?

— Да, всех!

От запаха трупов тошнит. Брагин пришел в себя. Вонь шла не от трупов, а от его воспаленной руки. К сестре присоединился врач.

— Где мы?

— В Галиополи, — ответил врач.

— Как это так?

Врач покачал головой.

— России больше нет.

Брагин подумал, что у него снова начинается бред.

— Молодой человек, Вы достаточно поправились. Сегодня будем резать Вашу руку.

- Никто не будет мою руку резать! — сказал Брагин.
- У Вас гангрена. Вас может спасти только ампутация.
- Спасти от чего? Где мои товарищи? Где армия?
- Успокойтесь.
- Не будете меня резать!
- Тогда убирайтесь вон! Нам тут хватит работы!

«Светит месяц, светит яркий»

Хромая, Брагин вышел из госпиталя. В каблуке его сапога застряла пуля. Пройдя несколько шагов, он сел отдохнуть на камень. С моря дул холодный ветер. Муэдзин звал на вечернюю молитву. Еще один русский солдат прибыл умереть в чужом краю. Длинный путь привел его сюда. Золотое время кадетского корпуса осталось в далеком прошлом. Восстание военного училища против большевиков – детская игра. Когда его вели на расстрел, это тоже казалось шуткой. Сейчас он встретится с суровым полковником, который от разбитого сердца умер в немецком плену, когда узнал, что его любимая армия развалилась. Да, встретится и расскажет, как он был солдатом и с честью защищал родину от грабителей. Как четыре человека захватили красный бронепоезд и увезли. Старик будет смеяться.

Кто-то нежно потряс за плечо:

— Вставайте, пойдем!

Брагин открыл глаза. Было уже темно. Сестра милосердия помогла ему встать.

— Не беспокойтесь обо мне.

— Мы пойдем недалеко.

В доме, где были расквартированы сестры милосердия, Брагину устроили постель. Когда он не спал, должен был держать руку в растворе серы. От сестер он узнал про эвакуацию, о продаже Франции за гроши могучего русского флота, чтобы прокормить армию.

Через три недели опухоль начала спадать, но пальцы не слушались. С каждым днем Брагин становился крепче. Однажды старшая сестра принесла ему балалайку.

— Так как Вы тоже музыкант, вот Вам для развлечения.

— Благодарю, но я не могу играть одной рукой.

— Берите! — Сестра сунула ему инструмент. — Наберитесь храбрости и сыграйте мне «Светит месяц».

— Вот так. Закройте пальцы!

Сестра дала Брагину неделю на то, чтобы его пальцы научились слушаться и вытягивать мелодию.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ¹

- АЕ — «Археографический ежегодник»
АН — «Архитектурное наследство»
АН / РАН — Академия наук / Российская академия наук
БРЭ — Большая Российская энциклопедия
БТ — «Богословские труды»
ВИ — «Вопросы истории»
ВЦИ — «Вестник церковной истории»
ГАВО — Государственный архив Владимирской области (Владимир)
ГИАХМЗ «Александровская слобода» — Государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник «Александровская слобода» (Александров)
Ед. — единица хранения
Еп. вед. — «Епархиальные ведомости» (Минские, Владимирские)
ЖМНП — «Журнал Министерства народного просвещения»
ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва)
Карт. — картон
КДА — Киевская духовная академия
МДА — Московская духовная академия
МЕВ — «Московские епархиальные ведомости»
НИОР РГБ — Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (Москва)
НЧ. 2002 — Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сб. статей. М., 2002.
НЧ. 2005 — Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сб. научных статей. Вып. II. М., 2005.
НЧ. 2011 — Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сб. научных статей. Вып. III. М., 2011.
ОИДР — Общество истории и древностей Российских
ОР — Отдел рукописей
ПДПИ — «Памятники древней письменности и искусства»
ПСТБИ — Православный Свято-Тихоновский богословский институт (Москва)
ПЭ — «Православная энциклопедия»
РА — «Русский архив»
РГАДА — Российский государственный архив древних актов (Москва)
РГБ — Российская государственная библиотека (Москва)

¹ Более полно аббревиатуры и сокращения см.: Редакционно-издательское оформление церковных печатных изданий : справочник автора и издателя. М. : Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2015. 208 с. — URL : <http://izdatsovet.ru/upload/roi.pdf>

РИБ — «Русская историческая библиотека»

СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси

СПбГУКИ — Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств (Санкт-Петербург)

СПБНИИ — Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург)

СПбПДА — Санкт-Петербургская православная духовная академия (Санкт-Петербург)

ЦАНО — Центральный архив Нижегородской области

ЦНЦ РПЦ «ПЭ» — Церковно-научный центр Русской Православной Церкви «Православная энциклопедия»

ЧОИДР — «Чтения в Имп. Обществе истории и древностей Российских при Московском университете»

ЯИХМ — Ярославский историко-художественный музей (Ярославль)